

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

ЖУРНАЛ 2023

'3(106)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Алексей Данильченко
(председатель)
Сергей Балашенко
Елена Давыденко
Елена Довгань
Елена Достанко
Руслан Есин
Пауль Калиниченко
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Олег Старовойтов
Александр Шарапов
Наталья Юрова

**Редактор английского
текста:**
Полина Чернопинская

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Юридический адрес:
Беларусь, 220004, Минск,
ул. Короля, 3, пом. 8
Почтовый адрес:
Беларусь, 220050, Минск, а/я 245
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»
тел.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85
e-mail:
beljournal@evolutio.info
http://www.beljournal.evolutio.info/

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

НАХОДИТЕ НАС:

Учредитель и издатель:
 Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследова-
тельским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Перспективные направления международно-
правового урегулирования проблем противо-
действия транснациональной организованной
преступности в сфере высоких технологий и
информационной безопасности *В. В. Меркушин* **3**

К вопросу о влиянии односторонних санкций на
трансплантацию органов и тканей человека *В. В. Кришталь* **1** 6

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Коллизионное регулирование отношений/обя-
зательств, возникающих вследствие действий
в чужом интересе без поручения, в праве Ев-
ропейского союза и актах национального зако-
нодательства *Н. Г. Маскаева* **2** 2

ИНТЕРВЬЮ

Международная жизнь в лицах: Аслан Хусей-
нович Абашидзе — ученый, правовед, между-
народник **2** 9

международные отношения

Турецко-белорусские отношения в научных пу-
бликациях Республики Беларусь *О. Д. Чакыр* **3** 5

Партийно-государственная элита БССР в бри-
танской и североамериканской историографии *В. В. Шадурский* **4** 1

Иоанниты в английской дипломатии при Тюдорах *Д. В. Мазарчук* **4** 6

международные экономические отношения

Современные тенденции мирового рынка
креативных услуг *Ю. В. Петрашевская* **5** 3

Перспективы устойчивого развития мировой
текстильной и швейной промышленности на
основе принципов экосистемного подхода *С. А. Грицевич* **6** 2

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

JOURNAL

2023

'3(106)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editoring Board:
Alexey Danilchenko
(chairman)
Sergey Balashenko
Alena Dastanka
Elena Davydenko
Alena Douhan
Ruslan Esin
Paul Kalinichenko
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo
Natalia Yurova

English Text Editor:
Polina Chernopinskaya

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
Legal address:
3, Korolya str., room 8,
Minsk, 220004, Belarus
Postal address:
PO Box 245,
Minsk, 220050, Belarus
tel.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85
e-mail:
beljournal@evolutio.info
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

FIND US:

The founder and publisher:
 International Non-governmental
Association for Scientific Research, Infor-
mation and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL SECURITY LAW

Promising Directions of International Legal Regu-
lation of the Problems of Countering Transnational
Organised Crime in the Field of High Technology
and Information Security..... *Vladimir Merkushin* **3**

On the Impact of Unilateral Sanctions to the
Transplantation of the Human Organs and Tissues *Viktoriya Kryshal* **1** 6

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

The Conflict-of-Law Regulation of the Relations/
Obligations, Arising out of an Act Performed
without Due Authority in Connection with the
Affairs of Another Person, in the European Union
Law and National Legal Acts *Natallia Maskayeva* **2** 2

INTERVIEW

Figures in International Affairs: Aslan Khuseinovich
Abashidze, Renowned Scholar, Jurist and Expert
in International Law **2** 9

INTERNATIONAL RELATIONS

Turkish-Belarusian Relations in Scientific Publi-
cations of the Republic of Belarus *Onuralp Dogan Çakir* **3** 5

Party-State Elite of the BSSR in British and North
American Historiography *Victor Shadurski* **4** 1

Hospitallers in English Diplomacy under the Tudors *Dmitry Mazarchuk* **4** 6

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Modern Trends in the World Market of Creative
Services *Yuliya Petrasheuskaya* **5** 3

Prospects for Sustainable Development of the
Global Textile and Clothing Industry based on the
Principles of the Ecosystem Approach *Sviatlana Hrytsevich* **6** 2

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Владимир Меркушин

Статья посвящена актуальным вопросам международно-правового противодействия транснациональной организованной преступности в сфере высоких технологий и информационной безопасности (киберпреступности). Сформулированы перспективные направления исследования данной проблематики, проанализированы ее место и роль в системе конструирования коллективной и региональной безопасности, предложены и обоснованы новые юридические инструментариумы обеспечения национальных интересов Республики Беларусь в указанной области. Разработан и предложен на обсуждение проект Протокола о предотвращении и пресечении преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и наказаниях за них, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.

Ключевые слова: информационная безопасность; киберпреступность; международная безопасность; национальная безопасность; национальные интересы; правотворческие инициативы; сфера высоких технологий; транснациональная организованная преступность.

«Promising Directions of International Legal Regulation of the Problems of Countering Transnational Organised Crime in the Field of High Technology and Information Security» (Vladimir Merkushin)

The article is devoted to the topical issues of international legal counteraction to transnational organised crime in the field of high technologies and information security (cybercrime). Perspective directions of research of this problematic are formulated, its place and role in the system of constructing collective and regional security are analysed, new legal tools for ensuring national interests of the Republic of Belarus in this field are proposed and substantiated. The draft Protocol on Prevention, Suppression and Punishment of Crimes in the Sphere of High Technologies, Especially Cybercrimes, Supplementing the UN Convention against Transnational Organised Crime of 2000 has been developed and proposed for discussion.

Keywords: cybercrime; high technology; information security; international security; law-making initiatives; national interests; national security; transnational organised crime.

Проблема противодействия транснациональной организованной преступности в сфере высоких технологий и информационной безопасности является одним из новейших и перспективных направлений формирования стратегии коллективной и региональной безопасности государств, непосредственно затрагивающей национальные интересы государств, в том числе и Республики Беларусь (пп. 9, 12, 14 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь 2010 г. [19], п. 79 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь 2019 г. [22]).

Актуальность угроз данной проблемы постоянно анализируется экспертами ООН, по оценкам которых, если в 2018 г. ущерб от киберпреступности составлял 1,5 трлн дол. США, то к 2025 г. это показатель может увеличиться уже до 9 трлн [4].

Важнейшую роль при этом играют, с одной стороны, революционные изменения технологий управления общественными институтами (использование систем искусственного интеллекта, развитие квантовых технологий, внедрение 5—6G технологий, достижения синтетической биологии и пр. [9]), которые могут быть как способом совершения преступлений,

Автор:

Меркушин Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, докторант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: valdshin@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Merkushin Vladimir — Candidate of Law, Doctorant of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: valdshin@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

так и их объектом. С другой стороны, данные процессы создают предпосылки столкновения национальных интересов государств, способствующих возникновению конкурирующей и, особенно, «недружественной» юрисдикции [11; 20]. Это, по нашему мнению, с высокой степенью вероятности может вызвать объективные трудности обеспечения интересов Республики Беларусь, поскольку «наша страна находится на пути движения транснациональных угроз как с западной стороны, так и при их перемещении в сторону Западной Европы» [8, л. 206]. Нарастающие вызовы и угрозы правам и интересам субъектов информационного взаимодействия существенно влияют на безопасность государств и их союзов [16, с. 3] и требуют принятия более жестких мер против «преступности без границ» [48, с. 24].

Традиционное отнесение указанных и иных релевантно связанных вопросов к компетенции ряда соответствующих международных, особенно региональных, организаций, участником которых является Республика Беларусь, представляется пока безусловным с точки зрения международной правотворческой практики, однако востребованным и в то же время весьма дискуссионным в доктринальных источниках. Особенно, когда в фокусе внимания постоянно находится вопрос научного осмысления проблем реализации новых документов стратегического планирования, развития системы принципов обеспечения международной информационной безопасности в условиях цифровой трансформации [30, с. 47].

Подробное исследование отдельных, но системообразующих международно-правовых аспектов данной проблематики осуществлялось в указанных и иных работах отечественных и иностранных авторов, таких как А. Л. Баньковский, П. И. Савков [2], Д. М. Валеев [3], Е. Ф. Довгань [7; 8], О. С. Макаров [16], О. В. Мозолина [17], Н. О. Мороз [18], В. С. Овчинский, Ю. Н. Жданов [21], Т. А. Полякова [30], Т. Б. Сеитов [33], а также Э. Верхелст и Я. Ваутерс [5], Жу Цичао [9], Ф. Кальдерони [37], К. Андреассон [45], А. Крамер [47], Т. Крюссманн [48], Р. МакКаскер [49], С. Шольберг и С. Гернаути-Хели [52] и др.

Обращаясь к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. как основополагающему и инклюзивно ориентированному документу, особенно в рамках рассматриваемой тематики, отметим, что согласно пункту 1 статьи 34 указанной Конвенции «каждое Государство-участник принимает в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства необходимые меры, включая законодательные и административные меры, для обеспечения осуществления своих обязательств согласно настоящей Конвенции» [13].

При этом, руководствуясь инструментарием оценки потребностей, документально зафиксированным Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности по осуществлению Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, обратим внимание на цель данной инициативы — дать методические указания по оценке того, какие меры необходимо принять государствам-участникам для обеспечения *полной реализации потенциала* (курсив наш. — В. М.) данной Конвенции. В частности, при оценке потребностей государств-участников в оказании технической помощи акцентируется особое внимание на разработке законодательства, нацеленного на осуществление положений Конвенции [28, с. 7].

В этой связи в другом документе — резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 74/173 от 18 декабря 2019 г. отмечались «усилия Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, направленные на реализацию Глобальной программы борьбы с киберпреступностью в целях выполнения его мандата по оказанию технической помощи и наращиванию потенциала в области борьбы с киберпреступностью», а также то, что Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. «представляет собой инструмент, который могут использовать государства-участники для налаживания международного сотрудничества в деле предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней и который для ряда государств-участников может быть использован в рамках некоторых дел о киберпреступности» [35].

В целом надо отметить, что деятельность органов и учреждений системы ООН была стратегически определяющей, во-первых, в подготовке и принятии собственно Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. и трех дополнительных протоколов к ней, подписанных и ратифицированных Республикой Беларусь [24; 26; 27]; во-вторых, в формировании единой правовой платформы, касающейся работы над проектом новой Международной (Всеобъемлющей) конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях [38], и в-третьих, последовательном интегрировании результатов региональных систем безопасности во всеобщую архитектуру коллективной безопасности.

В последнем случае важно подчеркнуть, что на сегодняшний день вопросы противодействия транснациональной преступности в сфере высоких технологий и информационной безопасности наиболее систематизированы и практически отрегулированы в рамках международных региональных организаций (например, Содружества Независимых Государств

[34; 36] (далее — СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности [25] (далее — ОДКБ), Совета Европы [12], Шанхайской организации сотрудничества [29] (далее — ШОС) и др.). Однако вопрос о правовых мерах по борьбе с транснациональной организованной преступностью, по мнению австрийского ученого Т. Крюссманна, вряд ли был подготовлен с использованием сравнительного регионального опыта [48, р. 24]. Данная ситуация, на наш взгляд, несколько снижает потенциал универсального механизма сотрудничества в этой области (в первую очередь, ООН и Интерпола [56]). При том, что в ряде соответствующих резолюций Генеральной Ассамблеи ООН (например, 75/10 [39], 71/19 [40], 77/20 [41], 73/11 [42]) отмечается необходимость укрепления международного сотрудничества на глобальном, региональном и субрегиональном уровнях в различных областях, связанных с предупреждением и борьбой с транснациональной преступностью, в частности с транснациональной организованной преступностью, предупреждением и противодействием терроризму. А практическая роль того же Интерпола закреплена еще более чем в 50 резолюциях Совета Безопасности ООН [55]. И это не случайно. Поскольку на данный момент опубликованные данные о работе Интерпола [54] свидетельствуют о достаточно эффективной координации сотрудничества государств-членов в противодействии как организованной преступности [51], так и релевантно связанным с ней киберпреступлениям [44; 46].

Вышесказанное позволяет предположить, что основным маркером эффективной деятельности универсальных международных организаций, особенно ООН, является дальнейшая разработка базовых стандартов и общего юридического инструментария по реализации противодействия транснациональной организованной преступности и связанным с ней преступлениям в сфере высоких технологий и киберпреступлениям.

Здесь, с одной стороны, подписание и ратификация Конвенции против транснациональной организованной преступности 2000 г. большинством стран достаточно решает проблематику транснациональной организованной преступности на универсальном уровне, а с другой — объективно демонстрирует правовую лакуну в части, касающейся киберпреступности, которая относительно полно заполнена на региональном (субрегиональном) уровне, но «требует выработки адекватного правового обеспечения безопасности субъектов в процессе совместных действий» [18, с. 3], в том числе и при применении санкций к государствам и негосударственным акторам, принятии мер по борьбе с современными вызовами и угрозами [7, с. 9].

В связи с фактическим отсутствием каких-либо универсальных международных документов в рассматриваемой области заметен

определенный диссонанс на региональном и межрегиональном уровне. По нашему мнению, это особенно прослеживается по линии стран НАТО и аффилированных с ней иных организаций, в первую очередь Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейского союза, Совета Европы и др., в условиях снижающихся темпов их партнерства с некоторыми государствами — участниками СНГ (например, Россией и Республикой Беларусь) и практически отсутствия такового со странами ОДКБ, ШОС, Евразийского экономического союза и др.

Разрешение данной ситуации на универсальном уровне видится в ходе предпринимаемой работы над проектом Всеобъемлющей конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Однако для ряда стран здесь возникают определенные сложности.

Так, в условиях перманентной конфронтации Российской Федерации и Республики Беларусь со странами НАТО (особенно в информационной сфере) и, как следствие, со странами Европейского региона (в частности, Европейского союза, Совета Европы) вопросы совместного противодействия киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий остаются актуальными, но перестают быть среди приоритетных. Тем не менее даже такая ситуация несколько не снижает интереса Республики Беларусь к данной проблематике. Особенно следует подчеркнуть ее деятельное участие наряду с Россией [32; 53] в разработке указанного проекта Всеобъемлющей конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Причем, несмотря на то, что ряд соответствующих региональных документов, разработанных в рамках Совета Европы и открытых для присоединения (за исключением Конвенции о противодействии торговле людьми от 16 мая 2005 г. [43], вступила в силу 1 февраля 2008 г. и ратифицирована Республикой Беларусь [23]), по различным причинам находится вне возможностей присоединения к ним Республики Беларусь (например, Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 от 23 ноября 2001 г. [12] и Дополнительный протокол к ней о введении уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных сетей, от 21 января 2003 г., Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. [14], Конвенция о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия от 25 октября 2007 г. [15] и др.).

В то же время оценка результатов деятельности Управления ООН по наркотикам и преступности (далее — УНП ООН) по оказанию

содействия и поддержки осуществлению Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, представленная на Конференции участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Вена, 12—16 октября 2020 г.), выглядит более прогрессивно. Об этом свидетельствуют увеличившееся до 185 количество участников Протокола по итогам проведения Конференции и акцентирование внимания на практическом сегменте УНП ООН — осуществлять комплексную стратегию борьбы с торговлей людьми, оказывая содействие и поддержку путем реализации Протокола своей нормотворческой деятельностью и определения политики, формирования корпуса знаний, межучрежденческого сотрудничества и взаимодействия и технического сотрудничества [6]. В этом контексте выборочное и необоснованное конструирование региональной (европейской) системы безопасности, в обход возможностей универсальных инструментариев безопасности, выглядит достаточно амбивалентно.

В целях выработки устойчивой правовой позиции Республики Беларусь в системе ООН и укрепления ее межгосударственного авторитета предлагаем в рамках собственной правотворческой инициативы *проект Протокола о предотвращении и пресечении преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и наказаний за них, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.* (см. приложение).

В пользу принятия указанного проекта можно пояснить следующее.

1. Несмотря на серьезную работу над проектом Международной (Всеобъемлющей) конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, вопрос о ее своевременном принятии остается пока проблематичным. Это вызвано, на наш взгляд, высокой степенью политизации «неконструктивного международно-правового вакуума» [1, с. 9—10], сложившегося в результате усиливающейся политической конъюнктуризации в отношении правотворческих инициатив, предлагаемых Россией и поддерживающей ее Республикой Беларусь в данной сфере. В частности, предлагаемый Российской Федерацией проект Всеобъемлющей конвенции ООН по обеспечению международной информационной безопасности [53], одобряемый Республикой Беларусь, необоснованно и безальтернативно блокируется западными странами.

2. Возможность использования юридического инструментария, содержащегося в Будапештской конвенции Совета Европы 2001 г.,

представляется ограниченной в силу, с одной стороны, ее определенного территориального характера, а с другой — неприемлемости статьи 32b) данной Конвенции, на основании которой ее участники получают трансграничный доступ к данным, которыми располагает другая сторона, без уведомления властей данного государства, располагающего соответствующей информацией. По авторитетному мнению некоторых российских экспертов [31], это дает возможность зарубежным спецслужбам вмешиваться без официального уведомления в деятельность компьютерных сетей (в частности, России), угрожать ее безопасности и суверенитету, нарушать фундаментальные гражданские права (особенно это касается личных (персональных) данных).

3. Недостаточная эффективность Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. по урегулированию вопросов противодействия вновь возникающим видам киберпреступлений, особенно носящих системный, организованный и трансграничный характер (например, сетевого мошенничества, спамерской деятельности, легализации (отмывания) денег и финансирования терроризма, создания и распространения программ и методов, направленных на подрыв нормального функционирования критической инфраструктуры государств [10, с. 6—7] и пр.).

Представляется, что предлагаемый авторский проект протокола к Конвенции ООН 2000 г. может стать отправной точкой и своего рода компромиссным вариантом урегулирования вопросов противодействия киберпреступности и информационной безопасности на универсальном уровне.

Таким образом, опираясь на значительную эмпирическую и научно-теоретическую базу, раскрывающую отдельные, но немаловажные стороны рассматриваемой проблематики, подчеркнем настоятельную необходимость ее дальнейшего совершенствования, особенно с точки зрения прогрессивного развития международного права в данной области, в противовес внеконвенциональной деятельности отдельных международных неправительственных организаций (например, *Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN)*, *Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications (SWIFT)*, *International Organization for Standardization (ISO)*), иных негосударственных акторов (например, западных частных военных и охранных компаний), обоснованно рассматриваемых в ряде случаев в качестве квазисубъектов транснациональной организованной преступности [50].

Предлагаемый проект протокола, дополняющего Конвенцию против транснациональной организованной преступности 2000 г., не противоречит цели самой Конвенции (ст. 1), соответствует сферам ее применения (ст. 3),

подтверждается статьей 37 Конвенции (взаимосвязь с протоколами), предусматривающей возможность дополнения Конвенции одним или несколькими протоколами. Поскольку Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 г. насчитывает к настоящему времени 190 участников, можно констатировать ее безусловную юридическую состоятельность, что, если не предопределяет, то и не исключает определенное внимание к предлагаемому проекту дополнительного протокола к ней.

Данный проект протокола направлен на решение, хотя только и определенной части специфических проблем в рассматриваемой области, однако уже имеющих устойчивую юридическую основу в формате действующей Конвенции против транснациональной организованной преступности 2000 г., особенно важных при реализации функциональных возможностей системы коллективной (региональной) безопасности, в том числе и в части обеспечения интересов национальной безопасности Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Арчаков, В. Ю. К вопросу о международных коррупционных рейтингах / В. Ю. Арчаков, А. Л. Баньковский, И. В. Щеглов // Законность и правопорядок. — 2021. — № 3. — С. 9—15.
2. Баньковский, А. Л. Концептуальные взгляды стран запада на кибервойны / А. Л. Баньковский, П. И. Савков // Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 17 дек. 2021 г. / редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2021. — С. 40—45.
3. Валеев, Д. М. Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Д. М. Валеев. — М., 2016. — 227 л.
4. В Вене проходят переговоры по разработке конвенции о борьбе с киберпреступностью [Электронный ресурс] // Новости ООН. — 17.01.2023. — Режим доступа: <<https://news.un.org/ru/story/2023/01/1436692>>. — Дата доступа: 26.09.2023.
5. Верхелст, Э. Глобальное управление в сфере кибербезопасности: взгляд с позиции международного права и права ЕС / Э. Верхелст, Я. Ваутерс // Вестн. междунар. организаций. — 2020. — Т. 15, № 2. — С. 141—172.
6. Деятельность Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности по оказанию содействия и поддержки осуществлению Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: доклад Секретариата: док. ООН CTOC/COP/2020/2 [Электронный ресурс] // Управление ООН по наркотикам и преступности. — Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/COP/SESSION_10/Website/CTOC_COP_2020_2/CTOC_COP_2020_2_R.pdf>. — Дата доступа: 26.09.2023.
7. Довгань, Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности / Е. Ф. Довгань. — Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. — 262 с.
8. Довгань, Е. Ф. Региональный механизм системы коллективной безопасности в современном международном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Е. Ф. Довгань. — Минск, 2014. — 333 л.
9. Жу Цичао. Влияние развития технологий искусственного интеллекта на кибербезопасность / Жу Цичао [Электронный ресурс] // Сборник докладов участников пятнадцатого международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности», Москва, 27—29 сент. 2021 г. — С. 142—143. — Режим доступа: <<https://namib.online/wp-content/uploads/2021/12/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A-%D0%94%D0%9E%D0%9A%D0%9B%D0%90%D0%94%D0%9E%D0%92-%D0%A3%D0%A7%D0%90%D0%A1%D0%A2%D0%9D%D0%98%D0%9A%D0%9E%D0%92-XV-%D0%9C%D0%95%D0%96%D0%94%D0%A3%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%9E%D0%94%D0%9D%D0%9E%D0%93%D0%9E-%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%A3%D0%9C%D0%90.pdf>>. — Дата доступа: 02.01.2023.
10. Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве: материалы «круглого стола» каф. гос. управления юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 апр. 2022 г. / редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), Е. Ф. Довгань, Н. О. Мороз. — Минск: БГУ, 2022. — 298 с.
11. К «недружественным» отнесли все страны ЕС и еще 12 государств [Электронный ресурс] // Экономическая газета. — 08.04.2022. — Режим доступа: <<https://neg.by/novosti/otkrytj/k-nedruzhestvennym-otnesli-vse-strany-es-i-esliche-12-gosudarstv/>>. — Дата доступа: 02.01.2023.
12. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 нояб. 2001 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». — Режим доступа: <<http://base.garant.ru/4089723/>>. — Дата доступа: 08.02.2023.
13. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 15 нояб. 2000 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml>. — Дата доступа: 02.01.2023.
14. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS N 141 (Страсбург, 8 нояб. 1990 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». — Режим доступа: <<https://base.garant.ru/2541079/>>. — Дата доступа: 08.02.2023.
15. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (Лансарот, 25 окт. 2007 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». — Режим доступа: <<https://docs.cntd.ru/document/499039123>>. — Дата доступа: 08.02.2023.
16. Макаров, О. С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств — участников Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13 / О. С. Макаров. — М., 2013. — 52 с.
17. Мозолина, О. В. Публично-правовые аспекты международного регулирования отношений в Интернете: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / О. В. Мозолина. — М., 2008. — 26 с.
18. Мороз, Н. О. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий / Н. О. Мороз. — Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. — 266 с.
19. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

20. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.
21. Овчинский, В. Организованная киберпреступность / В. Овчинский, Ю. Жданов [Электронный ресурс] // Завтра. ру. — 25.11.2021. — Режим доступа: <https://zavtra.ru/blogs/organizovannaya_kiberprestupnost_>. — Дата доступа: 02.01.2023.
22. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
23. О присоединении Республики Беларусь к Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми: Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 40-З [Электронный ресурс] // Там же.
24. О присоединении Республики Беларусь к Протоколу против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющему Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь от 4 авг. 2004 г. № 312-З [Электронный ресурс] // Там же.
25. О ратификации Протокола о взаимодействии государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере: Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 292-З [Электронный ресурс] // Там же.
26. О ратификации Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь от 3 мая 2003 г. № 197-З [Электронный ресурс] // Там же.
27. О ратификации Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь от 3 мая 2003 г. № 196-З [Электронный ресурс] // Там же.
28. Осуществление Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: инструментарий оценки потребностей. — Нью-Йорк: ООН, 2016. — vi, 103 с. [Электронный ресурс] // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. — Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/organized-crime/tools_and_publications/16-02940_R_ebook.pdf>. — Дата доступа: 02.01.2023.
29. О Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. — 08.12.2015. — Режим доступа: <<https://rus.sectso.org/20151208/16789.html>>. — Дата доступа: 02.01.2023.
30. Полякова, Т. А. Развитие системы международной информационной безопасности и стратегические задачи правового обеспечения информационной безопасности на национальном и региональном уровнях / Т. А. Полякова [Электронный ресурс] // Сборник докладов участников пятнадцатого международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности», Москва, 27–29 сент. 2021 г. — С. 47–50. — Режим доступа: <<https://namib.online/wp-content/uploads/2021/12/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A-%D0%94%D0%9E%D0%9A%D0%9B%D0%90%D0%94%D0%9E%D0%92-%D0%A3%D0%A7%D0%90%D0%A1%D0%A2%D0%9D%D0%98%D0%9A%D0%9E%D0%92-XV-%D0%9C%D0%95%D0%96%D0%94%D0%A3%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%9E%D0%94%D0%9D%D0%9E%D0%93%D0%9E-%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%A3%D0%9C%D0%90.pdf>>. — Дата доступа: 02.01.2023.
31. Российский дипломат назвал Будапештскую конвенцию по киберпреступлениям устаревшей [Электронный ресурс] // ТАСС. — 04.12.2017. — Режим доступа: <<https://tass.ru/politika/4782506>>. — Дата доступа: 10.04.2023.
32. Россия и Беларусь предлагают разработать конвенцию о борьбе с использованием информационных технологий в преступных целях [Электронный ресурс] // Новости ООН. — 20.10.2019. — Режим доступа: <<https://news.un.org/ru/story/2019/10/1365291>>. — Дата доступа: 26.09.2023.
33. Сеитов, Т. Б. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с компьютерной преступностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Т. Б. Сеитов. — Алматы, 2002. — 23 с.
34. Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01.06.2001 г. [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <<https://cis.minsk.by/page/866>>. — Дата доступа: 02.01.2023.
35. Содействие оказанию технической помощи и наращиванию потенциала для усиления национальных мер и укрепления международного сотрудничества в целях борьбы с киберпреступностью, включая обмен информацией: док. ООН A/RES/74/173 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/3847137>>. — Дата доступа: 02.01.2023.
36. Сотрудничество в сфере безопасности [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. — Режим доступа: <<https://e-cis.info/cooperation/2828/>>. — Дата доступа: 02.01.2023.
37. Calderoni, F. The European legal framework on cybercrime: striving for an effective implementation / F. Calderoni // Crime, Law a. Social Change. — 2010. — Vol. 54, N 5. — P. 339–357. (<http://dx.doi.org/10.1007/s10611-010-9261-6>)
38. Consolidated negotiating document on the general provisions and the provisions on criminalization and on procedural measures and law enforcement of a comprehensive international convention on countering the use of information and communications technologies for criminal purposes: [status as of 21 Jan. 2023] [Electronic resource] // United Nations Office on Drugs and Crime. — Mode of access: <https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/4th_Session/Documents/CND_21.01.2023_-_Copy.pdf>. — Date of access: 19.10.2023.
39. Cooperation between the United Nations and the International Criminal Police Organization (INTERPOL): UN Doc. A/RES/75/10 [Electronic resource] // United Nations Digital Library. — Mode of access: <<https://digitallibrary.un.org/record/3893795>>. — Date of access: 02.02.2023.
40. Cooperation between the United Nations and the International Criminal Police Organization (INTERPOL): UN Doc. A/RES/71/19 [Electronic resource] // United Nations Digital Library. — Mode of access: <<https://digitallibrary.un.org/record/851099>>. — Date of access: 02.02.2023.
41. Cooperation between the United Nations and the International Criminal Police Organization (INTERPOL): UN Doc. A/RES/77/20 [Electronic resource] // United Nations Digital Library. — Mode of access: <<https://digitallibrary.un.org/record/3996188>>. — Date of access: 02.02.2023.
42. Cooperation between the United Nations and the International Criminal Police Organization (INTERPOL): UN Doc. A/RES/73/11 [Electronic resource] // United Nations Digital Library. — Mode of access: <<https://digitallibrary.un.org/record/1654579>>. — Date of access: 02.02.2023.
43. Council of Europe Convention on Action against Trafficking in Human Beings (CETS № 197) (Warsaw, 16.05.2005) [Electronic resource] // Conventions. — Mode of access: <<https://www.conventions.ru/int/11578/>>. — Date of access: 08.02.2023.

44. Cybercrime [Electronic resource] // INTERPOL. — Mode of access: <<https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime>>. — Date of access: 18.12.2022.
45. Cybersecurity: public sector threats and response / ed. by K. J. Andreasson. — Boca Raton: CRC Press, 2011. — 392 p. (<https://doi.org/10.1201/b11363>)
46. Global Strategy on Organized and Emerging Crime [Electronic resource] // INTERPOL. — Mode of access: <<https://www.interpol.int/content/download/5582/file/Global%20Strategy%20on%20Organized%20and%20Emerging%20Crime.pdf>>. — Date of access: 09.12.2021.
47. Kramer, A. E. Expert Issues a Cyberwar Warning / A. E. Kramer, N. Perlroth [Electronic resource] // The New York Times. — 03.06.2012. — Mode of access: <<https://www.nytimes.com/2012/06/04/technology/cyberweapon-warning-from-kaspersky-a-computer-security-expert.html>>. — Date of access: 12.01.2023.
48. Kruessmann, T. Human rights in combating organised crime and the problem of «illegal» migration in Europe / T. Kruessmann // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. — 2020. — № 3. — С. 24–29.
49. McCusker, R. Transnational organized cyber crime: distinguishing threat from reality / R. McCusker // Crime, Law and Social Change. — 2006. — Vol. 46, N 4-5. — P. 257–273.
50. Merkushin, V. V. Non-state actors as quasi-subjects of transnational organised crime: implications for the security of states / V. V. Merkushin // Journal of the Belarusian State University. International Relations. — 2022. — N 1. — P. 66–73.
51. Organized crime [Electronic resource] // INTERPOL. — Mode of access: <<https://www.interpol.int/Crimes/Organized-crime>>. — Date of access: 18.12.2022.
52. Schjolberg, S. A Global Treaty on Cybersecurity and Cybercrime / S. Schjolberg, S. Ghernaouti-Helie [Electronic resource] // CyberCrime Law. — Mode of access: <https://cybercrimelaw.net/documents/A_Global_Treaty_on_Cybersecurity_and_Cybercrime_Second_edition_2011.pdf>. — Date of access: 01.01.2023.
53. The Russian Federation submitted to the United Nations the world's first draft convention against cybercrime [Electronic resource] // CySecurity. — 29.07.2021. — Mode of access: <<https://www.cysecurity.news/2021/07/the-russian-federation-submitted-to.html>>. — Date of access: 08.11.2022.
54. 2022: the year in review [Electronic resource] // INTERPOL. — 23.12.2022. — Mode of access: <<https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/2022-the-year-in-review>>. — Date of access: 02.01.2023.
55. UNGA and UNSC resolutions highlighting INTERPOL's role [Electronic resource] // INTERPOL. — Mode of access: <<https://www.interpol.int/Our-partners/International-organization-partners/INTERPOL-and-the-United-Nations/UNGA-and-UNSC-resolutions-highlighting-INTERPOL-s-role>>. — Date of access: 02.01.2023.
56. United Nations designates 7 September as International Day of Police Cooperation [Electronic resource] // INTERPOL. — Mode of access: <<https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/United-Nations-designates-7-September-as-International-Day-of-Police-Cooperation>>. — Date of access: 18.12.2022.

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2023 г., доработана в октябре 2023 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Проект

Протокол о предотвращении и пресечении преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и наказаниях за них, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.

ПРЕАМБУЛА

Государства — участники настоящего Протокола, заявляя, что для принятия эффективных мер по предотвращению преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и борьбе с ними необходим всеобъемлющий международный подход в странах их подготовки, организации и совершения, включающий меры, направленные на предупреждение таких преступлений, наказание занимающихся ими лиц, включая сотрудничество, обмен информацией и другие надлежащие меры на национальном, региональном и международном уровнях,

сознавая безотлагательную необходимость предотвращения и пресечения преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, поскольку такие действия наносят ущерб безопасности каждого государства, отдельного региона и мира в целом, создавая угрозу благополучию народов, их социально-экономическому развитию и праву на защиту личной информации, учитывая то обстоятельство, что, несмотря на существование целого ряда региональных международных документов, содержащих нормы и предусматривающих практические меры по борьбе с киберпреступностью, отсутствует универсальный документ, в котором затрагивались бы все аспекты преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений,

будучи обеспокоены тем, что в отсутствие такого документа лица, которые являются уязвимыми с точки зрения преступлений в сфере высоких технологий, не будут в достаточной мере защищены в силу значительного расширения деятельности организованных преступных групп применительно к связанной с этим преступной деятельности, которая причиняет огромный ущерб многим государствам,

руководствуясь принципами равноправия и самоопределения народов, закрепленными в Уставе Организации Объединенных Наций, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и Конвенции о международном праве опровержения,

будучи убеждены, что дополнение Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятой 15 ноября 2000 г. (далее — Конвенция), международным документом о предотвращении и пресечении преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и наказаниях за них будет способствовать предупреждению таких преступлений и борьбе с ними, согласились о нижеследующем:

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1

Связь с Конвенцией Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности

1. Настоящий Протокол дополняет Конвенцию.
2. Положения Конвенции применяются *mutatis mutandis* к настоящему Протоколу, если в нем не предусмотрено иное.
3. Преступления, признанные таковыми в соответствии со статьей 5 настоящего Протокола, рассматриваются как преступления, признанные таковыми в соответствии с Конвенцией.

Статья 2

Цели

Цель настоящего Протокола заключается в предупреждении преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и борьбе с ними, а также в содействии развитию, облегчению и укреплению сотрудничества между Государствами-участниками в достижении этих целей.

Статья 3

Термины

Для целей настоящего Протокола:

- a) «преступление в сфере высоких технологий» означает преступление, осуществляемое в целях получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды путем незаконного использования телекоммуникационных технологий и (или) компьютерных технологий, а также иных технических средств, применяемых для сбора данных в целях дальнейшего преобразования этих данных при помощи телекоммуникационных и (или) компьютерных технологий;
- b) «киберпреступление» означает осуществление незаконных действий в целях получения, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды, непосредственно совершенных с использованием и (или) против компьютерной информации, компьютерной сети или системы (технологий), телекоммуникационных технологий;
- c) «незаконное использование информационно-телекоммуникационных технологий» означает применение способов и форм передачи информации по информационно-коммуникационным сетям (телефонным линиям, каналам спутниковой связи, компьютерным сетям, включая сеть Интернет, и др.) без соблюдения необходимых требований для законного их применения;
- d) «незаконное использование компьютерных технологий» означает применение программных средств, осуществляющих функции хранения, передачи, обработки, защиты и визуализации (воспроизведения) данных с использованием компьютерной сети или системы без соблюдения необходимых требований для законного их применения;
- e) «детская порнография в информационно-коммуникационных сетях либо с использованием компьютерных технологий» означает преступление, осуществляемое путем создания, распространения и хранения какими бы то ни было средствами любых изображений ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях.

Статья 4

Сфера применения

Настоящий Протокол, если в нем не указано иное, применяется к предупреждению, расследованию и уголовному преследованию в связи с преступлениями, признанными таковыми в соответствии со статьей 5 настоящего Протокола, если эти преступления носят транснациональный характер и совершены при участии организованной преступной группы, а также к защите права лиц, которые стали объектом таких преступлений.

Статья 5

Криминализация

1. Каждое Государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, которые могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых деяния, указанные в статье 3 настоящего Протокола, когда они совершаются умышленно, в том числе следующие деяния:

а) «кардинг» — использование, продажа, совместное использование или иное распространение украденных данных с кредитной или дебетовой карты;

б) «криптоджекинг» — незаконный майнинг (добывание) криптовалют;

с) «взлом или незаконный доступ к информационно-телекоммуникационным технологиям» — получение несанкционированного или незаконного доступа к информационно-телекоммуникационным технологиям, а также превышение законного (санкционированного) доступа к информационно-телекоммуникационным технологиям в установленных законодательством и иными не противоречащих законодательству случаях;

д) раскрытие личной информации или переход по ссылке, зараженной вредоносным программным обеспечением;

е) «ботнет» — разработка и(или) заражение вредоносными программами информационно-коммуникационных сетей, иных цифровых устройств в целях их отслеживания, удаленного управления и иного использования;

ф) «подделка с использованием информационно-коммуникационных технологий (компьютерная подделка)» — незаконное действие в целях ввода, изменения, удаления или подавления компьютерных данных, приводящее к получению недостоверных данных с намерением придания им вида подлинных, независимо от того, доступны данные для прямого чтения или являются понятными;

г) «мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий (компьютерное мошенничество)» — незаконное действие в целях ввода, изменения, удаления или подавления компьютерных данных или любого вмешательства в функционирование компьютерной системы для получения финансовой, материальной и иной выгоды для себя или другого лица (лиц);

h) «банковское мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий» — незаконное (несанкционированное) использование платежных данных лиц в целях получения финансовой, материальной и иной выгоды для себя или другого лица (лиц) («скимминг», «фишинг» и пр.);

и) «онлайн мошенничество (мошенничество в сети Интернет)» — незаконное действие посредством нежелательных сообщений в электронной почте, телефонных звонков, текстовых сообщений, платформ социальных сетей, приложений и веб-сайтов в целях вынуждения лица предоставить денежные средства, материальное и иное имущество, а также информацию либо заставить лицо участвовать в каких-либо действиях;

j) «киберэксторсия» — вымогательство с помощью информационно-коммуникационных технологий («сексторсия», мошенничество с выкупом, «доксинг» и др.);

к) незаконные азартные игры в сети Интернет;

l) легализация («отмывание») преступных активов.

2. Каждое Государство-участник при условии соблюдения основных принципов своей правовой системы принимает также такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи следующие деяния:

а) покушение на совершение соответствующего преступления;

б) участие в качестве сообщника в совершении соответствующего преступления; и

с) организация других лиц в виде пособничества, подстрекательства, содействия, координации и руководства ими в целях совершения соответствующего преступления.

3. Каждое Государство-участник принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве обстоятельств, отягчающих преступления, признанные таковыми в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи, и при условии соблюдения основных принципов своей правовой системы обстоятельства:

а) которые ставят или могут поставить под угрозу жизнь или безопасность лиц, использующих информационно-коммуникационные сети (технологии); или

б) которые связаны с унижающим достоинство обращением с лицами, не достигшими 18-летнего возраста, в том числе в целях сексуальной эксплуатации.

4. Ничто в настоящем Протоколе не препятствует Государству-участнику принимать меры в отношении какого-либо лица, деяние которого является уголовно наказуемым согласно внутреннему законодательству данного государства.

Статья 6

Конфискация, арест и отчуждение

1. Без ущерба для положений статьи 12 Конвенции Государства-участники принимают в максимально возможной в рамках их внутренних правовых систем степени такие меры, которые могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации доходов от преступления согласно статье 2е) Конвенции.

2. Государства-участники принимают в рамках своих внутренних правовых систем такие меры, которые могут потребоваться для борьбы с «отмыванием» денежных средств, полученных в результате соответствующих преступлений, без ущерба для положений статей 6 и 7 Конвенции.

II. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ, ОСОБЕННО КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья 7 Информация

1. Каждое Государство-участник обеспечивает хранение в течение не менее десяти лет информации, которая касается преступлений, указанных в статье 3 настоящего Протокола. Такая информация включает, в частности:

- а) данные, касающиеся методов, способов и средств совершения преступлений, а также лиц, совершивших преступления, указанные в статье 5 настоящего Протокола;
- б) данные об организованных преступных группах, которые, как это известно или которые подозреваются, принимают участие в совершении преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и методах, которые они используют;
- с) средства сокрытия, используемые при совершении преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и способы их выявления;
- д) законодательный опыт, а также практику и меры, направленные на предупреждение и пресечение преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и борьбу с этими деяниями;
- е) научно-техническую информацию, полезную для деятельности правоохранительных органов в целях расширения их возможностей по предупреждению, выявлению и расследованию деяний, указанных в статье 5 настоящего Протокола, и уголовного преследования причастных к ним лиц.

2. Государства-участники предоставляют или в надлежащих случаях обмениваются между собой соответствующей научно-технической информацией в интересах правоохранительных органов с тем, чтобы расширить их возможности в отношении предупреждения, выявления и расследования преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и судебного преследования причастных к такой незаконной деятельности лиц.

3. Государства-участники сотрудничают между собой в предупреждении, выявлении и расследовании преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений. Такое сотрудничество включает незамедлительный ответ на запросы об оказании помощи в выявлении и отслеживании указанных преступлений в пределах имеющихся возможностей.

4. При условии соблюдения основных принципов своей правовой системы или любых других международных соглашений каждое Государство-участник гарантирует конфиденциальность получаемой им в соответствии с настоящей статьей от другого Государства-участника информации, относящейся к государственному секретам, а также иной защищаемой информации в соответствии с законодательством Государств-участников, включая защищенную правами собственности информацию, связанную с коммерческими сделками, и соблюдает любые ограничения в отношении использования такой информации в случае обращения к нему с соответствующей просьбой Государства-участника, предоставляющего информацию. Если такая конфиденциальность не может быть обеспечена, Государство-участник, предоставившее информацию, уведомляется об этом до ее разглашения.

5. Государство-участник, которое получает информацию, выполняет любую просьбу предоставляющего Государства-участника, сопряженную с установлением ограничений в отношении ее использования.

Статья 8 Сотрудничество

1. Государства-участники сотрудничают на двустороннем, региональном и международном уровнях в целях предупреждения и пресечения преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и борьбы с такими деяниями.

2. Без ущерба для положений пункта 13 статьи 18 Конвенции каждое Государство-участник назначает национальный орган или должностное лицо для поддержания связей между ним и другими Государствами-участниками по вопросам, относящимся к настоящему Протоколу.

3. Государства-участники рассматривают возможность заключения двусторонних или региональных соглашений, или оперативных договоренностей, или взаимопониманий, направленных на:

- а) принятие наиболее надлежащих и эффективных мер по предупреждению деяний, указанных в статье 5 настоящего Протокола, и борьбу с ними; или
- б) развитие применения положений настоящего Протокола в отношениях между Государствами-участниками.

Статья 9

Подготовка кадров и техническая помощь

Государства-участники сотрудничают друг с другом и в надлежащих случаях с соответствующими международными организациями в предоставлении Государствам-участникам по их просьбе помощи в подготовке кадров и технической помощи, необходимой для укрепления их возможностей в области предупреждения и пресечения преступлений в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлений, и борьбы с такими деяниями, в том числе технической, финансовой и материальной помощи по вопросам, указанным в статьях 29 и 30 Конвенции.

Статья 10

Брокеры и брокерские операции

1. В целях предупреждения и противодействия преступлениям в сфере высоких технологий, особенно киберпреступлениям, Государства-участники, которые еще не предприняли соответствующие меры, рассматривают возможность создания системы регулирования деятельности лиц, осуществляющих брокерские операции. Такая система может предусматривать принятие одной или нескольких мер, например установления требований:

- a) регистрации брокеров, действующих на их территории;
- b) лицензирования или получения разрешения на брокерские операции; или
- c) указания доменных имен или наименований брокеров, участвующих в сделке, и данных о их местонахождении в импортных и экспортных лицензиях, или разрешениях, или сопровождающих документах.

2. Государства-участники, которые создали систему разрешений в отношении брокерских операций, упомянутую в пункте 1 настоящей статьи, поощряются к обмену сведениями о брокерах и брокерских операциях в рамках обмена информацией и к хранению документации, касающейся брокеров и брокерских операций, согласно статье 7 настоящего Протокола.

Статья 11

Другие меры по предупреждению

1. Каждое Государство-участник принимает меры по обеспечению создания или совершенствования информационных программ, направленных на углубление понимания обществом того обстоятельства, что деяния, указанные в статье 5 настоящего Протокола, представляют собой преступную деятельность, которую часто осуществляют организованные преступные группы в корыстных целях и которая создает серьезную угрозу для соответствующих пользователей информационно-коммуникационных систем (технологий).

2. В соответствии со статьей 31 Конвенции Государства-участники сотрудничают в области общественной информации в целях предупреждения того, чтобы потенциальные пользователи информационно-коммуникационных систем (технологий) становились жертвами организованных преступных групп.

Статья 12

Меры защиты и помощи

1. При осуществлении настоящего Протокола каждое Государство-участник принимает в соответствии со своими обязательствами по международному праву все надлежащие меры, в том числе, если это необходимо, в области законодательства, для соблюдения и защиты прав лиц, которые стали объектом деяний, указанных в статье 5 настоящего Протокола, в том объеме, в котором эти права предусмотрены применимыми нормами международного права, в частности правом на свободный и полный доступ к информации при условии соблюдения и уважения прав иных лиц.

2. Каждое Государство-участник принимает надлежащие меры по предоставлению помощи лицам, пострадавшим от преступлений, указанных в статье 5 настоящего Протокола, а также от насилия, которому они могут подвергнуться со стороны отдельных лиц или группы лиц в результате того, что они стали объектом деяний, указанных в статье 5 настоящего Протокола.

3. При применении положений настоящей статьи Государства-участники принимают во внимание особую уязвимость женщин и детей.

4. В случае задержания какого-либо лица, которое стало объектом деяний, указанных в статье 5 настоящего Протокола, каждое Государство-участник выполняет свои обязательства по Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., когда это применимо, в том числе обязательство незамедлительно информировать это лицо о положениях, касающихся уведомлений, направляемых консульским должностным лицам, и сношений с такими должностными лицами.

III. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 13

Урегулирование споров

1. Государства-участники стремятся урегулировать споры относительно толкования или применения настоящего Протокола путем переговоров.

2. Любой спор между двумя или более Государствами-участниками относительно толкования или применения настоящего Протокола, который не может быть урегулирован путем переговоров в течение разумного периода времени, передается по просьбе одного из этих Государств-участников на арбитражное разбирательство. Если в течение шести месяцев со дня обращения с просьбой об арбитраже эти Государства-участники не смогут договориться о его организации, любое из этих Государств-участников может передать спор в Международный Суд ООН, обратившись с заявлением в соответствии со Статутом Суда.

3. Каждое Государство-участник при подписании, ратификации, принятии, утверждении настоящего Протокола или присоединении к нему может заявить о том, что оно не считает себя связанным положениями пункта 2 настоящей статьи. Другие Государства-участники не связаны положениями пункта 2 настоящей статьи в отношении любого Государства-участника, сделавшего такую оговорку.

4. Любое Государство-участник, сделавшее оговорку в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, может в любое время снять эту оговорку путем направления уведомления Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Статья 14

Подписание, ратификация, принятие, утверждение и присоединение

1. Настоящий Протокол открыт для подписания всеми государствами в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке начиная с тридцатого дня после его принятия Генеральной Ассамблеей.

2. Настоящий Протокол также открыт для подписания региональными организациями экономической интеграции при условии, что по меньшей мере одно из государств — членов такой организации подписало настоящий Протокол в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи.

3. Настоящий Протокол подлежит ратификации, принятию или утверждению. Ратификационные грамоты или документы о принятии или утверждении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций. Региональная организация экономической интеграции может сдать на хранение свою ратификационную грамоту или документ о принятии или утверждении, если по меньшей мере одно из ее государств-членов поступило таким же образом. В ратификационной грамоте или в документе о принятии или утверждении такая организация заявляет о сфере своей компетенции в отношении вопросов, регулируемых настоящим Протоколом. Такая организация также сообщает депозитарию о любом соответствующем изменении.

4. Настоящий Протокол открыт для присоединения любого государства или любой региональной организации экономической интеграции, по меньшей мере одно из государств-членов которой является участником настоящего Протокола. Документы о присоединении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций. При присоединении региональная организация экономической интеграции заявляет о сфере своей компетенции в отношении вопросов, регулируемых настоящим Протоколом. Такая организация также сообщает депозитарию о любом соответствующем изменении сферы своей компетенции.

Статья 15

Вступление в силу

1. Настоящий Протокол вступает в силу на девяностый день после сдачи на хранение сороковой ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении. Для цели настоящего пункта любая такая грамота или документ, сданные на хранение региональной организацией экономической интеграции, не рассматриваются в качестве дополнительных к грамотам или документам, сданным на хранение государствами — членами такой организации.

2. Для каждого государства или региональной организации экономической интеграции, которые ратифицируют, принимают или утверждают настоящий Протокол, или присоединяются к нему после сдачи на хранение сороковой ратификационной грамоты или документа о таком действии, настоящий Протокол вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение таким государством или организацией соответствующей грамоты или документа или в дату вступления настоящего Протокола в силу в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи в зависимости от того, что наступает позднее.

Статья 16

Поправки

1. По истечении пяти лет после вступления в силу настоящего Протокола Государство — участник настоящего Протокола может предложить поправку и направить ее Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который затем препровождает предлагаемую поправку Государствам-участникам и Конференции Участников Конвенции в целях рассмотрения этого предложения и принятия решения по нему. Государства — участники настоящего Протокола, принимающие участие в Конференции Участников, прилагают все усилия для достижения консенсуса в отношении каждой поправки. Если все усилия по достижению консенсуса были исчерпаны и согласие не было достигнуто, то в качестве крайней меры для принятия поправки требуется большинство в две трети голосов Государств — участников настоящего Протокола, присутствующих или участвующих в голосовании на заседании Конференции Участников.

2. В вопросах, входящих в сферу их компетенции, региональные организации экономической интеграции осуществляют свое право голоса согласно настоящей статье, располагая числом голосов, равным числу их государств-членов, являющихся участниками настоящего Протокола. Такие организации не осуществляют свое право голоса, если их государства-члены осуществляют свое право голоса, и наоборот.

3. Поправка, принятая в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, подлежит ратификации, принятию или утверждению Государствами-участниками.

4. Поправка, принятая в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, вступает в силу в отношении Государства-участника через девяносто дней после даты сдачи им на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций ратификационной грамоты или документа о принятии или утверждении такой поправки.

5. Поправка вступает в силу, когда она становится обязательной для тех Государств-участников, которые выразили согласие быть связанными ею. Другие Государства-участники продолжают быть связанными положениями настоящего Протокола и любыми поправками, ратифицированными, принятыми или утвержденными ими ранее.

Статья 17

Денонсация

1. Государство-участник может денонсировать настоящий Протокол путем направления письменного уведомления Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций. Такая денонсация вступает в силу по истечении одного года после даты получения уведомления Генеральным секретарем.

2. Региональная организация экономической интеграции перестает быть участником настоящего Протокола, когда все ее государства-члены денонсировали настоящий Протокол.

Статья 18

Депозитарий и языки

1. Депозитарием настоящего Протокола назначается Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций.

2. Подлинник настоящего Протокола, английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский тексты которого являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

В УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧЕГО нижеподписавшиеся полномочные представители, должным образом уполномоченные на то своими правительствами, подписали настоящий Протокол.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ОДНОСТОРОННИХ САНКЦИЙ НА ТРАНСПЛАНТАЦИЮ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Виктория Кришталь

В статье дается оценка гуманитарного воздействия односторонних санкций на обеспечение проведения трансплантации органов и тканей человека. Констатируется, что введение односторонних санкций влечет за собой нарушение прав человека, в частности права на наивысший достижимый уровень здоровья. Государства, в отношении которых введены односторонние санкции, оказываются неспособными реализовывать свои обязательства в сфере обеспечения надлежащего порядка и условий изъятия органов и тканей человека для трансплантации. Выявляется косвенное влияние односторонних санкций на увеличение объемов незаконной трансплантации.

Ключевые слова: незаконная трансплантация; односторонние принудительные меры; односторонние санкции; права человека; право на медицинскую помощь; право на наивысший достижимый уровень здоровья; трансплантация органов и тканей человека.

«On the Impact of Unilateral Sanctions to the Transplantation of the Human Organs and Tissues» (Viktoriya Kryshstal)

An assessment of the humanitarian impact of unilateral sanctions on organ and tissue transplantation is discussed in this article. It is noted that the imposition of unilateral sanctions entails the violation of human rights, in particular the right to the highest attainable standard of health. States that are subject to unilateral sanctions have been unable to fulfil their obligations to ensure proper order and conditions for the removal of human organs and tissues for transplantation. The indirect impact of unilateral sanctions on the increase of illegal transplantation is revealed.

Keywords: illegal transplantation; human rights; right to medical assistance; right to the highest attainable standard of health; transplantation of human organs and tissues; unilateral coercive measures; unilateral sanctions.

В настоящее время термин «санкции» не является новым. В средствах массовой информации все чаще публикуются данные об очередном пакете санкций или о их влиянии на то или иное государство, права человека [1; 24; 41]. В последние годы (2019—2023) количество санкций, введенных против государств и негосударственных акторов, неимоверно возросло.

В правовой литературе рассматривается ряд вопросов, связанных с санкциями: статус односторонних принудительных мер [26; 28; 46], влияние санкций на права человека [23; 39], влияние санкций на третьи стороны [40]. Однако проблема влияния односторонних санкций на трансплантацию органов и тканей человека в правовой доктрине не затрагивалась. В этой связи оценка влияния односторонних санкций на трансплантацию органов и тканей человека видится актуальной и своевременной. Целью данной статьи является оценка гуманитарного воздействия на проведение трансплантации органов и тканей человека и

незаконной деятельности, связанной с данным медицинским вмешательством.

В международном праве отсутствует общепризнанное определение односторонних санкций, в связи с чем государства предпочитают утверждать, что их односторонние действия таковыми не являются [9, п. 18]. Устав ООН закрепляет лишь право Совета Безопасности «решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений» (ст. 41) и принимать решения о применении военных мер в случае, если такие действия окажутся недостаточными (ст. 42) [21].

Вместе с тем, поскольку целью данной статьи не является рассмотрение понятий односторонних санкций, в качестве термина «санкции» в рамках данного исследования мы будем руководствоваться понятием «односторонние санкции», предложенным Специальным докладчиком по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека (далее — специ-

Автор:

Кришталь Виктория Васильевна — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: viktoriyakrishtal150997@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Kryshstal Viktoriya — post-graduate student of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: viktoriyakrishtal150997@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

альный докладчик). Так, под односторонними санкциями необходимо понимать «любые средства давления, применяемые государствами или международными организациями без разрешения или сверх мандата, предоставленного Советом Безопасности ООН» [9, п. 17].

На практике государства и частные субъекты соблюдают введенные односторонние санкции и часто «применяют ограничения, даже если они прямо не предусматриваются санкционными режимами» (овер-комплаенс) [4, с. 6]. Это происходит в связи с применением вторичных санкций и возможным привлечением к гражданской и уголовной ответственности за нарушение санкционных режимов [9, п. 15], что сказывается на третьих странах и частных компаниях [8, п. 86].

Введение односторонних принудительных мер влияет на право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья и медицинскую помощь путем «ограничения доступа к медицинским услугам, включая диагностику, лечебные и профилактические лекарства... а также доступа к медицинским изделиям, предметам медицинского назначения и лекарствам, используемым в отделениях неотложной помощи» [32, р. 5].

В категорию медицинских услуг входит проведение трансплантации органов и тканей человека, под которой в юридической науке понимают «пересадку или замену органов и (или) тканей в рамках одного организма или от одного организма в другой» [33, р. 1752]. Необходимо отметить, что лекарственные препараты для проведения трансплантации органов и тканей человека и препараты для восстановления здоровья в случае изъятия и имплантации органов и тканей входят в перечень жизненно важных лекарственных средств, определенных Всемирной организацией здравоохранения (далее — ВОЗ) [15].

В научной литературе отмечается, что односторонние санкции препятствуют закупке, оплате и доставке медицинских препаратов реагентов [3, с. 136]. Например, нехватка лекарственных препаратов происходит из-за введенных мер в Венесуэле [7, с. 13], Иране [29, р. 28], Ираке [29, р. 22]. Поставки лекарственных препаратов для трансплантации почек и диализа были прекращены в Иран из-за санкций [42, р. 13], также проблемы возникали и с поставками медицинского оборудования из-за санкций в Судане, на Кубе и в Сирии [7, с. 19].

Исходя из статистических данных по странам, в отношении которых введены санкции, можно проследить снижение количества проведенных трансплантаций. Например, количество трансплантаций органов в Венесуэле достигло пика в 348 процедур в 2012 г. и с тех пор снижается: в 2019 г. — 6 операций, в 2020 г. — 3 [38]. В Сирии ситуация с проведением трансплантаций после введенных в отношении нее

мер также изменилась, в частности с 2011 г. фактически снизилось количество трансплантационных центров, которые могут оказывать трансплантационные услуги, в связи с чем вырос спрос на трансплантационный туризм у реципиентов [30; 44]. В Иране ситуация несколько отличается. Так, с 1994 г. государство платит донорам за пожертвование почки, в связи с чем значительно сократился лист ожидания [35]. Однако в данной программе в качестве доноров участвуют лица преимущественно из малообеспеченных групп населения [25]. Отмечается, что такая продажа почек в Иране осуществляется не везде одинаково. Поскольку чаще всего донорство по данной программе происходит из-за выплачиваемых донору денежных средств за продажу почки, а фиксированная сумма (официальная национальная ставка) выплат невелика, многие лица вовлекаются в продажу почек на черном рынке [37].

Полагаем, что нарушение порядка и условий проведения трансплантации органов и тканей человека влияет на обеспечение следующих категорий прав человека: право на жизнь; запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; право на свободу и личную неприкосновенность; право на наивысший достижимый уровень здоровья; запрет дискриминации; право на свободу вероисповедания и обеспечение соматических прав (в контексте изъятия органов и тканей человека после смерти) [6].

Необходимо также отметить, что полная реализация права каждого человека на уровень жизни, надлежащим образом обеспечивающий его здоровье и благосостояние, включая медицинскую помощь, услуги здравоохранения и необходимые социальные услуги, затрудняется при введении любых мер, не соответствующих международному праву и Уставу ООН. В связи с этим Генеральной Ассамблеей ООН отмечается необходимость воздерживаться от таких мер [22].

Полагаем, что незаконная трансплантация органов и тканей человека и односторонние санкции влияют на одни и те же категории прав человека.

Пункт 9 замечаний общего порядка (далее — ЗОП) № 14 «Право на наивысший достижимый уровень здоровья» толкует данное право, как «использование целого ряда учреждений, товаров, услуг и условий, необходимых для достижения наивысшего достижимого уровня здоровья, а также доступ к базовой питьевой воде, адекватным санитарным услугам, достаточное снабжение продовольствием, питание, жилищные условия, безопасные условия труда...» [14].

Согласно статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [6] и пункту 8 ЗОП № 8 «Связь между экономическими санкциями и уваже-

нием экономических, социальных и культурных прав» государства — участники Пакта должны уважать право на здоровье, осуществляемое в других странах, и предотвращать нарушения этого права в других странах третьими сторонами, а также «воздерживаться от введения эмбарго или принятия аналогичных мер, ограничивающих поставки в достаточном объеме медикаментов и медицинского оборудования в другие государства» [17], т. е. государства должны воздерживаться от введения мер, которые могут повлиять на экономические, социальные и культурные права граждан государства, в отношении которого введены такие меры.

На практике у государств, находящихся под санкциями, помимо указанных выше проблем, возникают сложности и в сфере оплаты услуг, так как компании опасаются оказывать их из-за влияния овер-комплаенса [3, с. 134].

Как указывается в докладе специального докладчика по итогам посещения Венесуэлы, доступ к услугам учреждения здравоохранения, в частности проведение трансплантации печени, костного мозга за рубежом, перестал быть возможным из-за введенных санкций: после блокировки активов филиала *CITGO* компании «Петролеос де Венесуэла», доходы которой шли на финансирование государственной программы по трансплантации [11, п. 44].

Односторонние санкции также «создают трудности в приобретении учеными лабораторного оборудования. Эти ограничения связаны с доступом к онлайн-данным, если компания, размещающая эти данные, базируется в стране, которая вводит санкции» [31].

Все это, на наш взгляд, связано с дополнительным влиянием овер-комплаенса. В результате государства оказываются неспособными обеспечить необходимые медицинское обслуживание, оборудование, медикаменты, услуги и доступ к ним.

Современные односторонние санкции наносят ущерб как оффлайн, так и онлайн научной и исследовательской деятельности. В связи с этим ученые сталкиваются с рядом ограничений в своей деятельности, например с отказом принятия публикаций авторов — граждан стран, в отношении которых введены санкции. Такого рода препятствия создавались в академических изданиях США иранским и суданским авторам [36] из-за политических причин [45; 49], а также из-за того, что авторы публикаций работают в правительстве государства, в отношении которого введены односторонние санкции [26]. У ученых возникали проблемы, связанные с оплатой подписки на различные сообщества, регистрацией на научные мероприятия [45] и международным сотрудничеством [43, р. 28].

Таким образом, односторонние санкции выходят за цели их введения и влияют на другие области экономики государства, а также на

различные общественные отношения. Полагая, что проблемы доступа к научным изданиям, ограничение сотрудничества, выражающиеся в невозможности участия в конференциях, могут влиять на повышение квалификации ученых-врачей и, как следствие, развитие трансплантации органов и тканей человека в странах, находящихся под санкциями.

В преамбуле резолюции 45/5 от 6 октября 2020 г., принятой Советом ООН по правам человека, признается, что «односторонние принудительные меры в форме экономических санкций имеют далеко идущие последствия для прав человека всего населения государств, против которых направлены такие меры, несоизмеренно затрагивая бедные и наиболее уязвимые классы» [13, с. 2].

Категорией лиц, которые становятся жертвами-донорами незаконной трансплантации, обычно являются безработная молодежь, женщины и дети (60 % жертв торговли людьми, большинство из которых происходят из бедных слоев населения [5]), а также лица, находящиеся в уязвимом положении (например, жертвы множественных способов эксплуатации, таких как сексуальная или трудовая) [12].

В доктрине выделяют различные факторы, влияющие на развитие незаконной трансплантации органов и тканей человека: отсутствие обязательного международно-правового регулирования трансплантации [47, р. 19]; отсутствие четкого механизма возможности продажи органов и тканей человека [2, л. 10]; недостаточное финансирование со стороны государства трансплантационных программ [18, с. 557]; высокая стоимость органов и тканей человека [10, с. 70]; недостаточное количество медицинских учреждений и их слабая координация [18, с. 558]; нехватка органов и тканей человека [20, с. 5]; увеличение числа вооруженных конфликтов [16]; коррупция [2, л. 10]; отсутствие криминализации деяний, связанных с незаконной трансплантацией органов и тканей человека [2, л. 6].

В 2019 г. по всему миру было проведено более 153 000 трансплантаций органов [4, с. 7]. Статистикой ВОЗ за 2007 г. установлено, что от 5 до 10 % всех трансплантаций органов в год проводят с использованием нелегальных органов [48, р. 8]. По оценкам *Global Financial Integrity*, при нехватке законно полученных органов во всем мире незаконная торговля органами приносит около 1,7 млрд дол. США в год примерно за 12 000 незаконных трансплантаций [34, р. xxi].

Односторонние санкции в отношении Сирии, введенные с 2011 г., показали в конечном счете рост нищеты и безработицы, повышение цен на товары первой необходимости, девальвацию валюты и проблемы для бизнеса (из-за этих причин чаще всего сирийские граждане подвергались изъятию органов для последующей их продажи) [27].

Полагаем, что введенные санкции косвенно влияют на увеличение количества незаконных трансплантаций в государствах ввиду не только приостановки и трудностей проведения трансплантации органов и тканей, но и из-за влияния односторонних санкций на население, что делает потенциальных жертв более уязвимыми.

Кроме того, на практике государства, в отношении которых введены односторонние санкции, или те, которые вводят санкции, не могут в полной мере исполнять свои обязательства по международным договорам.

В ЗОП № 8 отмечается, что государства обязаны соблюдать права человека, несмотря на введение экономических мер Советом Безопасности ООН. В случае введения таких мер государства имеют обязательства по обеспечению экономических, социальных и культурных прав человека и должны учитывать их при выборе конкретных мер (п. 12), а также принимать все возможные меры для защиты прав населения страны (п. 13), в том числе «в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества, в частности в экономической и технической областях... для решения проблемы несоразмерного ущерба, наносимого уязвимым группам в стране, ставшей объектом санкций» (п. 14) [17, с. 5]. Полагаем, что государства должны учитывать и применять вышеуказанные условия при установлении каких-либо односторонних санкций, т. е. использовать данные ограничения как своеобразный фильтр при введении таких мер.

Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам заинтересован в таких инициативах, как предложение о создании соответствующего механизма в рамках ООН для прогнозирования и контроля последствий санкций; разработка более транспарентных принципов и процедур, основанных на концепции уважения прав человека; расширение ряда товаров и услуг, поставляемых в рамках изъятий из режима санкций; предоставление установленным техническим учреждениям разрешения самим определять необходимые изъятия; создание комитетов по санкциям, располагающих более значительными ресурсами; более точное определение уязвимых мест тех лиц, поведение которых международное сообщество стремится изменить; и в обеспечении более высокой степени гибкости в целом [17, п. 12].

На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, введенные односторонние санкции влияют на нарушение порядка и условий проведения трансплантации органов и тканей человека путем таких препятствий, как закупка, оплата, доставка препаратов, оборудования, технологий и реагентов, доступ к медицинским услугам. Введенные санкции и овер-комплаенс приводят к нарушению права на наивысший достижимый уровень здоровья и медицинскую помощь, а также к осуществлению медицинских вмешательств, в данном случае трансплантации, с нарушениями порядка и условий их проведения.

Во-вторых, односторонние санкции выходят за цели их введения, затрагивая такие области, как ограничение научной и исследовательской деятельности, в частности доступ к опубликованию научных статей, участие в конференциях, отказ в принятии публикаций.

В-третьих, односторонние санкции создают серьезные последствия и влияют на права человека всего населения государства под санкциями, что часто превращает малоимущие категории лиц в потенциальных жертв-доноров незаконной трансплантации и торговли органами. Фактически санкции являются одной из косвенных причин развития незаконной трансплантации органов и тканей человека.

В-четвертых, государства, в отношении которых введены санкции, в связи с экономическими проблемами и нарушением традиционных схем сотрудничества не могут в полной мере продолжать осуществление своих международных обязательств по предотвращению торговли людьми, нелегальной трансплантации органов и тканей человека.

В-пятых, необходимо отметить, что последний отчет «Трансплантация органов и тканей человека», представленный на 75-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения ВОЗ [19], не включает вопросы, касающиеся роста преступности в сфере трансплантологии, влияния санкций на увеличение количества незаконных трансплантаций. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо провести комплексное исследование в рамках ВОЗ совместно с Управлением ООН по наркотикам и преступности по оценке как правового регулирования трансплантации органов и тканей человека, так и борьбы с незаконной деятельностью в данной сфере.

Список использованных источников

1. Восьмой пакет санкций ЕС против России. Что важно знать [Электронный ресурс] // РБК. — 06.10.2022. — Режим доступа: <<https://www.rbc.ru/economics/06/10/2022/633ec9309a7947735697e0fb>>. — Дата доступа: 21.04.2023.
2. Галеева, Г. Р. Международно-правовое сотрудничество в сфере предупреждения и пресечения незаконного изъятия, оборота и трансплантации органов человеческого тела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Г. Р. Галеева. — М., 2017. — 205 л.
3. Довгань, Е. Ф. Международно-правовые проблемы обеспечения прав лиц, страдающих от серьезных и хронических заболеваний, в свете применения односторонних санкций / Е. Ф. Довгань // Право.by. — 2022. — № 4 (78). — С. 134–142.

4. Довгань, Е. Ф. Правовая оценка введения санкций за злонамеренные действия в информационном пространстве / Е. Ф. Довгань // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2022. — № 3-4 (102-103). — С. 3—11.
5. Доклад ООН: пандемия усугубила угрозу торговли людьми, особенно для женщин и девочек [Электронный ресурс] // Новости ООН. — 30.09.2020. — Режим доступа: <<https://news.un.org/ru/story/2020/09/1387132>>. — Дата доступа: 21.04.2023.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml>. — Дата доступа: 05.07.2023.
7. Негативное воздействие односторонних принудительных мер на осуществление прав человека в условиях пандемии коронавирусной инфекции: записка Генерального секретаря: док. ООН А/75/209 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/3879215>>. — Дата доступа: 21.04.2023.
8. Объекты односторонних принудительных мер: понятие, категории и уязвимые группы: записка Генерального секретаря: док. ООН А/76/174 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/3936755>>. — Дата доступа: 19.09.2023.
9. Односторонние принудительные меры: понятие, виды и квалификация: доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань: док. ООН А/HRC/48/59 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/3936670>>. — Дата доступа: 21.04.2023.
10. Попова, Т. М. Преступная деятельность при оказании медицинской помощи по профилю хирургия (трансплантация органов и (или) тканей человека): правовой и виктимологический аспект / Т. М. Попова, А. Б. Сергеев [Электронный ресурс] // Виктимология. — 2018. — № 1 (15). — С. 69—75. — Режим доступа: <<https://www.victimolog.ru/index.php/victimology/article/view/246/prestupnaya-deyatelnost-pri-okazanii-meditsinskoy-pomoschi-po-profilu-khirurgiya-transplantatsiya-organov-i-ili-tkaney-cheloveka-pravovoy-i-viktimologicheskiiy-aspekt>>. — Дата доступа: 21.04.2023.
11. Посещение Боливарианской Республики Венесуэла: доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань: А/HRC/48/59/Add.2 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/3946822>>. — Дата доступа: 21.04.2023.
12. Посещение Нигерии: доклад Специального докладчика по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми: док. ООН А/HRC/41/46/Add.1 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/3804644>>. — Дата доступа: 21.04.2023.
13. Права человека и односторонние принудительные меры: док. ООН А/HRC/RES/45/5 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/3888389>>. — Дата доступа: 05.04.2023.
14. Право на наивысший достижимый уровень здоровья: замечание общего порядка № 14 (2000): док. ООН E/C.12/2000/4 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/425041>>. — Дата доступа: 21.04.2023.
15. Примерный перечень основных лекарственных средств Всемирной организации здравоохранения: 21-й перечень, 2019 г. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. — Режим доступа: <<https://apps.who.int/iris/rest/bitstreams/1277136/retrieve>>. — Дата доступа: 21.04.2023.
16. Расследование сообщений о бесчеловечном обращении с людьми и незаконном обороте человеческих органов в Косово: резолюция Совета Европы 1782 (2011): предварительное издание [Электронный ресурс] // Совет Европы. — Режим доступа: <[https://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/%5B2011%5D/%5BJan2011%5D/Res1782_rus.asp](https://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/%5B2011%5D/%5BJan2011%5D/Res1782_rus.asp)>. — Дата доступа: 21.04.2023.
17. Связь между экономическими санкциями и уважением экономических, социальных и культурных прав: замечание общего порядка № 8 (1997): док. ООН E/C.12/1997/8 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/250098>>. — Дата доступа: 21.04.2023.
18. Соловьев, А. П. Незаконная трансплантация органов и (или) тканей человека и ее предупреждение / А. П. Соловьев // Актуал. проблемы рос. права: сб. ст. № 1. — М.: МГЮА, 2007. — С. 554—560.
19. Трансплантация органов и тканей человека: доклад Генерального директора: док. WHA75/41 [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. — Режим доступа: <https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA75/WHA75_41-ru.pdf>. — Дата доступа: 21.04.2023.
20. Улучшение и содействие эффективным мерам и международному сотрудничеству по трансплантации органов для предотвращения и борьбы с торговлей людьми для целей удаления органов и торговли органами человека: доклад Генерального секретаря: док. ООН А/75/115 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/3892591>>. — Дата доступа: 05.04.2023.
21. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>>. — Дата доступа: 05.04.2023.
22. Хартия экономических прав и обязанностей государств: принята резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 дек. 1974 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rights_and_duties.shtml>. — Дата доступа: 05.04.2023.
23. Чак, А. В. Односторонние принудительные меры в доктрине современного международного права / А. В. Чак // Вестн. Гос. ун-та управления. — 2022. — № 7. — С. 30—36. (<https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-30-36>)
24. Швейцария приняла очередной пакет санкций против РФ [Электронный ресурс] // Интерфакс. — 23.11.2022. — Режим доступа: <<https://www.interfax.ru/world/873887>>. — Дата доступа: 05.04.2023.
25. An evaluation of the current status of kidney transplant in terms of the type of receipt among Iranian patients / A. Malekshahi [et al.] [Electronic resource] // Renal Replacement Therapy. — 2020. — Vol. 66, N 6. — Mode of access: <<https://rrtjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s41100-020-00314-8>>. — Date of access: 21.04.2023. (<https://doi.org/10.1186/s41100-020-00314-8>)
26. Arie, S. Unintended consequences of sanctions against Iran / S. Arie [Electronic resource] // The BMJ. — 2013. — 347:f4650. — Mode of access: <<https://doi.org/10.1136/bmj.f4650>>. — Date of access: 21.04.2023.
27. Bar'el, Z. In Syria, the Mafia Profits from Kidnapping Newborns and Trafficking Organs / Z. Bar'el [Electronic resource] // HAARETZ. — 29.12.2015. — Mode of access: <<https://www.haaretz.com/middle-east-news/2015-12-29/ty-article/premium/in-syria-mafia-profits-from-children-and-organs/0000017f-f581-d887-a7ff-fde59a9a0000>>. — Date of access: 21.04.2023.
28. Bogdanova, I. Chapter 4. The Legality of Unilateral Economic Sanctions Imposed to Redress Human Rights Violations / I. Bogdanova // Bogdanova, I. Unilateral Sanctions in International Law and the Enforcement of Human Rights: the Impact of the Principle of Common Concern of Humankind: World Trade Institute Advanced Studies, Vol. 9 / I. Bogdanova. — Leiden, The Netherlands: Brill, 2022. — P. 223—270. (https://doi.org/10.1163/9789004507890_006)

29. Do, K. The Impact of Sanctions on the Enjoyment of Human Rights: Study Series 19-02 / K. Do, S. Baek [Electronic resource] // Korea Institute for National Unification. — Mode of access: <<https://www.kinu.or.kr/pyxis-api/1/digital-files/e109958c-d00b-4255-a212-9e5ec56ad47d>>. — Date of access: 21.04.2023.
30. Due to poverty, lack of control Organ trafficking turns into trending market; victims are Syrians [Electronic resource] // Enab Baladi. — 12.11.2022. — Mode of access: <<https://english.enabbaladi.net/archives/2022/11/organ-trafficking-turns-into-trending-market-victims-are-syrians/>>. — Date of access: 21.04.2023.
31. Economic sanctions and academia: overlooked impact and long-term consequences / L. Bezuidenhout [et al.] [Electronic resource] // PLoS ONE. — 2019. — Vol. 14, N 10. — Mode of access: <<https://doi.org/10.1371/journal.pone.0222669>>. — Date of access: 21.04.2023.
32. Economic sanctions, healthcare and the right to health / F. Germani [et al.] // BMJ Global Health. — 2022. — Vol. 7, N 7. — P. 1–5. (<https://doi.org/10.1136/bmjgh-2022-009486>)
33. Ejere, V. C. Organ transplantation and its physiological implications — a review / V. C. Ejere, C. L. Okanya // Animal Research International. — 2013. — Vol. 10, N 3. — P. 1752–1778.
34. Global Financial Integrity 2017 [Electronic resource] // Global Financial Integrity. — Mode of access: <http://www.gfintegrity.org/wp-content/uploads/2017/03/Transnational_Crime-final.pdf>. — Date of access: 21.04.2023.
35. In Iran, unique system allows payments for kidney donors [Electronic resource] // STAT. — 25.08.2016. — Mode of access: <<https://www.statnews.com/2016/08/25/organ-donation-kidneys-iran/>>. — Date of access: 21.04.2023.
36. Maxmen, A. Sudan Sanctions Deprive «Whole Nation» of Health Care» / A. Maxmen [Electronic resource] // Foreign Policy. — 14.01.2016. — Mode of access: <<https://foreignpolicy.com/2016/01/14/sudan-sanctions-deprive-whole-nation-of-health-care/>>. — Date of access: 21.04.2023.
37. Moeindarbari, T. Kidneys for Sale: Empirical Evidence from Iran / T. Moeindarbari, M. Feizi [Electronic resource] // National Library of Medicine. — Mode of access: <<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9266983/>>. — Date of access: 21.04.2023. (<https://doi.org/10.3389%2Fti.2022.10178>)
38. Number of organ transplants in Venezuela from 2010 to 2020 [Electronic resource] // STATISTA. — Mode of access: <<https://www.statista.com/statistics/1033873/venezuela-number-organ-transplants/>>. — Date of access: 21.04.2023.
39. Øygarden, K. F. The Effect of Sanctions on Human Rights: Assessing the Impact of Economic Sanctions on Human Rights Violations in Targeted Countries: master thesis / K. F. Øygarden [Electronic resource] // University of Oslo. — Mode of access: <<https://www.duo.uio.no/handle/10852/57619>>. — Date of access: 21.04.2023.
40. Peterson, T. M. The response to US human rights sanction against third parties / T. M. Peterson // Conflict Management and Peace Science. — 2014. — Vol. 32, N 2. — P. 145–167.
41. Psalidakis, D. U.S., EU, UK impose new sanctions on Iran over protest crackdown / D. Psalidakis, G. Baczynska [Electronic resource] // Reuters. — 23.01.2023. — Mode of access: <<https://www.reuters.com/world/us-imposes-sanctions-iranian-officials-irgc-cooperative-foundation-2023-01-23/>>. — Date of access: 21.04.2023.
42. Research-based progress report of the Human Rights Council Advisory Committee containing recommendations on mechanisms to assess the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights and to promote accountability: UN Doc. A/HRC/28/74 [Electronic resource] // Digital Library of the United Nations. — Mode of access: <<https://digitallibrary.un.org/record/794129>>. — Date of access: 21.04.2023.
43. Rezaee-Zavareh, M. S. Iran, sanctions, and research collaborations / M. S. Rezaee-Zavareh, H. Karimi-Sari, S. Moayed Alavian // The Lancet. — 2016. — Vol. 387, N 10013. — P. 28–29 ([https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(15\)01295-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(15)01295-7))
44. Saeed, B. How Did the War Affect Organ Transplantation in Syria? / B. Saeed [Electronic resource] // Experimental and Clinical Transplantation. — 2020. — Vol. 18, N 1. — P. 19–21. — Mode of access: <<http://www.ectrx.org/detail/supplement/2020/18/1/19/O>>. — Date of access: 21.04.2023. (<https://doi.org/10.6002/ect.tond-tddd2019.123>)
45. Saeidnia, S. Consequences of international sanctions on Iranian scientists and the basis of science / S. Saeidnia, M. Abdollahi [Electronic resource] // Hepatitis Monthly. — 2013. — Vol. 13, N 9. — Mode of access: <<https://brieflands.com/articles/hepatmon-15349>>. — Date of access: 21.04.2023. (<https://doi.org/10.5812/hepatmon.14843>)
46. Strauss, M. J. The (il)legality of unilateral sanctions in light of the inadequacy of humanitarian exemptions / M. J. Strauss // Journal of Belarusian State University. International Relations. — 2022. — N 1. — P. 86–97.
47. Trafficking in Human Beings: Identification of Potential and Presumed Victims: a Community Policing Approach: SPMU Publication Series Vol. 10 [Electronic resource] // OSCE. — Mode of access: <<https://www.osce.org/secretariat/78849?download=true>>. — Date of access: 21.04.2023.
48. Trafficking in human organs [Electronic resource] // European Parliament. — Mode of access: <<https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/05b6b620-fbbf-4ace-a85f-f709f57d1db5/language-en>>. — Date of access: 21.04.2023. (<https://doi.org/10.2861/80970>)
49. Zahediasl, S. Iran and science publishing: an open letter / S. Zahediasl // The Lancet. — 2013. — Vol. 382, N 9892. — P. 596. ([https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(13\)61693-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(13)61693-1))

Статья поступила в редакцию 21 сентября 2023 г.

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ/ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ВСЛЕДСТВИЕ ДЕЙСТВИЙ В ЧУЖОМ ИНТЕРЕСЕ БЕЗ ПОРУЧЕНИЯ, В ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И АКТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Наталья Маскаева

Статья посвящена анализу коллизионного регулирования отношений/обязательств, возникающих вследствие действий в чужом интересе без поручения, содержащегося в регламенте (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» и актах национального законодательства зарубежных государств и Республики Беларусь. Автором проведена классификация современных подходов национальных законодателей в данной сфере, выделены и рассмотрены приведенные в научной литературе достоинства и недостатки закрепленных в указанных регламенте и актах соответствующих коллизионных привязок. На основе проведенного исследования аргументирована целесообразность изменения в законодательстве Республики Беларусь коллизионного регулирования negotiorum gestio с учетом опыта Европейского союза, Молдовы и Монако. Предложено закрепить в Гражданском кодексе Республики Беларусь или отдельном Законе «О международном частном праве» (в случае его разработки) иерархичную систему специальных коллизионных норм, предусматривающую множественность идентичных содержащихся в указанном регламенте, Гражданском кодексе Молдовы и Законе Монако «О международном частном праве» коллизионных привязок с упором на *lex voluntatis*, позволяющую скорректировать выбор применимого права на основании *escape clause*.

Ключевые слова: коллизионное регулирование отношений/обязательств, возникающих вследствие действий в чужом интересе без поручения; коллизионное регулирование negotiorum gestio; отношения/обязательства, возникающие вследствие действий в чужом интересе без поручения; статья 11 регламента Рим II; *lex loci gestionis*.

«The Conflict-of-Law Regulation of the Relations/Obligations, Arising out of an Act Performed without Due Authority in Connection with the Affairs of Another Person, in the European Union Law and National Legal Acts» (Natallia Maskayeva)

The article is devoted to the analysis of conflict-of-law regulation of the relations/obligations, arising out of an act performed without due authority in connection with the affairs of another person, provided in the Regulation (EC) N 864/2007 of the European Parliament and of the Council on the law applicable to non-contractual obligations and acts of legislation of foreign states and the Republic Belarus. The classification of modern approaches of national legislators in this area is given. The author considers advantages and disadvantages of the relevant connecting factors formulated by other scholars, adding them with her own pros and cons. Based on the study, the feasibility of changing the conflict-of-law regulation of negotiorum gestio in the legislation of the Republic of Belarus is substantiated considering the experience of the EU, Moldova and Monaco. It is proposed to set forth in the Civil Code of the Republic of Belarus or in a separate Act on Private International Law (if developed) a hierarchical system of special conflict-of-law rules, providing for a plurality of connecting factors identical to those contained in the said Regulation, the Civil Code of Moldova and the Law of Monaco «On Private International Law» with an emphasis on *lex voluntatis*, and allowing to adjust the choice of applicable law due to the *escape clause*.

Keywords: Article 11 of the Rome II Regulation; conflict-of-law regulation of negotiorum gestio; conflict-of-law regulation of the relations/obligations, arising out of an act performed without due authority in connection with the affairs of another person; *lex loci gestionis*; relations/obligations, arising out of an act performed without due authority in connection with the affairs of another person.

Автор:

Маскаева Наталья Геннадьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета БИП — Университета права и социально-информационных технологий, e-mail: maskayeva_nat@mail.ru
БИП — Университет права и социально-информационных технологий. Адрес: 3, ул. Короля, Минск, 220004, БЕЛАРУСЬ

Author:

Maskayeva Natallia — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law, BIP — University of Law and Social-Information Technologies, e-mail: maskayeva_nat@mail.ru
BIP — University of Law and Social-Information Technologies. Address: 3, Korolya str., Minsk, 220004, BELARUS

Институт обязательств вследствие действий в чужом интересе без поручения зародился в недрах римского права. Для его обозначения использовался термин «*negotiorum gestio*», означающий «ведение чужих дел, забота о чужом деле».

Несмотря на разницу понимания *negotiorum gestio* в праве различных государств, в целом его можно охарактеризовать как действия, затрагивающие права и интересы другого лица, предпринятые намеренно, но в отсутствие регулирующих их договорных отношений с данным лицом [25, р. 392]. В качестве примера можно привести действия по оказанию кому-либо экстренной медицинской помощи, спасению чужого имущества, выполнению обязанностей другого лица в случае его отсутствия или невозможности их реализации самим этим лицом (например, уход за домашним животным, уплата коммунальных платежей) и т. д.

В современном мире, характеризующемся значительной международной мобильностью лиц и имущества, развитием и укреплением межнациональных контактов и связей, совершенствованием систем трансграничного перемещения денежных средств, отношения вследствие действий в чужом интересе без поручения зачастую могут быть связаны более чем с одним правовым порядком (в силу, например, различной национальной принадлежности лица, осуществляющего данные действия, и лица, в чьих интересах они осуществляются, либо совершения их на территории иностранного государства и т. д.), в связи с чем возникает необходимость определения применимого к вытекающим из них обязательствам права. В статье 1128 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. [3] закреплена коллизийная норма о сделках из односторонних действий (среди них называется и деятельность в чужом интересе без поручения), содержащая единственную жесткую классическую коллизийную привязку *lex loci actus* («закон места совершения акта»). В то же время коллизийное регулирование внедоговорных обязательств в целом и обязательств вследствие *negotiorum gestio* в законодательстве многих государств, а также в знаковом акте региональной унификации международного частного права — регламенте (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (далее — регламент Рим II) [35] содержит иные, достаточно интересные подходы к решению коллизийного вопроса применительно к рассматриваемым отношениям. (Регулирование рассматриваемых обязательств на уровне Евразийского экономического союза отсутствует, на уровне Содружества Независимых Государств единственная коллизийная норма, в объеме которой они прямо обозначены, содержится в ст. 1228 Модельного Гражданского кодекса для госу-

дарств — участников Содружества Независимых Государств (часть третья) от 17 февраля 1996 г. [11], который носит рекомендательный характер.) В свете дискуссий о реформе международного частного права в Республике Беларусь изучение данного правового опыта представляется целесообразным. Цель настоящей статьи заключается в выявлении направлений возможной модернизации коллизийного регулирования *negotiorum gestio* в законодательстве Республики Беларусь.

В настоящее время в научной литературе работ такой направленности не имеется, что свидетельствует об актуальности настоящей статьи. Зарубежные авторы сравнительно-правовых исследований в данной сфере (Н. В. Власова [2], Е. А. Козина [6], М. В. Кривенкова [7–9], Х. Д. Пирцхалава [13], И. А. Трощенко [15; 16] и др.) сопоставляют коллизийное регулирование *negotiorum gestio*, содержащееся в регламенте Рим II и (или) законодательстве других государств, с коллизийным регулированием данных отношений в своем национальном законодательстве.

Коллизийное регулирование обязательств, возникающих вследствие действий в чужом интересе без поручения, в праве ЕС

С 11 января 2009 г. в государствах — членах ЕС (за исключением Дании) по вопросам, урегулированным регламентом Рим II, в том числе касательно определения права, применимого к внедоговорным обязательствам, возникающим вследствие действия в чужом интересе без поручения (*non-contractual obligations arising out of an act performed without due authority in connection with the affairs of another person*), должен применяться указанный регламент.

Несмотря на то, что институт действий в чужом интересе без поручения известен правовым системам не всех государств — членом ЕС [23, р. 20], вытекающие из данных действий обязательства получили в регламенте Рим II специальное коллизийное регулирование (в ст. 11 «*Negotiorum gestio*»). Поскольку автономия воли является краеугольным принципом регламента Рим II и статья 11 данного акта не содержит изъятий из этого принципа, закрепленные в последней коллизийные привязки должны применяться только в том случае, если стороны обязательств вследствие *negotiorum gestio* не выбрали применимое к ним право.

В научной литературе доминирует точка зрения, в соответствии с которой понятие *negotiorum gestio* должно квалифицироваться автономно [24, р. 511; 25, р. 395; 32, с. 845; 39, р. 798; 40, р. 302], т. е. не посредством простой отсылки к внутреннему праву того или иного государства, а путем обращения, с одной стороны, к целям и системе регламента Рим II, а с другой — к общим принципам, вытекающим

из всех национальных правовых систем [42, р. 538]. При этом ряд авторов [40, р. 301] в качестве ориентира предлагают обращаться к статье V.-1:101 Модельных правил европейского частного права (DCFR), в которой под действиями в пользу другого лица понимаются ситуации, когда одно лицо, гестор, действует преимущественно с намерением предоставить выгоду другому лицу, принципалу, и: а) у гестора есть разумное основание действовать; или б) принципал одобряет действия без такого неоправданного промедления, которое могло бы отрицательно повлиять на гестора [33, р. 391].

Статья 11 регламента Рим II содержит «каскадную» систему коллизионных норм.

В соответствии с пунктом 1 статьи 11 регламента Рим II, если внедоговорное обязательство, возникающее вследствие действий в чужом интересе без поручения, затрагивает существующее отношение между сторонами, такое как обязательство из договора или вследствие причинения вреда, тесно связанное с этим внедоговорным обязательством, то правом, подлежащим применению, является право, которое регулирует данное отношение. Закрепление данной акцессорной коллизионной привязки объясняется целесообразностью регулирования единой правовой ситуации одним и тем же правом [34, р. 21]. Правоприменителю «...нет необходимости в отношениях, тесно связанных друг с другом и рассматриваемых в одном производстве, применять право нескольких государств, устанавливая содержание норм различного иностранного права, осуществлять адаптацию...» [1, л. 120]. Кроме того, обращение в рассматриваемой ситуации к *lex causae* отвечает разумным ожиданиям сторон.

При анализе пункта 1 статьи 11 регламента Рим II и научных работ, содержащих комментарии к нему, нужно обратить внимание на следующее:

1) в данном пункте идет речь об отношении между сторонами указанного обязательства, а не между одной из сторон и третьим лицом. Такое отношение принимается во внимание, только если оно «...может быть квалифицировано в качестве какого-либо правового института» [25, р. 401]. Перечень примеров отношений является открытым. В качестве иных в литературе указывают, например, отношения совместной собственности на какую-либо вещь, отношения наследования от одного наследодателя, участия в юридическом лице (при условии, однако, что последние не подпадают под исключение из предметной сферы применения регламента Рим II в соответствии с п. 2 ст. 1) [32, s. 846], семейные отношения [40, р. 306];

2) в данном пункте на английском языке используется термин «*a relationship existing between the parties*», что не подразумевает не-

обходимости возникновения указанного отношения ранее действия, повлекшего возникновение обязательства вследствие *negotiorum gestio*. В то же время в переводах текста данного регламента на некоторые другие языки употребляется терминология, которая может склонить национального правоприменителя к противоположной точке зрения (например, в польскоязычном тексте — «*istniejący wcześniej*» (переводится как «ранее». — Н. М.) *między stronami stosunek*). По мнению Л. Жарновца, переводчики отдельных языковых версий просто не заметили существенного изменения, внесенного в англоязычный текст проекта регламента Рим II на заключительном этапе работы над ним (исключение из термина «*a relationship previously existing*», содержащегося в статье 9 первоначального текста указанного проекта [34], слова «*previously*») [32, s. 231]. Полагаем, во избежание различий толкования рассматриваемого положения необходимо разъяснение по нему Суда ЕС;

3) в случае, если право, подлежащее применению, не может быть определено на основании пункта 1 статьи 11 регламента Рим II и стороны имеют свое обычное место жительства (обычное место нахождения) (термин «*habitual residence*» в регламенте Рим II при его употреблении в отношении физических лиц можно перевести на русский язык как «обычное место жительства», в отношении юридических лиц — как «обычное место нахождения») в одной и той же стране в момент, когда происходит событие, влекущее наступление вреда, то правом, подлежащим применению, является право этой страны (п. 2 ст. 11 регламента Рим II). Это коллизионное правило, как и предыдущее, по мнению К. Тубёф, «вносит свою лепту в обеспечение предсказуемости и достижение общей цели, заключающейся в поиске права, наиболее близкого к рассматриваемой правовой ситуации» [42, р. 546]. Кроме того, оно открывает весьма рациональную возможность применения *lex propria in foro proprio*, поскольку иски почти всегда будут поданы в суды стран места проживания обеих сторон [26, р. 34].

Мы согласны с тем, что под событием, влекущим наступление вреда, следует понимать само *negotiorum gestio* [28, р. 502]. Таким образом, для применения рассматриваемого пункта *lex domicilii communis* сторон должен существовать в момент осуществления действий в чужом интересе без поручения.

Некоторые разъяснения по поводу того, что понимать в регламенте Рим II под «обычным местом жительства» («обычным местом нахождения»), содержатся в статье 23 регламента Рим II. Так, обычным местом нахождения компании и других организаций, инкорпорированных и неинкорпорированных, является место нахождения их центральной администрации (ч. 1 п. 1 ст. 23). В данном пун-

кте идет речь о «реальной», а не «статуарной» оседлости [40, р. 412]. В том случае, если юридический факт, влекущий наступление вреда, происходит или если вред наступает в ходе деятельности филиала, представительства или любого другого учреждения, то в качестве обычного места нахождения признается место расположения этого филиала, представительства или любого другого учреждения (ч. 2 п. 1 ст. 23). Обычным местом жительства физического лица, действующего в ходе осуществления своей предпринимательской деятельности, является основное место осуществления им предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 23). Регламент Рим II не дает ответа на вопрос, что понимать под обычным местом жительства физических лиц, не занимающихся указанной деятельностью. Суд ЕС при толковании иных, принятых в рамках ЕС, правовых актов, в которых также содержится этот термин [21; 22; 36], для установления данного места жительства считает необходимым учитывать все обстоятельства конкретной ситуации [27; 30; 37; 38; 41]: «...фактическое присутствие заинтересованного конкретного физического лица в той или стране; продолжительность, регулярность, условия и причины его пребывания в ней; семейные и социальные отношения физического лица в этой стране; наличие там жилья; места в школе и условия ее посещения; знание языка; место, где ведется бизнес и где находятся имущественные интересы физического лица; а также его административные связи с государственными органами и социальными службами...» [19]. Представляется, что данного подхода Суд ЕС будет придерживаться и при толковании рассматриваемого термина применительно к регламенту Рим II.

Используемый в пункте 2 статьи 11 регламента Рим II термин «вред» должен пониматься расширительно, с охватом всех последствий, вытекающих из *negotiorum gestio* (п. 1 ст. 2 регламента Рим II), к которым, полагаем, относятся и расходы лица, осуществляющего действия в чужом интересе.

При невозможности определения применимого права на основании пунктов 1 и 2 статьи 11 регламента Рим II должна использоваться коллизионная привязка *lex loci gestionis* (п. 3 ст. 11 регламента Рим II). В литературе справедливо отмечается, что она в наибольшей степени отвечает обороту, а также соответствует территориальной локализации обязательств, возникающих из ведения чужих дел без поручения, и не отдает предпочтения какой-либо из их сторон [2, с. 145].

Вместе с тем данная привязка не лишена недостатков. Так, ее применение в ряде случаев может быть затруднительно (например, если действия лица, осуществляющего ведение дел без поручения, совершались в нескольких государствах) или невозможно (например, если

указанные действия имели место на территории, не подпадающей под юрисдикцию ни одного из государств или спасательных операций в космосе либо в открытом море). По мнению авторитетного венесуэльского ученого Г. Парра-Арангурена, обращение к данной коллизионной привязке неоправданно в тех случаях, когда место ведения дел без поручения случайно либо его объектом является имущество, расположенное на территории разных стран [31, р. 540].

В том случае, если в результате определения применимого права в соответствии с пунктами 1–3 статьи 11 регламента Рим II правоприменителю из всех обстоятельств дела станет ясно, что внедоговорное обязательство, возникающее из действия в чужом интересе без поручения, явно более тесно связано с иной страной, должно применяться право этой другой страны (п. 4 ст. 11 регламента Рим II). Данная корректирующая оговорка может быть задействована, например, в том случае, если основанием возникновения указанного обязательства является уплата чужого долга (применимым правом в данной ситуации может быть право, регулирующее отношения между должником и кредитором) [32, s. 848].

Регламент Рим II не содержит специальной нормы, посвященной сфере действия применимого к обязательствам вследствие *negotiorum gestio* права, — применяется статья 15, касающаяся всех видов регулируемых регламентом Рим II внедоговорных обязательств.

Коллизионное регулирование отношений/ обязательств, возникающих вследствие действий в чужом интересе без поручения, в актах национального законодательства

Современные подходы национальных законодателей к коллизионному регулированию отношений/обязательств (варианты использования термина в нормативных правовых актах разных стран), возникающих в связи с действиями в чужом интересе без поручения, можно условно разделить на две большие группы.

1. Наличие специального коллизионного регулирования (коллизионных норм, посвященных исключительно данным отношениям/обязательствам)

В рамках этой группы, в свою очередь, можно выделить две правовые модели:

1) **закрепление единственной коллизионной привязки *lex loci gestionis*.** Имеет место в актах законодательства Анголы (ст. 43 кн. I Гражданского кодекса 1966 г.) [10, с. 72], Восточного Тимора (ст. 42 кн. I Гражданского кодекса 2011 г.) [20], Кабо-Верде (ст. 43 кн. I Гражданского кодекса 1997 г.) [10, с. 358], Мозамбика (ст. 43 кн. I Гражданского кодекса 1966 г.) [10, с. 481] и др. При этом сама коллизионная привязка формулируется иначе, чем в регламенте Рим II: закон места, в кото-

ром осуществляется основная деятельность ведущего дела лица. Представляется, что это сделано в целях адаптации данной привязки к ситуациям, когда *negotiorum gestio* состоит из множественности действий, часть которых осуществляется на территории одного государства, а часть — на территории другого (других) государства;

2) наличие нескольких коллизионных привязок (например, законодательство Вьетнама, Южной Кореи) **или их системы** (например, законодательство Китая, Молдовы, Монако, Македонии).

Так, в Законе Южной Кореи «О международном частном праве» 2016 г. [18] в качестве основной коллизионной привязки используется *lex loci gestionis*, в качестве субсидиарной — *lex causae* (в том случае, если ведение дел без поручения было основано на правоотношении между сторонами, а также в случае платежа по обязательствам другого лица (ст. 30).

В Законе Китая «О применении права к гражданско-правовым правоотношениям с иностранным элементом» 2010 г. (ст. 47) [10, с. 395] и Гражданском кодексе Вьетнама 2015 г. (ст. 686) [10, с. 255] приоритет регулирования рассматриваемых обязательств отдан автономии воли сторон. В том случае, если стороны не выбрали применимое право, согласно статье 47 Закона КНР применяется *lex domicilii communis* сторон, а при отсутствии общего обычного места жительства — *lex loci gestionis*, согласно статье 686 Гражданского кодекса Вьетнама.

Законодательство Молдовы (ст.ст. 2640, 2643 Гражданского кодекса) [4] и Монако (ст. 78 Закона от 28 июня 2017 г. «О международном частном праве») [29] закрепляет аналогичное содержащемуся в регламенте Рим II коллизионное регулирование обязательств вследствие действий в чужом интересе без поручения. Практически полностью повторил его и законодатель Македонии (ст.ст. 97 и 99 Закона от 4 февраля 2020 г. «О международном частном праве» [5]), за исключением закрепления *escape clause*. Отражение в данных актах свойственных праву ЕС подходов к коллизионному регулированию трансграничных частноправовых отношений, в том числе вследствие *negotiorum gestio*, можно объяснить европеизацией международного частного права этих стран.

2. Отсутствие специального коллизионного регулирования

При этом, в свою очередь, можно выделить:

1) страны, законодательство которых содержит коллизионные нормы, в объеме которых ведение чужих дел без поручения упомянуто наряду с другими правовыми категориями (Беларусь (ст. 1128 Гражданского кодекса [3], Кувейт (ст. 67 Закона от 14 февраля 1961 г. «О регулировании правоотношений с иностранным элементом» [10, с. 406], Север-

ная Корея (ст. 30 Закона от 6 сентября 1995 г. «О внешних гражданских отношениях» [10, с. 699], Перу (ст. 2098 кн. XX Гражданского кодекса 1984 г.) [10, с. 632], Таиланд (ст. 14 Закона 1938 г. «О коллизии законов» [10, с. 827], Япония (ст. 14 Закона от 21 июня 2006 г. «Об общих правилах применения законов» [17] и др.). Для всех них закреплены единые, жесткие коллизионные привязки:

- например, в соответствии со статьей 14 Закона Японии «Об общих правилах применения законов» [17] возникновение и последствия требований, возникающих из ведения чужих дел без поручения или неосновательного обогащения, должны регулироваться правом места, где произошли события, лежащие в основе требования;
- согласно статье 2098 книги XX Гражданского кодекса Перу [10, с. 632] обязательства, возникающие из закона действия в чужом интересе без поручения, неосновательного обогащения и уплаты недолжного, регулируются правом того места, в котором было или должно было быть совершено действие, из которого возникло обязательство;
- в соответствии со статьей 1128 Гражданского кодекса Республики Беларусь [3] к сделкам из односторонних действий (публичное обещание награды, деятельность в чужом интересе без поручения и др.) применяется право места совершения сделки. Согласно данной норме место совершения сделки определяется по праву Республики Беларусь. В то же время Кодекс не содержит статей по вопросу определения места совершения сделок из односторонних действий (термин «сделка из одностороннего действия» вообще неизвестен материальному гражданскому праву Республики Беларусь);
- 2) страны, в законодательстве которых нет коллизионных норм, в объеме которых прямо указаны действия в чужом интересе без поручения (Армения, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Швейцария, Таджикистан, Украина, Россия и др.).

Ответ на вопрос, на основании каких в таком случае статей определить право, применимое к соответствующим отношениям, зависит от того, о нормативном правовом акте какого государства идет речь. Так, например, применительно к Закону Украины от 23 июня 2005 г. «О международном частном праве» [14] это целесообразно за счет статьи 48 о праве, применимом к обязательствам, возникающим из односторонних действий [16, с. 115], применительно к Российской Федерации — исходя из общих правил его статьи 1186 Гражданского кодекса с возможным применением иных коллизионных норм раздела VI данного Кодекса, относящихся к сделкам, представительству, неосновательному обогащению, возмещению вреда, в зависимости от того, какова в соответ-

ствующих случаях сущность отношений касательно *negotiorum gestio* [12, с. 180–181].

На наш взгляд, заложенное в регламенте Рим II, а также законодательстве таких стран, как Молдова и Монако, коллизионное регулирование *negotiorum gestio* является наиболее удачным и прогрессивным, поскольку:

1) отвечает таким современным тенденциям международного частного права, как усложнение коллизионных норм, усиление гибкости и дифференциация коллизионного регулирования внедоговорных обязательств и др.;

2) покрывает все возможное многообразие правовых ситуаций, существующих в связи с осложненными иностранным элементом действиями в чужом интересе без поручения;

3) ведущей выступает автономия воли сторон, что позволяет учесть их заинтересованность в регулировании *negotiorum gestio* наиболее выгодным, известным им и связанным с делом правом;

4) позволяет избежать дополнительных временных и материальных расходов суда и сторон за счет возможности применения к различным аспектам *negotiorum gestio* единого правопорядка.

В связи с этим, полагаем, отечественному законодателю при формулировании собственного коллизионного регулирования в данной сфере целесообразно учитывать соответствующие подходы права ЕС и указанных стран. Закрепление в Гражданском кодексе Республики Беларусь или отдельном Законе «О международном частном праве» (в случае его разработки) иерархичной системы специальных коллизионных норм, предусматривающей множественность идентичных содержащимся в регламенте Рим II, Гражданском кодексе Молдовы [4] и Законе Монако «О международном частном праве» [29] коллизионных привязок с упором на *lex voluntatis*, позволяющей скорректировать выбор применимого права на основании *escape clause*, также даст возможность учесть тот факт, что в материальном гражданском праве Республики Беларусь действия в чужих интересах без поручения являются самостоятельным правовым институтом со своими особенностями, и сделать процесс определения применимого к соответствующим отношениям права максимально простым и предсказуемым.

Список использованных источников

1. Абросимова, Е. А. Материально-правовой и коллизионный аспекты критерия предвидимости в праве России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е. А. Абросимова. — М., 2018. — 225 л.
2. Внедоговорные обязательства в международном частном праве / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; отв. ред. И. О. Хлестова. — М.: НОРМА, 2018. — 160 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 1 июля 2023 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pravo.by/document/?guid=3871&po=hk9800218>>. — Дата доступа: 04.07.2023.
4. Гражданский кодекс Республики Молдова от 6 июня 2002 г. № 1107-XV [Электронный ресурс] // Министерство юстиции. Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. — Режим доступа: <https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=125043&lang=ru>. — Дата доступа: 04.07.2023.
5. Закон за меѓународно приватно право: бр. 08-1107/1, 4 февр. 2020 г. [Электронный ресурс] // Република Северна Македонија. Министерство за правда. — Режим доступа: <<https://pravda.gov.mk/Upload/Documents/ЗАКОН%20ЗА%20МЕЃУНАРОДНО%20ПРИВАТНО%20ПРАВО%202020.pdf>>. — Дата доступа: 04.07.2023.
6. Козина, Е. А. Коллизионное регулирование института действий в чужом интересе без поручения (*negotiorum gestio*) / Е. А. Козина // Коммерч. арбитраж. — 2021. — № 2 (7). — С. 207 — 228.
7. Кривенкова, М. В. Действие в чужом интересе без поручения международного характера: коллизионно-правовое регулирование / М. В. Кривенкова // Междунар. публич. и частн. право. — 2015. — № 6. — С. 18–21.
8. Кривенкова, М. В. Зарубежный подход к коллизионно-правовому регулированию действия в чужом интересе без поручения международного характера / М. В. Кривенкова // Современное состояние и перспективы развития правовой науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 20 янв. 2015 г. — Уфа, 2015. — С. 15–17.
9. Кривенкова, М. В. Перечень коллизионных вопросов действия в чужом интересе без поручения международного характера по законодательству Российской Федерации / М. В. Кривенкова // Там же. — С. 17–18.
10. Международное частное право: сб. нац. кодификаций: сост. и ред. В. Плеханов. — М., 2021. — 1112 с.
11. Модельный Гражданский кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств: принят постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 17 февр. 1996 г. [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni>. — Дата доступа: 04.07.2023.
12. Обобщения дискуссий Рабочей группы по подготовке изменений и дополнений в Раздел VI «Международное частное право» ГК РФ // А. В. Асосков [и др.] // Вестн. граждан. права. — 2019. — Т. 19, № 2. — С. 133–181.
13. Пирцхалава, Х. Д. Правовое регулирование внедоговорных трансграничных обязательств: на примере Российской Федерации и Испании: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Х. Д. Пирцхалава. — М., 2013. — 163 л.
14. Про міжнародне приватне право: Закон України від 23 черв. 2005 р. № 2709-IV [Электронный ресурс] // Законодавство України. — Режим доступа: <<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2709-15>>. — Дата доступа: 04.07.2023.
15. Трощенко, И. А. Коллизионные вопросы регламентации внедоговорных обязательств вследствие *negotiorum gestio* в ЕС / И. А. Трощенко [Электронный ресурс] // Материалы Междунар. молодеж. науч. форума «ЛОМОНОСОВ-2012». — М.: МАКС Пресс, 2012. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
16. Трощенко, І. Колізієне регулювання недоговірних зобов'язань у міжнародному приватному праві України та шляхи його вдосконалення на підставі досвіду європейських країн / І. Трощенко // Право України. — 2020. — № 6. — С. 111–126.
17. Act on General Rules for Application of Laws: Act N 78 of June 21, 2006 [Electronic resource] // Japanese Law Translation. — Mode of access: <<https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3783/en>>. — Date of access: 04.07.2023.

18. Act on Private International Law of January 19, 2016 [Electronic resource] // Ministry of Government Legislation. — Mode of access: <<https://law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=179501&viewCls=engLsInfoR&urlMode=engLsInfoR#0000>>. — Date of access: 04.07.2023.
19. Baetge, D. Habitual residence / D. Baetge [Electronic resource] // Max Planck Encyclopedia of European Private Law. — Mode of access: <https://max-eup2012.mpipriv.de/index.php/Habitual_Residence>. — Date of access: 04.07.2023.
20. Código Civil Aprovado pela Lei 10/2011, de 14 de Setembro / syst. by L. Ximenes [Electronic resource] // Ministério da Justiça de Timor Leste. — Mode of access: <https://www.mj.gov.tl/jornal/files/Codigo_Civil.pdf>. — Date of access: 04.07.2023.
21. Council Directive 83/182/EEC of 28 March 1983 on tax exemptions within the Community for certain means of transport temporarily imported into one Member State from another [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31983L0182>>. — Date of access: 04.07.2023.
22. Council Regulation (EC) N 2201/2003 of 27 November 2003 concerning jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in matrimonial matters and the matters of parental responsibility, repealing Regulation (EC) N 1347/2000 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32003R2201>>. — Date of access: 04.07.2023.
23. De Lima Pinheiro, L. Choice of Law on Non-Contractual Obligations between Communitarization and Globalization — A First Assessment of EC Regulation Rome II (November 20, 2007): Centro de Investigação de Direito Privado (CIDP) Research Paper N 6 / L. de Lima Pinheiro [Electronic resource] // SSRN. — Mode of access: <<https://ssrn.com/abstract=2950024>>. — Date of access: 21.03.2023. (<https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2950024>)
24. Dickinson, A. The Rome II Regulation: the law applicable to noncontractual obligations / A. Dickinson. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — LXX, 797 p.
25. ECPIL: European Commentaries on Private International Law. Rome II Regulation / ed. by P. Mankowski, U. Magnus. — Köln: Otto Schmidt, 2019. — 762 p.
26. Hamburg Group for Private International Law Comments on The European Commission's Draft Proposal for a Council Regulation on the Law Applicable to Non-Contractual Obligations // *Rechts Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht*. — 2003. — Bd. 67, H. 1. — P. 1—56.
27. Judgment of the Court (Third Chamber) of 2 Apr. 2009. Case C-523/07 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62007CJ0523>>. — Date of access: 04.07.2023.
28. Kadner Graziano, T. Le nouveau droit international privé communautaire en matière de responsabilité extracontractuelle / T. Kadner Graziano // *Revue critique de droit international privé*. — 2008. — N 97 (3). — P. 445—511.
29. Loi n° 1.448 du 28 juin 2017 relative au droit international privé [Electronic resource] // *Journal de Monaco. Bulletin Officiel de la Principauté*. — 07.07.2017. — Mode of access: <<https://journaldemonaco.gouv.mc/Journaux/2017/Journal-8337/Loi-n-1.448-du-28-juin-2017-relative-au-droit-international-prive#:~:text=Conform%C3%A9ment%20aux%20dispositions%20de%20la%20loi,son%20domicile%20dans%20la%20Principauté%C3%A9>>. — Date of access: 04.07.2023.
30. Paraskevas Louloudakis v. Elliniko Dimosio: Judgment of the Court (Sixth Chamber) of 12 July 2001. Case C-262/99 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61999CJ0262>>. — Date of access: 04.07.2023.
31. Parra-Aranguren, G. Las obligaciones extracontractuales en Derecho internacional privado Obligaciones extracontractuales en derecho internacional privado / G. Parra-Aranguren // *Anuario de la Maestría en Derecho Internacional Privado y Comparado*. — 2021. — T. 3. — P. 505—545.
32. Prawo prywatne międzynarodowe. System Prawa Prywatnego. T. 20B / pod red. M. Pazdana. — Warszawa: C. H. Beck, 2015. — 1000 s.
33. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition / ed. by Ch. Von Bar [et al.]. — Munich, 2009. — vi, 643 p. [Electronic resource] // *Sąd Arbitrażowy przy Izbie Krajowej Gospodarczej*. — Mode of access: <<https://sakig.pl/wp-content/uploads/2019/01/dfcr.pdf>>. — Date of access: 04.07.2023.
34. Proposal for a Regulation of the European Parliament and the Council on the law applicable to non-contractual obligations («ROME II»): Doc. COM(2003) 427 final 2003/0168 (COD), Brussels, 22.07.2003 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52003PC0427>>. — Date of access: 04.07.2023.
35. Regulation (EC) N 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32007R0864>>. — Date of access: 04.07.2023.
36. Regulation (EEC) N 1408/71 of the Council of 14 June 1971 on the application of social security schemes to employed persons and their families moving within the Community [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A31971R1408>>. — Date of access: 04.07.2023.
37. Roberto Adanez-Vega v. Bundesanstalt für Arbeit: Judgment of the Court (First Chamber) of 11 Nov. 2004. Case C-372/02 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62002CJ0372>>. — Date of access: 04.07.2023.
38. Robin Swaddling v. Adjudication Officer: Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 25 Febr. 1999. Case C-90/97 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61997CJ0090>>. — Date of access: 04.07.2023.
39. Rome Regulations: Commentary. Third ed. / ed. by G.-P. Calliess, M. Renner. — Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2020. — 1080 p.
40. Rome II Regulation. Pocket commentary / ed. P. Huber. — München: Sellier European Law Publishers, 2011. — 470 p.
41. Silvana di Paolo v. Office national de l'emploi: Judgment of the Court of 17 Febr. 1977. Case 76-76 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/GA/TXT/?uri=CELEX:61976CJ0076>>. — Date of access: 04.07.2023.
42. Tubeuf, C. Enrichissement sans cause, gestion d'affaires et "culpa in contrahendo" / C. Tubeuf // *Revue de Droit Commercial Belge*. — 2008. — N 6. — P. 535—548.

Статья поступила в редакцию 23 марта 2023 г., доработана в сентябре 2023 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ В ЛИЦАХ: АСЛАН ХУСЕЙНОВИЧ АБАШИДЗЕ — УЧЕНЫЙ, ПРАВОВЕД, МЕЖДУНАРОДНИК

Абашидзе Аслан Хусейнович — заведующий кафедрой международного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (далее — РУДН), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Рабочей группы по произвольному задержанию Совета по правам человека ООН (2007—2009 гг.); с 2010 по 2026 г. — член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (2014—2016, 2020—2023 гг. — вице-председатель и докладчик); член Исполкома Российской ассоциации международного права, Европейской ассоциации международного права, Всемирной ассоциации международного права, Научно-консультативного совета МИД России, Российского общественного совета по международному сотрудничеству и публичной дипломатии при Общественной палате Российской Федерации, Экспертного совета по международному праву при Федеральном Собрании Российской Федерации, Консультативного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, Экспертного совета при Верховном Суде Российской Федерации и Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН.

интервью

— **Аслан Хусейнович, Ваша деятельность многообразна: связана с наукой, образованием, нормотворчеством и практикой реализации в сфере международного права. Вы долгие годы осуществляете деятельность в качестве независимого эксперта в рамках системы ООН и одновременно преподаете в ведущих российских вузах, руководите кафедрой международного права Юридического института РУДН имени Патриса Лумумбы. Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в эту сложную и интересную профессию, почему решили заниматься международным публичным правом?**

— Отвечая на вопрос о выборе профессии в целом, я всегда говорю — следуйте зову сердца и души, делайте осознанный выбор и целенаправленно следуйте ему, впитывайте, анализируйте все, что происходит в этой сфере. Стать юристом я решил еще в детстве, хотя это не было семейной традицией. После армии, службы в Мончегорске в 1979 г. меня рекомендовали на обучение в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, где желание погрузиться в мир юриспруденции осуществилось и где я продолжаю трудиться, делиться знаниями и практическим опытом с новыми поколениями юристов-международников — выходцами из более чем 160 стран мира, обучающимися в университете. При распределении на 3-м курсе по специальностям на факультете экономики и права я был единственным из советских ребят, кто выбрал стезю международного права. Уже тогда представлялось, что это направление для юриста — самое интересное, но вместе с тем сложное и насыщенное. Юрист-международник должен знать в совершенстве и базовые предметы внутригосударственного права, и обширнейшее международно-правовое обеспечение международной жизни, историю, географию, философию, политологию, культуру, иностранные языки. Эта профессия позволяет охватить интересующий спектр юридических вопросов в широкой исторической и геополитической перспективе и таким образом дойти до сути происходящего.

— **А как и когда Вы пришли в науку?**

— В науку меня привел мой Учитель — профессор Игорь Павлович Блищенко. Я окончил университет с отличием, получил дополнительно диплом переводчика с английского на русский язык и меня рекомендовали для обучения в аспирантуре. В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию по международному праву. Кафедра направляла молодых специалистов на обучение за рубеж, и таким образом я окончил магистратуру по правам человека Института имени Рауля Валленберга при Лундском университете в Швеции в 1992 г. Преподавательскую деятель-

международное право

ность начал с 1988 г. В 1997 г. защитил докторскую диссертацию по международно-правовой проблематике. В 2000 г. получил ученое звание профессора ВАК по международному праву. Мой учитель И. П. Блищенко был для меня примером сочетания работы преподавателя и эксперта ООН. Он постоянно выезжал в командировки в ООН в качестве эксперта по правозащитной тематике и международному гуманитарному праву, всей своей деятельностью доказывая единство науки и практики как специфику международного права, а также то, что известные практикующие юристы-международники — одновременно признанные ученые и, наоборот, действительно успешные ученые всегда ориентированы на реальные процессы развития международного права, видят, как теория преломляется в практической плоскости. Именно поэтому среди вспомогательных средств для определения норм международного права мы обращаемся к доктринам наиболее квалифицированных специалистов, и это закреплено в статье 38 Статута Международного суда ООН. А при подготовке юристов-международников такое внимание уделяется модельным судебным разбирательствам, муткортам, в процессе обучения важную роль играет кейс-метод.

Мне повезло: предмет «Международная защита прав человека» преподавал Владимир Алексеевич Карташкин — по его учебникам учились студенты юридических вузов страны. Он возглавлял Совет по правам человека при президенте Российской Федерации и был членом Подкомиссии ООН по поощрению и защите прав человека. Работа в качестве помощника В. А. Карташкина в ООН дала мне возможность постепенно приобрести навыки эксперта этой организации и написания научных статей по актуальной проблематике защиты прав и свобод человека в системе ООН.

— ***А Ваша практическая деятельность в рамках ООН также связана с научными изысканиями и Вашими научными интересами?***

— В системе ООН я работаю уже более 15 лет. Во время участия в работе сессий или визитов по линии ООН (например, в рамках Рабочей группы ООН по произвольному задержанию) я всегда преломляю получаемую информацию через призму целей, задач, оцениваю полученный результат в совокупности всех международно-правовых отношений, использую то, что в науке называют методом системного анализа. За долгие годы деятельности в фокусе моего внимания как ученого были различные направления — международное морское, космическое, воздушное, экологическое, гуманитарное право, право международных организаций и т. д. Это дает возможность широко оценивать практические вопросы. Однако, безусловно, своеобразная специализация присутствует. Темы моих диссертаций, и кандидатской, и докторской, были посвящены правозащитной тематике, например докторская — международной защите национальных меньшинств. Чаще всего темы моих публичных выступлений связаны непосредственно с вопросами прав человека, а также с отдельными аспектами — защиты института семьи, расовой дискриминацией, ксенофобией, нетерпимостью и т. д. В этом же направлении развивается моя практическая экспертная деятельность: с 2010 г. я выполняю функции члена Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, в том числе в статусе вице-председателя и в статусе докладчика. Дважды в год на протяжении трех недель данный Комитет проводит сессионные заседания, где заслушиваются периодические доклады государств — участников Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (их на сегодняшний день 171). При этом каждые полтора года я также в течение недели в Женеве занимаюсь подготовкой дополнительных вопросов к уже представленным докладам для рассмотрения их Комитетом. С 2013 г. Комитет принимает индивидуальные жалобы. Важным направлением работы является также принятие Замечаний общего порядка, в рамках которого обобщается опыт, раскрывается сущность тех или иных положений Пакта. Конечно, в такой деятельности находят отражение научные взгляды членов Комитета, формируемые позиции отражают фундаментальные подходы ученых, занимающихся различными аспектами международного права прав человека. Я тоже стараюсь внести посильный вклад в подготовку новых Замечаний общего порядка.

— ***Вами опубликовано свыше 1000 научных работ, под Вашим научным руководством защищены более 50 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности «Международное право», Вы являлись научным консультантом по трем докторским диссертациям, а также научным консультантом шести сотрудников на кафедре по подготовке докторских диссертаций. Какие направления международно-правовых исследований, на Ваш взгляд, актуальны сегодня? Какими должны быть научные ориентиры для молодых международников?***

— Выстраивать свой национальный, субрегиональный, региональный и глобальный дискурс международного публичного права, основываясь на общих традициях российской/советской и постсоветской школы международного права, внимательно изучая и критически анализируя зарубежную доктрину, тенденции деятельности международных межправительственных организаций, включая ООН, — это остается приоритетом юристов-международников любого поколения. Мы видим, насколько сегодня актуализировались вопросы невмешательства, обеспечения государственного суверенитета, в том числе цифрового. Вновь на повестке дня остро обозначи-

лись проблемы реализации экономических, социальных и культурных прав в условиях геополитических трансформаций и многое другое. Среди новейших тем, которые затрагивают интересы любого государства, — кибербезопасность, доступ к ресурсам и технологиям, поиск новых форматов работы универсальных механизмов, которые позволят вернуться к взаимовыгодному сотрудничеству. Интеграционная тематика с участием России и Беларуси — это важное направление, которое надо изучать в междисциплинарном, сравнительном контексте, накапливать общий научный потенциал. И ученым, и практикам важно работать прежде всего на преодоление глобальной разобщенности. Государства сейчас разделены как никогда, это препятствует конструктивному продвижению практически любой темы на многостороннем уровне. Исследователи, отстаивая свои объективно обоснованные позиции, должны искать точки соприкосновения, а научные проекты, издания — способствовать международному научно-образовательному сотрудничеству.

— **Говоря о международном сотрудничестве, нельзя не вспомнить, что в этом году исполняется 75 лет со дня принятия одного из основополагающих правозащитных документов Международного билля о правах человека — Всеобщей декларации прав человека. Каково сегодня отношение научного сообщества и представителей международных организаций к этому акту и каково его значение для будущего международных отношений, очевидно испытывающих серьезный трансформационный кризис?**

— Да, Вы верно отметили фундаментальный характер Всеобщей декларации. Несмотря на ее де-юре необязательный характер, подавляющее большинство государств, международные межправительственные организации и их органы признают авторитет этого акта, ссылаются на него в качестве обоснования своей позиции, а национальные конституции, международные правовые акты содержат отсылки к положениям декларации. Стоит вспомнить, что процесс согласования положений декларации был не простым, однако государства нашли возможность выстроить общепризнаваемую парадигму мировых ценностно-правовых категорий и принципов. Данный документ — продукт государств антигитлеровской коалиции, закрепляет основные категории прав человека (гражданские, политические, экономические, социальные и культурные) в их единстве и взаимосвязанности. Российская Конституция в главе II полностью отражает их, составляя основу правового статуса личности в Российской Федерации. Очень важно в настоящем и будущем не отходить от этих положений. Исходя из моего опыта отмечу, что и в работе органов ООН используют этот акт именно в качестве общей согласованной основы. Так, в Рабочей группе по произвольному задержанию мы сталкивались с нарушениями, запрет на которые установлен Международным пактом о гражданских и политических правах, однако, если государство-нарушитель не являлось участником этого Пакта, то Рабочая группа ссылалась на аналогичную статью Всеобщей декларации прав человека, и это нормально воспринималось соответствующим государством. Необходимо все время помнить наставления преамбулы Всеобщей декларации прав человека: «...всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства». Успешное взаимодействие государств в сфере прав человека возможно лишь на основе равноправного и конструктивного сотрудничества.

— **Каким видится выход в таких ситуациях? Нужны ли реформы действующих механизмов?**

— Нужны, во-первых, последовательная практика недопущения деструктивного влияния действий отдельных государств на те механизмы, функционирование которых отработано годами; во-вторых, использование существующих процедур для того, чтобы привлечь внимание к реальным проблемам и направить усилия на их решение. Приведу конкретный пример: Заключительные замечания по периодическим отчетам государств в рамках Комитета по экономическим, социальным и культурным правам содержат обеспокоенность Комитета по поводу тех или иных проблем у соответствующих государств-участников и рекомендации по их преодолению. Так, 30 марта 2023 г. Комитет принял Заключительные замечания по третьему периодическому отчету Литвы. Среди прочего Комитет выразил тревогу в связи с уменьшением количества национальных меньшинств — поляков, русских, белорусов, а также ситуацией с их правами ввиду отмены соответствующего законодательного акта о правах меньшинств, призвал предпринять срочные меры в целях эффективной защиты прав национальных меньшинств, в том числе в вопросах языка, религии, культуры, национальной идентичности. Комитет также обратил внимание на ситуацию ограничения литовским правительством перевозки удобрений из Беларуси в третьи страны Африки и Латинской Америки, что поставило под угрозу продовольственную безопасность этих регионов, и рекомендовал отменить такие ограничения. Таким образом, в рамках действующих правозащитных механизмов мы обращаем внимание на острые ситуации нарушения обязательств и угрозы таких серьезных нарушений, предлагаем конкретные меры, как исправить или не допустить негативные последствия. Наконец, там, где это действительно необходимо, можно и нужно предлагать изменение существующей многосторонней системы ради

поддержания цивилизационного многообразия, справедливого распределения благ, сохраняя действительно важные достижения послевоенного периода международного права, а не перечеркивая их. В этом направлении, впрочем как и в иных вопросах на мировой арене, позиции наших государств, России и Беларуси, весьма схожи: мы выступаем за расширение Совета Безопасности ООН, однако против ревизии системы ООН как таковой. Как отмечал президент Российской Федерации, надо придерживаться «здорового консерватизма» и «не выплеснуть с водой ребенка». С такой же справедливой оценкой объективных изменений в докладе «Формирование новой международной архитектуры защиты прав человека» я выступал, например, в рамках Петербургского форума весной 2023 г.

— **Практически с самого начала деятельности ООН предпринимались попытки ее реформирования. Организация реагировала на увеличение своего численного состава, соответственно увеличивая количество членов Совета Безопасности и Экономического и Социального совета (ЭКОСОС). Сама система ООН постоянно меняется (благодаря Уставу ООН многое не регламентирует). Значительные изменения в ООН инициировали генеральные секретари, начиная с Бутроса Бутрос-Гали. Можно отметить, что он первым начал говорить о реформировании ООН в начале 1990-х гг., когда международная обстановка серьезно изменилась. Затем реформой занимались и Кофи Аннан, и Пан Ги Мун, и Антониу Гутерриш. Как Вы относитесь к таким реформам?**

— В компетенцию Генерального секретаря ООН не входит вопрос о реформировании ООН. Он возглавляет один из шести главных органов ООН — Секретариат, и обязан эффективно им руководить. Генеральный секретарь ООН может рассуждать о реформе ООН лишь по поручению государств — членов ООН, например по решению саммита или Генеральной Ассамблеи ООН. В этом вопросе необходимо учесть важный момент: реформирование ООН по существенным вопросам предполагает изменения в самом учредительном акте — Уставе ООН. А правила изменения прописаны в самом Уставе, которые надо строго соблюдать и которым нужно четко следовать.

— **Краеугольным камнем реформы ООН является право вето постоянных членов Совета Безопасности. Однако предлагаемые изменения весьма дискуссионны и в целом возможны только при изменении Устава ООН. Какие, по Вашему мнению, есть эффективные варианты реформирования Совета Безопасности?**

— Это глава XVIII («Поправки») Устава ООН. Так, согласно, пункту 1 статьи 109 для пересмотра Устава может быть созвана Генеральная конференция Членов Организации Объединенных Наций (их 193) в срок и в месте, которые должны быть определены двумя третями голосов членов Генеральной Ассамблеи и голосами любых девяти членов Совета Безопасности. По статье 108 и пункту 2 статьи 109 поправки к Уставу или любое изменение в Уставе «вступит в силу по ратификации... двумя третями Членов Организации, включая всех постоянных членов Совета Безопасности». Таким образом, требуется наличие совпадающих голосов всех постоянных членов Совета Безопасности (их пять), которые обладают правом вето, т. е. любое изменение в Уставе требует согласия всех пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, включая Россию. Это означает, что все предложения, высказанные в специальной структуре ООН по реформе, действующей с середины 70-х гг. XX в., а также позиции отдельных государств по реформе ООН должны быть согласованы на основе статей 108 и 109 Устава ООН и приняты при наличии согласия всех постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Вариантов же реформы Совета Безопасности много, и у России есть своя позиция на этот счет. Однако позиция России по некоторым вопросам может изменяться в зависимости от новых обстоятельств. Например, ранее руководство России поддерживало членство ряда государств в качестве члена Совета Безопасности, включая ФРГ, Японию и др. Однако впоследствии эти и другие государства (бывшие сателлиты фашистской Германии, которые были приняты в члены ООН после заверений, что они будут разделять дух Устава ООН, т. е. антигитлеровский дух) начали голосовать против резолюций Генеральной Ассамблеи о борьбе с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которая способствует эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, принимаемых Генеральной Ассамблеей ежегодно по инициативе России. Этот факт заставляет задуматься: стоит ли их принимать в члены Совета Безопасности ООН?

— **Деятельность Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности в большей степени освещается и известна широкой аудитории, но к главным органам относится, например, ЭКОСОС. На первый взгляд, кажется, что это сложная многоуровневая структура с весьма обширными задачами. Вы многократно принимали участие в работе различных подотчетных ему структур. Что представляет собой ЭКОСОС и какова его роль?**

— Вопрос актуальный для тех, кто видит вред уже проведенных «реформ», затрагивающих полномочия ЭКОСОС как одного из шести главных органов ООН. По сути, Устав ООН отличается от Статута Лиги Наций многими инновациями, включая то, что в нем больше внимания уделено

сотрудничеству государств в экономических и социальных сферах. Об этом говорится в преамбуле, статье 1, главе IX «Международное экономическое и социальное сотрудничество», главе X «Экономический и Социальный Совет» Устава ООН. Данные сферы подпадают под компетенцию ЭКОСОС. В компетенции ЭКОСОС находилась и сфера прав человека. По решению Венской конференции по правам человека в 1993 г. при ЭКОСОС ликвидировали Центр по правам человека и функции в правозащитной сфере были переданы созданному в 1994 г. Верховному комиссару ООН по правам человека и подчиненному ему Управлению Верховного комиссара ООН по правам человека. В 2006 г. после очередной «реформы» ЭКОСОС лишили Комиссии по правам человека, вместо нее появился Совет по правам человека, который избирается и подчиняется Генеральной Ассамблее. При этом экономические и социальные вопросы, а также региональные экономические комиссии остались в компетенции ЭКОСОС. Сейчас поставлена задача (см. резолюцию Генеральной Ассамблеи 68/366) формирования Комитета по экономическим, социальным и культурным правам не ЭКОСОС, а собранием государств — участников Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Подобные «реформы» и идеи противоречат официальной позиции системы ООН о том, что все права взаимосвязаны и неделимы. Получается, что институциональные механизмы по правозащите не только поделены, но и все больше приобретают фрагментационный характер. Согласно Повестке дня на период до 2030 года, определившей 17 целей устойчивого развития и 169 задач по их достижению, устойчивое развитие базируется на трех измерениях: экономическом, социальном и экологическом. На фоне упомянутых «реформ» лишение ЭКОСОС сферы прав человека — это ошибочный шаг с далеко идущими негативными последствиями для универсальной правозащитной системы.

— ***Есть также такой орган, как Совет по Опеке, бездействующий с 1994 г. Что делать с ним?***

— Когда принимался Устав ООН, был актуальным вопрос о судьбе колониальных народов и территорий. Впоследствии подмандатная система Лиги Наций была заменена системой опеки. Для решения этой проблемы был учрежден специальный орган в качестве одного из шести главных органов ООН в виде Совета по Опеке (гл. XIII Устава ООН). После обретения в 1994 г. последней оставшейся подопечной территорией (Палау) независимости этот орган официально приостановил свою деятельность. Из всех официальных и неофициальных предложений о судьбе данного органа мне больше импонирует инициатива Генерального секретаря: превратить Совет по Опеке в орган, генерирующий инновационные идеи для государств — членов ООН и самой ООН. При этом хотелось подчеркнуть, что глава XI «Декларация в отношении самоуправляющихся территорий» остается актуальной, ибо, к сожалению, достаточное число территорий остается под незаконным управлением бывших колониальных держав, например архипелаг Чагос, принадлежащий Маврикию, удерживается Великобританией, на острове Диего-Гарсия размещена военная база США.

— ***По Вашему мнению, эффективна ли деятельность ООН в современном мире в целом и в каких направлениях?***

— Есть авторитетные ответы насчет полезности ООН и целесообразности ее сохранения человечеством.

В своем выступлении на заседании дискуссионного клуба «Валдай» (21.10.2021 г.) президент Российской Федерации В. В. Путин в контексте вопроса о реформировании или упразднении части международных институтов в отношении ООН отметил: «Организацию много критикуют за то, что она не успевает адаптироваться к стремительным переменам. Отчасти это справедливо, конечно, но, наверное, это вина не только самой Организации, но и прежде всего ее участников. Кроме того, эта международная структура является носителем не только норм, но и самого духа нормотворчества, причем основанного на принципах равенства и максимального учета мнения всех». В качестве подтверждения сказанного можно добавить об эффективности ООН в нормотворчестве в таких сферах, как права человека, охрана окружающей среды, космическая деятельность, борьба с террористическими актами и многое другое.

Имеются также авторитетное мнение и официальная позиция ведущих держав в мировой политике, касающиеся вопроса сохранения ООН.

В своем выступлении на упомянутом заседании дискуссионного клуба «Валдай» В. В. Путин заявил также: «...главный международный институт — Организация Объединенных Наций — остается для всех непреходящей ценностью, во всяком случае сегодня. Считаю, что именно ООН в нынешнем турбулентном мире является носителем того самого здорового консерватизма международных отношений, который так необходим для нормализации ситуации».

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом 31 марта 2023 г., в качестве приоритета для российского государства в деле содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира зафиксировано «восстановление роли ООН в качестве центрального координационного механизма согласования интересов государств — членов ООН и их действия по достижению целей Устава ООН».

В совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2022 г. стороны обратились ко всем государствам с призывом «...защищать международную систему, опирающуюся на центральную роль ООН, миропорядок, основанный на международном праве, добиться подлинной многосторонности при центральной и координирующей роли ООН и ее Совета Безопасности...».

Думаю, эти положения полностью и исчерпывающе отвечают на Ваш вопрос.

— **Поделитесь, пожалуйста, Вашими профессиональными планами на предстоящий год, а также в целом Вашим видением научного и образовательного сотрудничества на уровне вузов и образовательных программ.**

— В рамках работы в Комитете ООН по экономическим, социальным и культурным правам основное внимание будет уделяться разработке трех Замечаний общего порядка: по устойчивому развитию, применению международного гуманитарного права в контексте защиты экономических, социальных и культурных прав и проблемам, связанным с политикой и законодательством государств — участников Пакта по отношению к наркотикам.

В учебном плане на кафедре, которую я возглавляю, стоит задача поиска дополнительных резервов повышения качества подготовки магистров и кандидатов юридических наук, обучающихся по англоязычной программе.

В плане публикаций осуществляется разработка учебного пособия по истории международного права, запланировано обновление издания учебника «Региональные системы защиты прав человека».

И, конечно, будем продолжать работу по расширению связей с ведущими вузами мира, прежде всего с вузами из стран Африки и Латинской Америки.

— **Спасибо, уважаемый Аслан Хусейнович, желаем Вам дальнейших успехов и плодотворной работы во всех направлениях!**

Интервью провели Т. Н. Михалёва и А. В. Селиванов

ТУРЕЦКО-БЕЛОРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Онуралп Доган Чакыр

Автором рассмотрены научные публикации по вопросам турецко-белорусских отношений, изданные в Республике Беларусь. Выделены работы турецких и белорусских авторов в рамках экономического, политического и гуманитарного направления сотрудничества. Сделаны выводы, что основные исследования двустороннего сотрудничества Турции и Беларуси проводились в период до 2015 г., при этом крупные научные работы по данной проблематике так и не появились. Турецкие авторы в своих работах, опубликованных в белорусских изданиях, касались главным образом экономического взаимодействия, в публикациях белорусских авторов выделялись все аспекты двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Беларусь; историография; международное сотрудничество; турецко-белорусские отношения; Турция.

«*Turkish-Belarusian Relations in Scientific Publications of the Republic of Belarus*» (Onuralp Dogan Çakir)

The author analyses scientific publications on Turkish-Belarusian relations that have been published in the Republic of Belarus. The author identifies the works of Turkish and Belarusian authors in the framework of economic, political and humanitarian areas of cooperation. The conclusions are drawn that the main studies of bilateral cooperation between Turkey and Belarus were conducted in the period up to 2015, while no major scientific works on this issue have appeared. Turkish authors in their works published in Belarusian publications focused mainly on economic interaction, while Belarusian authors emphasised all aspects of bilateral cooperation.

Keywords: Belarus; historiography; international cooperation; Turkey; Turkish-Belarusian relations.

Исследование отношений Турецкой Республики и Республики Беларусь на протяжении более 30 лет, безусловно, является важным для исторической науки. В исторической перспективе это период, достаточный для формирования устойчивых связей и широкой документальной базы, служащей регулятором данных отношений. В научной перспективе данный отрезок времени слишком краток для появления фундаментальных самостоятельных исследований, которые бы не только обобщали опыт сотрудничества двух держав, но и предлагали разного рода модели изучаемых отношений, их перспективы, научные труды, построенные на методах компаративистики, системного анализа, моделирования.

Целью статьи является характеристика научных работ по вопросам турецко-белорусских отношений в 1991—2023 гг., которые были опубликованы в Беларуси. Данная статья представляет собой один из первых шагов в направлении анализа подобных публикаций при рассмотрении феномена взаимодействия двух стран.

Большинство научных работ являются результатами исследований, представленных широкой общественности на научно-практических конференциях. Следует отметить, что это вполне закономерное явление, которое ученому-историку не стоит недооценивать. Доклады конференций с историографической точки зрения весьма показательны — это красноречивое доказательство того, что процесс научного осмысления межгосударственных турецко-белорусских отношений начинается с саморефлексии участников данных отношений, основывается на живом опыте тех, кто строит эти отношения.

Еще одна причина обращения исследователя к имеющимся историографическим работам — начальный период самостоятельной традиции востоковедения в Беларуси. Все крупные исследования прошлого принадлежат одной из сильнейших востоковедческих школ, которая сложилась в Академии наук СССР и традиции которой были заложены еще в конце XIX в. Территория современной Беларуси, а, тем более, Республика Беларусь

Автор:

Чакыр Онуралп Доган — соискатель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: onuralp.cakir@mfa.gov.tr
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Çakir Onuralp Dogan — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: onuralp.cakir@mfa.gov.tr
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

как самостоятельный политический субъект, не являлись отдельным предметом изучения данной школы. В результате в настоящее время в Беларуси имеется ограниченное количество исторических и востоковедческих исследований. Это отмечал еще турецкий ученый М. Э. Харманджи, изучающий турецко-белорусские отношения. Он обратил внимание на недостаточность научных работ в Беларуси (как в количественном, так и в качественном отношении), предметом которых были бы турецкий язык и культура. Турецко-белорусские отношения, по мнению автора, слабо исследованы как в Беларуси, так и в Турции [41].

М. Э. Харманджи изучал историю турецко-белорусских отношений в достаточно широком временном контексте. При этом автор отметил постоянную заинтересованность турков в распространении своего языка и культуры, всячески поддерживаемую государственными институтами и представителями бизнеса. Укрепление турецко-белорусских отношений он связывал с развитием культурных проектов в области тюркологии, в том числе изучения турецкого языка [41].

Разносторонний интерес двух стран друг к другу, а также стремительно изменяющаяся обстановка в многосторонних международных отношениях определяют значение не только прямых контактов, но и опосредованных проектов, таких как изучение культуры стран, их отношений и т. д., осуществляемых между Турцией и Беларусью.

В настоящее время интерес к ближневосточному направлению внешней политики Республики Беларусь возрастает и качественно изменяется. Турецкая Республика как крупнейший политический субъект данного региона наделяется особым статусом как в самих международных отношениях, так и в научных исследованиях, связанных с ними. В данной ситуации изучение отношений Турции с Беларусью является способом понять текущее положение дел. Таким образом, необходимо исследовать историю Турции, а также ее отношения с Беларусью, чтобы лучше понять нынешнюю ситуацию и разработать политику, которая может быть выгодна обеим странам.

В 2009 и 2011 гг. прошли две конференции «Беларусь — Турция: пути сотрудничества», организованные факультетом международных отношений БГУ. В сборниках, изданных по результатам данных конференций, опубликованы тексты выступлений белорусских и турецких исследователей по различным аспектам двусторонних отношений. Научное сообщество двух стран не только проявило значительный интерес к истории связей Турции и Беларуси, но и выступило с яркой аналитикой, последовательной критикой современного состояния турецко-белорусских связей, выдвинуло интересные предложения о перспективах двустороннего сотрудничества. Кроме того,

следует выделить еще два важных мероприятия: III Международную научно-практическую конференцию (2014 г.) [39] и Международный «круглый стол», посвященный 20-летию установления дипломатических отношений Республики Беларусь и Турецкой Республики (2015 г.) [1].

Отметим статьи турецких авторов по вопросам межгосударственных отношений двух стран (Э. Дженгиз [9], Х. Йылмаз, С. Гёктен [13], Д. Ягмур [46]). Их научные интересы сосредоточены на турецко-белорусском сотрудничестве в сфере экономики. В данных работах признано, что торгово-экономическое сотрудничество стало своеобразным базисом продвижения политического диалога, позволило сформировать солидный потенциал для взаимодействия двух стран практически по всему спектру экономики. Авторы отметили положительную динамику торгово-экономического сотрудничества, сравнивая белорусскую и турецкую экономики, показали перспективные формы и сферы развития. Кроме того, турецкие авторы выделяли определенные трудности ведения бизнеса в Беларуси, в том числе недостаточную информированность турецких предпринимателей, сложности оформления разрешений на пребывание и бюрократизм.

Таким образом, турецкие исследователи считают сотрудничество в сфере экономики основой взаимодействия Республики Беларусь и Турецкой Республики. Й. Гердан сделал акцент на турецкой торговле как основе экономического взаимодействия. Он сравнил развитие товарооборота разных периодов и объяснил причины его роста [5]. О. Унал обратил внимание на усложнение условий в глобальном мире, необходимость создавать совместные предприятия для импорта в третьи страны, в частности страны африканского континента [40]. Д. Ягмур подробно осветил детали турецко-белорусского экономического сотрудничества, проанализировал его динамику, отметил неторопливость, но непрерывность двусторонних экономических отношений. При этом, по мнению автора, дополнительные усилия будут способствовать переходу сотрудничества на новый качественный уровень [46].

Турецкие ученые отмечали сравнительно небольшую долю участия турецкого бизнеса в экономике Беларуси, а степень вовлеченности представителей Турции в совместные экономические проекты характеризовали скорее как «активную заинтересованность». При этом объединяющим фактором для обеих сторон можно считать своеобразное срединное положение как Турции, так и Беларуси в своих регионах. На этом основании возможность их объединения могла бы дать значительный положительный эффект.

Вместе с тем рассматриваемые авторы сосредоточились на комплексе проблем, связанных с различиями законодательства, правовых

практик, подходов турецкой и белорусской сторон к пониманию сути и особенностей сотрудничества двух стран. В результате был сформулирован ряд предложений в рамках двустороннего сотрудничества, который помог бы турецкой стороне активнее осваивать евразийское экономическое пространство [4; 8; 13].

Горячим сторонником развития турецко-белорусских отношений стал О. Унал. Он подробно исследовал состояние экономик Турции и Беларуси и пришел к выводу о том, что белорусский рынок может быть выгодным для турецких инвестиций, которые, в свою очередь, обеспечат рост экономики и самой Турции. Главными условиями международного сотрудничества он считает упрощение визовых процедур, создание специального торгового режима, сотрудничество между промышленными предприятиями, образовательные проекты в области техники и технологий [40].

Свой взгляд на турецко-белорусские отношения представил Р. Вэрсан. Основой двустороннего сотрудничества, по его мнению, является подобное геополитическое положение двух стран, находящихся в центре своих регионов и тем самым включенных в многовекторные системы связей [3]. Интересно, что и Э. Сельчук в интервью журналу «Экономика Беларуси» подтвердил данный тезис [38].

С. Гюмюш, изучив уровень сотрудничества в сфере образования, утверждал, что высшие учебные заведения не имеют достаточных связей и этот вектор нуждается в дальнейшем развитии [7]. Он также обратился к некоторым аспектам турецко-белорусского экономического сотрудничества, отметив, что пик инвестиций Турции в экономику Беларуси пришелся на первое десятилетие XXI в. Основными сферами, представляющими интерес для турецких инвесторов в экономике Беларуси, автор считал строительство и легкую промышленность. В целом он оценивал рынок Беларуси как интересный для Турции, отмечал рост товарооборота между двумя странами и развитие международных контактов как залог успешного развития и процветания экономики Турции [6; 8].

З. Элдем рассматривал культуру и культурное сотрудничество Турции с другими странами как главный способ построения турецкой внешней политики. Вместе с тем, рассмотрев культурно-просветительские проекты, связывающие Турцию и ее партнеров, он отметил отсутствие в этом списке белорусских институтов [45].

Экономическое взаимодействие Беларуси и Турции упоминалось также в работах белорусских авторов: Е. Э. Васильевой [2], А. А. Нечай [22], Е. А. Семак [32], в которых были обозначены основные аспекты развития турецко-белорусских отношений, а также дана оценка новых форм и направлений торгово-экономического сотрудничества. Так, Е. Э. Васильева

в своей работе выделила перспективные направления турецко-белорусского сотрудничества, провела анализ состояния турецкой экономики для более полного понимания возможностей развития двустороннего сотрудничества [2].

А. Л. Киштымов [15], Е. Н. Купчина [17], О. М. Овечкина [23], О. Е. Романчик [26], Е. А. Рупакова [29], Е. А. Семак [31], П. О. Сороко [33], А. А. Трушкевич [37], И. В. Шаршунов [46] показали в своих работах разные аспекты экономического сотрудничества с Турцией. А. Л. Киштымов привел результаты исторического исследования турецкой деловой составляющей в начале XX в.: в количественном отношении эта небольшая группа людей активно занимались торговым и гастрономическим бизнесом [15]. О. М. Овечкина, Е. А. Рупакова, Е. А. Семак, А. А. Трушкевич изучали современное состояние экономического сотрудничества Турции и Беларуси, в частности в секторе инвестиций. Они рассматривали Турцию как перспективного партнера, который в обмен на широкий доступ к евразийским рынкам способен поддержать Беларусь благодаря своему влиянию на Ближнем Востоке, проанализировали статистику экономического развития обеих стран, показатели инвестиционной и другой деловой активности, а также выделили конкретные проблемы, затрудняющие двустороннее сотрудничество.

Следует отметить, что в 2010–2011 гг. активно обсуждаемой, особенно турецкой стороной, была тема упрощения визового режима, а сфера туризма в целом рассматривалась как одна из ключевых в двустороннем сотрудничестве с белорусской стороны [21; 23; 28; 29]. Е. Н. Купчина, оценивая перспективы турецко-белорусского сотрудничества, привела данные, подтверждающие, что Беларусь становится важным партнером Турции [17]. Кроме того, период 2010–2014 гг. многие авторы называли временем интенсивного роста экономических связей, особенно в области строительства, телекоммуникаций, туризма. В оценках турецко-белорусских отношений данные авторы придерживались скорее прагматической линии, показывая, что такие отношения строятся не на родстве культур, а на взаимовыгодном расчете.

Белорусские исследователи, в отличие от турецких, рассматривали вопросы турецко-белорусских отношений и в политической сфере. Так, политические аспекты сотрудничества Беларуси и Турции отмечались в работах А. Ю. Зайцева [11], Б. Л. Залесского [12], А. П. Косова [16], Е. А. Рупаковой [30], А. В. Тихомирова [34; 35], А. В. Шарапо [43].

Е. А. Рупакова провела широкий анализ договорно-правовой базы, выделив два периода ее формирования [30]. А. П. Косов также сделал акцент на формировании и развитии договорно-правовой базы и называл Турцию

«почти стратегическим партнером», несмотря на союзнические отношения последней с США и Европейским союзом. Он уделил большое внимание официальным визитам на высоком уровне [16]. А. В. Тихомиров обратил внимание на официальные визиты и межгосударственные соглашения в сфере образования, науки и технологий, подписанные во время этих визитов [34]. Он также подчеркнул важность сотрудничества государств в рамках международных организаций, например ООН. Б. Л. Залесский отметил, что средства миссовой информации Беларуси и Турции могут играть более важную роль в сближении двух народов и государств [12].

По мнению А. Ю. Зайцева, изучение турецко-белорусских отношений требует понимания правовых рамок, регулирующих взаимодействие двух стран. Их правовая база структурирована несколькими международными соглашениями и договорами, содержащими общие правила и нормы, которые должны соблюдаться обеими странами. В связи с этим необходимо более полное понимание правовой базы между двумя странами. В публикациях турецких исследователей данная проблема не освещалась [11].

Л. М. Лыч осветил эволюцию отношений между турецким и белорусским народами, особое внимание уделяя современному периоду развития. Автор отметил инициативы турецкой стороны в области культуры и образования, науки, спорта, а также совместные турецко-белорусские экономические и торговые проекты, официальные политические контакты [20].

В целом белорусские авторы положительно оценивают возможности турецко-белорусских отношений, отмечают рост товарооборота и числа контактов. При этом особо указываются различия между странами в историческом и культурном отношении. Это еще раз подтверждает, что турецко-белорусские отношения — вид современных, политически и экономически фундированных связей в целях укрепления и усиления их влияния в регионах.

Ряд работ был посвящен вопросам культурных связей Турции и Беларуси. О. И. Лазоркина [18] сделала обширный обзор политических решений в области культуры и культурных событий в отношениях двух стран в 2000—2011 гг.

Некоторые авторы сосредоточили внимание на образовательных проектах, медийных и научных контактах [10; 12; 14; 24; 25; 27]. Так, в статье В. А. Остроги дается обзор белорусских источников по истории Турции, отмечаются недостаточность и слабая представленность турецкой проблематики в современных белорусских научных исследованиях [25].

Несмотря на впечатляющие цифры и рост показателей турецко-белорусских отношений, некоторые эксперты очень осторожны в оценках перспектив двустороннего сотрудничества. Они прямо указывают на то, что Турция — крупный игрок в своем регионе, имеющий более серьезные внешние связи. Кроме того, в культурном и ценностном отношении Турция и Беларусь не являются в строгом смысле слова побратимами с учетом менталитета и культурных кодов. В целом характер турецко-белорусских отношений оценивается как разноплановый, но вместе с тем не лишенный внутренних противоречий [19; 36; 42].

Начало второго десятилетия XXI в. можно назвать самым активным периодом с точки зрения появления новых идей, дискуссий, планов и осмысления турецко-белорусских отношений в целом.

Таким образом, анализ научных работ по вопросам турецко-белорусских отношений позволяет выявить несколько аспектов. Во-первых, это отсутствие фундаментальных, системных аналитических работ, исследующих турецко-белорусские отношения. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что сами отношения двух стран не являются до сих пор частью научного исторического поля и развиваются в области практики. Кроме того, возможно, сам характер этих отношений, различие культур, стереотипные подходы к ним не позволяют турецко-белорусским отношениям стать полноценным объектом научного исследовательского интереса.

Во-вторых, имеющиеся исследования турецких авторов в белорусских публикациях посвящены главным образом экономическому сотрудничеству, в то время как белорусские авторы уделяют внимание как экономическому, так и политическому аспекту взаимоотношений.

В-третьих, основные публикации по турецко-белорусским отношениям изданы до 2015 г. В дальнейшем данная проблематика практически «ушла» из белорусского научного дискурса.

Список использованных источников

1. Беларусь и Турция: опыт цивилизационного взаимодействия: материалы Междунар. круглого стола, посвящ. 20-летию установления дипломат. отношений Респ. Беларусь и Турецкой Респ., Минск, 2015 г. / редкол.: С. Н. Ходин [и др.]. — Минск: РИВШ, 2015. — 169 с.
2. Васильева, Е. Э. Либерализация турецкой экономики: уроки для Беларуси // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 83—88.
3. Вэрсан, Р. Политические отношения между Турцией и Беларусью: факты и предположения / Р. Вэрсан // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 80—81.
4. Гердан, Й. Белорусско-турецкие экономические отношения: современное состояние, проблемы и перспективы / Й. Гердан // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2002. — № 3. — С. 81—84.

5. Гердан, Й. Экономическое развитие Турции и перспективы сотрудничества с Республикой Беларусь / Й. Гердан // Беларусь в современном мире: материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. — Минск, 2016. — С. 150—151.
6. Гюмюш, С. Белорусско-турецкое инвестиционное сотрудничество / С. Гюмюш // Беларусь в современном мире: материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 91-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2012 г. — Минск, 2012. — С. 213—215.
7. Гюмюш, С. Важность сотрудничества Беларуси и Турции в сфере высшего образования / С. Гюмюш // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 138—143.
8. Гюмюш, С. Важность экономического и торгового сотрудничества между Турцией и Беларусью / С. Гюмюш // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 97—102.
9. Дженгиз, Э. Оценка коммерческих связей Беларуси и Турции / Э. Дженгиз // Там же. — С. 115—129.
10. Дубовик, Е. Л. Сотрудничество Беларуси и Турции в сфере образования / Е. Л. Дубовик // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 99—102.
11. Зайцев, А. Ю. Белорусско-турецкие отношения на современном этапе / А. Ю. Зайцев // Там же. — С. 11—20.
12. Залесский Б. Л. Беларусь — Турция: стратегическое партнерство и СМИ / Б. Л. Залесский // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 9. В 3 т. Т. 1 / сост. С. В. Анцух. — Минск: Четыре четверти, 2012. — С. 144—146.
13. Ёылмаз, Х. Различные предложения в области экономических отношений Беларуси и Турции / Х. Ёылмаз, С. Ёктен // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 111—114.
14. Кишкевич, Е. В. Диалог культур (из опыта обучения турец. слушателей рус. яз. [в Белорус. гос. ун-те]) / Е. В. Кишкевич, В. М. Молофеев // Там же. — С. 153—159.
15. Киштымов, А. Л. Турецкие капиталы и турецкие предприниматели в экономике Минска начала XX века / А. Л. Киштымов // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 92—97.
16. Косов, А. П. Беларусь и Турция: становление и развитие межгосударственных отношений / А. П. Косов // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. — начало XXI в.): материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23—24 апр. 2015 г. — Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. — С. 296—303.
17. Купчина, Е. Н. Перспективы белорусско-турецкого сотрудничества на современном этапе / Е. Н. Купчина // Проблемы управления. — 2013. — № 2. — С. 27—29.
18. Лазоркина, О. И. Культурное взаимодействие Беларуси и Турции на современном этапе / О. И. Лазоркина // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 148—152.
19. Липень, Е. К. Особенности белорусско-турецких отношений на современном этапе / Е. К. Липень // Там же. — С. 23—26.
20. Лыч, Л. М. Беларусь — Турция: ад войнаў да супрацоўніцтва / Л. М. Лыч. — Минск, 2018. — 124 с.
21. Михальчик, К. И. Некоторые аспекты межкультурной коммуникации в туристическом бизнесе (Беларусь — Турция) / К. И. Михальчик, О. Солак // Теоретические и методологические аспекты коммуникации: сб. науч. тр. Вып. 3 / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2009. — С. 40—46.
22. Нечай, А. А. Либерализация турецкой экономики и привлечение иностранного капитала / А. А. Нечай // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 133—137.
23. Овечкина, О. М. Инвестиции Турецкой Республики в строительный сектор экономики Республики Беларусь / О. М. Овечкина // Новая экономика. — 2019. — № 2. — С. 101—104.
24. Олюнин, С. В. Дорогами Малой Азии: лингвострановедческие штудии ФМО БГУ / С. В. Олюнин // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 172—178.
25. Острога, В. А. История Турции в белорусской историографии / В. А. Острога // Там же. — С. 160—164.
26. Романчик, О. Е. Внешнеэкономическое сотрудничество Беларуси и Турции / О. Е. Романчик // Материалы Ежегодной научной конференции преподавателей и магистрантов университета, 14—15 апр. 2004 г. В 4 ч. Ч. 2 / Минск. гос. лингв. ун-т. — Минск, 2004. — С. 144—148.
27. Рупакова, Е. А. О перспективах белорусско-турецкого сотрудничества в научной сфере / Е. А. Рупакова // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 155—159.
28. Рупакова, Е. А. Проблемы упрощения визового режима между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой / Е. А. Рупакова // Беларусь в современном мире: материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 91-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2012 г. — С. 60—61.
29. Рупакова, Е. А. Турецкие инвестиционные проекты в Республике Беларусь / Е. А. Рупакова // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 103—110.
30. Рупакова, Е. А. Формирование договорно-правовой базы белорусско-турецких отношений (1992—2012 гг.) / Е. А. Рупакова // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2013. — № 4. — С. 57—63.
31. Семак, Е. А. Партнерство, выгодное всем / Е. А. Семак // Беларус. думка. — 2012. — № 4. — С. 28—33.
32. Семак, Е. А. Развитие экономического сотрудничества Беларуси и Турции в условиях мирового финансового кризиса / Е. А. Семак // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 70—75.
33. Сороко, П. О. Конкурентные позиции Турции на рынке выездного туризма Беларуси / П. О. Сороко // Там же. — С. 89—91.
34. Тихомиров, А. В. Политические аспекты белорусско-турецкого взаимодействия в 2010 г. / А. В. Тихомиров // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 53—58.
35. Тихомиров, А. В. Состояние политического диалога между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой в 1992—2009 гг. / А. В. Тихомиров // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск, 2010. — С. 43—47.
36. Трахимёнок, С. А. Беларусь — Турция: цивилизационные основы сотрудничества / С. А. Трахимёнок // Там же. — С. 38—42.

37. Трушкевич, А. А. Значение взаимодействия с Турецкой Республикой для развития национальной экономики Республики Беларусь / А. А. Трушкевич // Человек, психология, экономика, право, управление: проблемы и перспективы: материалы XXII Междунар. науч. конф. аспирантов, магистрантов и студентов, Минск, 17 мая 2019 г. / Минск. инновац. ун-т. — Минск, 2019. — С. 40—41.
38. Турецкий берег нас зовет...: [о перспективах развития белорус.-турец. сотрудничества: беседа с управляющим партнером турец. юрид. фирмы «Кетенджи» Э. Сельчуком]; беседовала М. Астрейко // Экономика Беларуси. — 2016. — № 1. — С. 26—30.
39. Турция и страны постсоветского пространства: итоги и перспективы сотрудничества: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 февр. 2014 г. / Респ. ин-т высш. школы. — Минск: РИВШ, 2015. — 100 с.
40. Унал, О. Турция в контексте глобальных реформ — развитие торговых отношений с Республикой Беларусь / О. Унал // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск, 2011. — С. 83—96.
41. Харманджи, М. Э. Академический уровень белорусско-турецких отношений / М. Э. Харманджи // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Сеждунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г.. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 103—110.
42. Черепко, Я. А. Оценка перспектив развития белорусско-турецкого сотрудничества на современном этапе / Я. А. Черепко // Международные отношения: история, теория, практика: материалы VI науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ, Минск, 4 февр. 2016 г. В 3 ч. Ч. 3 / Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2016. — С. 67—70. /
43. Шарапо, А. В. Беларусь — Турция: мотивация сотрудничества / А. В. Шарапо // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск, 2011. — С. 47—52.
44. Шаршунов, И. В. Туризм как наиболее активная форма белорусско-турецкого сотрудничества / И. В. Шаршунов // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 76—82.
45. Элдем, З. Культура как инструмент внешней политики Турецкой Республики / З. Элдем // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2017. — № 1-2 (80-81). — С. 92—96.
46. Ягмур, Д. Турецко-белорусские экономические отношения / Д. Ягмур // Проблемы управления. — 2013. — № 2. — С. 69—70.

Статья поступила в редакцию 2 марта 2023 г.

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭЛИТА БССР В БРИТАНСКОЙ И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Виктор Шадурский

После завершения Второй мировой войны в США и Великобритании возник запрос на изучение властной вертикали как Советского Союза в целом, так и отдельных союзных республик. До конца 1980-х гг. белорусской проблематикой в англоязычных странах занимались в основном историки диаспоры, а затем вопросы республики и ее элит начали изучать непосредственно американские и британские исследователи. В статье анализируются работы таких авторов, как Н. Вакар, И. Любачко, Д. Марплс, Я. Запрудник и др. Особое внимание уделяется научной деятельности американского профессора М. Урбана, занимавшегося исследованиями процессов циркуляции элит, происходивших в БССР в 1966—1986 гг. Делается вывод о том, что некоторые из перечисленных в статье публикаций представляют лишь историографический интерес, другие же могут быть полезны для современных исследователей новейшей истории Беларуси.

Ключевые слова: англоязычная историография; Беларусь; партийно-государственная система; Советский Союз; теории элиты.

«Party-State Elite of the BSSR in British and North American Historiography» (Victor Shadurski)

Immediately after the end of World War II in the United States and Great Britain appeared the interest to study the system of government of the Soviet Union and individual Soviet republics. Until the end of the 1980s the history of Belarus in the English-speaking countries was mainly studied by historians of the diaspora, and after the 1980s researchers from native English speakers have also been involved in this topic. The article analyses the works of such authors as N. Vakar, I. Lubachko, D. Marples, J. Zaprudnik and others. Particular attention is paid to the scientific activities of the American professor M. Urban, who studied the circulation of elites that took place in the BSSR in 1966—1986. It is concluded that some of the studies listed in the article are now have only historiographical interest, while others may be useful for modern researchers of the contemporary history of Belarus.

Keywords: Belarus; English-language historiography; party-state political system; Soviet Union; theory of elites.

Вопрос изучения системы государственно-партийной власти БССР впервые возник перед исследователями Великобритании и США еще в середине 1950-х гг., практически одновременно с непосредственным зарождением англоязычной историографии Беларуси. Появление интереса Запада, являвшегося главным противником Советского Союза, к малоизученной на тот момент республике и особенностям ее политической системы было, в том числе продиктовано тем, что в 1945 г. Белорусская ССР вошла в число государств — основателей ООН. За прошедшие с того момента десятилетия англо-американская историческая наука накопила немало работ, в которых рассматривались как властная вертикаль БССР в целом, так и карьера отдельных партийных и

государственных деятелей. Некоторые из этих публикаций сейчас представляют только историографический интерес, а некоторые могут быть полезны для более глубокого анализа новейшей белорусской истории.

Цель данной статьи — выявление основных выводов (положений), сделанных англоязычными, прежде всего американскими, специалистами, на основе исследования партийно-государственной системы Советской Беларуси и ее руководства.

Актуальность изучения выбранной темы на современном этапе обусловлена тем, что вопрос становления послевоенной партийно-государственной номенклатуры БССР изучался белорусской исторической наукой довольно ограниченно. Так, профессор С. Елизаров от-

Автор:

Шадурский Виктор Викторович — аспирант кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, e-mail: wshadur@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Shadurski Victor — post-graduate student of the Department of Modern and Contemporary History of the Faculty of History, Belarusian State University, e-mail: wshadur@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

мечал, что белорусские историки за редким исключением не уделяли номенклатурной проблеме должного внимания, оставляя ее на откуп публицистам и политологам [1, с. 56]. Белорусский профессор Э. Иоффе писал, что именно вопрос формирования политической элиты оказался наименее исследованным во всей политической истории Советской Беларуси [3, с. 82]. Автор отмечал, что из всей литературы по рассматриваемой проблеме в той или иной степени заслуживает внимания книга американского исследователя М. Урбана [12]. Так, по мнению Э. Иоффе, существует только одно заслуживающее внимание исследование, посвященное послевоенной и позднесоветской белорусской номенклатуре. И это исследование — англоязычное. С данным выводом можно спорить или соглашаться, но следует, как минимум, принять во внимание признание самими отечественными специалистами недостаточного уровня исследованности темы партийно-государственного аппарата в белорусской историографии. Следовательно, мы имеем дополнительный повод уделить пристальное внимание даже немногочисленным англоязычным работам по этой проблеме.

Внимательного изучения требует и теоретическая сторона вопроса. Откуда берет начало западная элитология? И почему отечественные историки советского периода не были склонны использовать понятие «элита» в своих научных изысканиях?

Одним из важнейших авторов в сфере изучения теории элит (от лат. *eligo* — выбираю) считается итальянский социолог и экономист В. Парето. Его имя стало известно в связи с названным в его честь эмпирическим законом «чисел Парето», согласно которому практически в любой сфере жизни 20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % ответственны лишь за 20 % итогового успеха. При этом именно В. Парето стал автором теории циркуляции элит, получившей широкое распространение в западной науке и оказавшей определенное влияние на англоязычную историографию белорусской истории. Понятие «элита» В. Парето определял как класс людей, имеющих высший статус в областях своей деятельности, и разделял ее на две группы: правящую (политическую и финансовую) и неправящую (творческую и научную) [10]. Именно на изучении партийно-государственной элиты, правящей в советских реалиях, были в большей степени сконцентрированы западные исследователи.

В Советском Союзе отношение к термину «элита» в его политологическом значении было крайне негативным. В одноименной статье Большой советской энциклопедии отмечались ненаучный характер теорий элиты, их направленность против марксистского учения о классовой борьбе и даже расистское содержание, которое вкладывают в подобные теории некоторые буржуазные социологи [5].

Само понятие «элита» не использовалось в отечественной историографии вплоть до конца советской эпохи.

Одной из первых работ на Западе, в которой исследовалась политическая элита БССР, стала монография бывшего белогвардейца, эмигранта, переводчика, профессора Гарвардского университета Н. Вакара «Белоруссия. Создание нации» 1956 г. [14]. Последняя глава книги в общих чертах затрагивала процесс формирования административной вертикали послевоенной Беларуси. Больше всего Н. Вакара, как практически и всех других англоязычных специалистов, интересовала национальная сторона вопроса. Автор отмечал, что и до, и после войны лишь небольшой процент должностей в местной администрации составляли этнические белорусы. В качестве доказательства Н. Вакар перечислял десяток фамилий представителей белорусской партийной верхушки, где в числе этнических русских упоминал Председателя Президиума Верховного Совета БССР В. Козлова и руководителя республиканского комсомола П. Машерова [14, р. 215]. В этом вопросе Н. Вакар доверился журналу «Белорусский эмигрант», издававшемуся после войны в Париже. Данный пример (отнесение белоруса П. Машерова к русским) подводит нас к пониманию того, что находившиеся за «железным занавесом» авторы не всегда могли надежно верифицировать свои источники и нередко допускали фактические ошибки. В общих выводах как последней главы, так и всей монографии Н. Вакар констатировал происходящие в Беларуси процессы русификации культуры, образования и, конечно, политики. И на этой основе делал неутешительный прогноз, что белорусский национализм на территории самой республики имеет большие шансы постепенно раствориться в «советском море» [14, р. 225].

Сопоставимая по масштабу англоязычная монография, посвященная истории нашей страны, увидела свет только через 16 лет после работы Н. Вакара. В 1972 г. в издательстве университета Кентукки вышла монография «Белоруссия под советской властью, 1917—1957» уроженца Полотчины профессора И. Любачко. В отличие от Н. Вакара, автор более подробно остановился на истории Беларуси советского периода, детально описывал «закручивание гаек» в БССР после победы над нацизмом, характеризовал И. Сталина как «великорусского шовиниста» и в связи с этим положительно оценивал XX съезд КПСС. Вновь вспыхнувшую после съезда внутрипартийную борьбу И. Любачко определял как элемент «многообещающего развития» [8, р. 192].

Однако ни Н. Вакар, ни И. Любачко, ни другие англоязычные авторы не ставили перед собой цель написать обобщающий труд, посвященный высшим властным кругам Советской Беларуси. В период 1950—1970 гг. научная

деятельность авторов эмигрантских кругов концентрировалась вокруг попыток написать фундаментальный труд о белорусской истории. Партийно-государственная система БССР в этих работах, конечно, рассматривалась, но лишь кратко, не являясь непосредственным объектом исследования.

1989 г. (за два года до распада СССР) ознаменовал собой выход работы, которую, несмотря на имеющиеся недостатки, можно назвать наибольшим достижением англо-американской историографии в сфере изучения властной вертикали Советской Беларуси. Речь идет о книге «*An Algebra of Soviet Power: Elite circulation in the Belorussian Republic 1966–1986*» профессора Калифорнийского университета в Санта-Круз М. Урбана [12]. В 2010 г. книга была переведена и издана на белорусском языке под названием «Беларуская савецкая эліта (1966–1986): алгебра ўлады» [4]. Нетрудно заметить, что после перевода на белорусский язык из названия исчезло слово «циркуляция». Тем не менее этот термин, на первый взгляд не играющий важной роли, подчеркивал, что работа профессора М. Урбана создавалась в теоретических рамках западной теории «циркуляции элит», основателем которой был уже упомянутый В. Парето. Данная теория не рассматривала элиту в конкретный момент времени, а вместо этого анализировала происходящие в ней процессы. Каким образом возникает та или иная элитарная группа? Откуда она черпает свои кадровые резервы и насколько часто это происходит? Ответ на эти вопросы позволял не только сделать вывод о развитии или деградации истеблишмента, но и дать определенный прогноз о будущем целой системы. Именно такую цель ставил перед собой М. Урбан, когда решил написать книгу о партийно-государственной системе далекой для него Советской Беларуси во время «перестройки».

Выбрав в качестве объекта изучения систему властной вертикали довольно компактной БССР, автор надеялся усовершенствовать общую методологию исследования кадровой политики бюрократии всего Советского Союза. М. Урбан полагал, что научные методы, апробированные при рассмотрении партийной элиты Беларуси, могут быть применены к любому другому региону СССР, в котором национальный фактор не играет первостепенной роли. Анализ советской модели бюрократии М. Урбан решил провести не через призму рассмотрения отдельных фигур белорусского политического олимпа, а посредством статистического анализа «цепей вакансий», позволяющих отследить последовательность перехода освободившейся вакансии к другому чиновнику, на место которого, в свою очередь, приходит кто-то еще. Подобная схема позволяла отслеживать общие тенденции циркуляции кадров внутри истеблишмента. При этом лич-

ные характеристики, такие как пол, возраст, регион, где человек занимал прежнюю должность, рассматривались лишь в совокупности, а национальность не учитывалась вообще. Последний пункт выделял работу М. Урбана среди трудов авторов эмигрантских кругов, таких как Н. Вакар и И. Любачко, для которых национальный вопрос являлся основополагающим.

Для изучения вышеупомянутых «цепей вакансий» автору пришлось провести серьезный анализ большого массива белорусских источников. Документальная база исследования среди прочего включала издания советской центральной и республиканской периодической печати (газеты «Звезда», «Известия», «Советская Белоруссия» и др.), мемуары, а также объемный сборник биографических данных советских деятелей, изданный не без участия ЦРУ [4, с. 37]. Стоит признать, что исследование М. Урбана вряд ли бы состоялось без публикации «Кто есть кто в Советском Союзе: биографическая энциклопедия 5000 советских руководителей», изданной в январе 1984 г. украинским эмигрантом Б. Левицким [7]. На обложке книги располагалась фотография уроженца Гомельской области и главы советского МИДа А. Громыко, а сам справочник включал в себя биографии большого количества партийно-государственных деятелей БССР.

Возвращаясь к книге М. Урбана, отметим, что в рамках данной статьи нет необходимости вдаваться в приводимую автором методику сложных вычислений с дробями, инверсиями и дискретными числами, можно лишь привести основные выводы.

На основе проанализированных данных автор утверждал, что в «брежневскую эпоху» влияние централизации на кадровые расстановки в БССР было скорее косвенным. Согласно М. Урбану, за исследуемый двадцатилетний период в республике было «открыто» 1368 высших партийных и государственных должностей и лишь девять из назначенных на них работников не имели предшествующего опыта работы в Беларуси [4, с. 72]. Белорусские чиновники, назначенные на посты в Москву, чаще всего не продвигались по карьерной лестнице в столице, а наоборот, со временем в основном возвращались на более высокие должности в БССР. М. Урбан констатировал: «...процесс циркуляции элиты в Беларуси имеет свою собственную структуру и функционирует в значительной степени в соответствии с собственными ритмами» [4, с. 13].

Кроме этого, в монографии делался вывод о существовании внутри Коммунистической партии Беларуси двух неформальных соперничающих групп влияния: «партизан» и «минской индустриальной группы». Если в период 1966–1975 гг. БССР руководили в основном люди, имевшие за плечами опыт партизанской борьбы, то в 1975–1986 гг. их постепенно стали заменять руководители крупных минских предприятий. И если «партизаны» под руко-

водством К. Мазурова и П. Машерова выдвинулись во многом благодаря своему авторитету у народа [12, р. 30], то «индустриалы» делали упор на региональную сплоченность, широкий кадровый резерв и тесные контакты с общесоюзным руководством [12, р. 96].

Важный момент заключался в том, что М. Урбан одним из первых в англоязычной историографии Беларуси начал рассуждать о феномене белорусского партизанского движения вполне нейтрально или даже положительно. На страницах книги он констатировал, что жертвенность партизан «для народа» и борьба «вместе с народом» способствовали выдвижению ряда партизанских командиров на самую верхушку белорусской правящей элиты. Это мнение контрастировало с мнением большинства западных авторов, которые от Н. Вакара до Т. Снайдера [11] привыкли рассуждать о Беларуси времен оккупации в стиле «между советской наковальней и немецким молотом» [14, р. 199].

При этом в книге М. Урбана встречались определенные неточности и даже ошибки (например, Могилевская область была названа самой маленькой в республике [4, с. 83]). Некоторые отечественные историки критиковали и методологическую сторону исследования. С. Елизаров отмечал, что, сосредоточившись на понятии «мобильность», автор создал искусственный конструкт стратификации политической системы БССР [2, с. 58].

Вместе с тем работа М. Урбана производит в целом положительное впечатление. При помощи статистических и математических методов автору удалось создать комплексное исследование по довольно специфической и малоизученной теме. Удаленность автора от политических реалий БССР позволила ему взглянуть на события и персонажей белорусской истории с альтернативной точки зрения. Именно совокупностью этих факторов и объясняется то, что работа американского профессора, изданная в 1989 г., остается актуальной и востребованной даже у современных авторов [6]. Доказательством служит тот факт, что книга вошла в число немногочисленных американских и британских исследований Беларуси, переведенных с английского языка.

Работа М. Урбана появилась в период, когда вся англоязычная историография Беларуси находилась в непосредственной близости к опре-

деленной точке бифуркации. Долгие десятилетия белорусской проблематикой на Западе занимались в основном выходцы из диаспоры, которые были эмоционально вовлечены в советологию, и лишь на рубеже 1980—1990-х гг. работы, посвященные Беларуси, стали публиковаться авторами, для которых английский язык являлся родным, а Беларусь ничем иным, как объектом научного исследования. Публикации становились более узконаправленными, а их выводы менее эмоциональными.

За время, прошедшее с 1991 г., тему белорусской советской политической элиты затрагивали многие британские и американские исследователи. Так, Я. Запрудник в своей книге «Беларусь на гістарычных скрыжаваннях» (1993 г.) сдержанно позитивно оценивал К. Мазурова и критиковал «русификатора» П. Машерова [15, р. 120]. Начали появляться и совместные работы авторов диаспоры с новым поколением западных историков. Так, в 1993 г. свет увидела совместная публикация М. Урбана и Я. Запрудника «Беларусь: долгая дорога к государственности», в которой затрагивался вопрос трансформации советских элит на рубеже 1980—1990-х гг. [13].

Один из ведущих современных западных исследователей Беларуси канадец Д. Марплс в своих монографиях и статьях уделяет довольно много внимания фигуре П. Машерова, отмечая, что, с одной стороны, он являлся системным деятелем коммунистической номенклатуры, но с другой — честным руководителем, не запятанным коррупцией, в которой погрязли партийные элиты в Москве [9, р. 25].

В качестве общего вывода хочется отметить следующее. За прошедшие годы интерес британских и североамериканских историков к обозначенной теме значительно сократился. Большое внимание западных исследователей привлекает история Беларуси в годы войны или политическая повестка современного государства. Тем не менее, пусть и косвенно, в послевоенном и позднесоветском периоде англоязычные авторы часто ищут ответ на вопрос, почему после распада СССР именно Беларусь оказалась менее склонной к отказу от советского наследия.

Таким образом, ключ к пониманию настоящего Беларуси зарубежные историки вполне справедливо пытались и пытаются найти в ее советском прошлом.

Список использованных источников

1. Елизаров, С. А. Белорусская номенклатура 1953—1964 гг.: система организации и состав / С. А. Елизаров // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. — 2022. — № 2 (60). — С. 56—60.
2. Елизаров, С. А. Местные Советы БССР периода «развитого социализма» (1965—1985 гг.): кадровая мобильность или кадровый застой? / С. А. Елизаров // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». Т. 36. — Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. — С. 57—61.
3. Иоффе, Э. Г. Формирование и состав политической элиты БССР / Э. Г. Иоффе // Советский этап в истории Беларуси: сб. науч. ст. участников Респ. науч.-теор. конф. — Минск: БНТУ, 2019. — С. 82—88.
4. Урбан, М. Белорусская советская элита (1966—1986): алгебра ўлады: пер. з англ. мовы / М. Урбан. — Вільнюс, 2010. — 195 с.
5. Элита // БСЭ. 2-е изд. Т. 48. — М., 1949. — С. 659.

6. Goruynov, M. Belarus: Often Overlooked, It Will Reward Historians and Social Scientists / M. Goruynov [Electronic resource] // Wilson Center. — 07.11.2019. — Mode of access: <<https://www.wilsoncenter.org/blog-post/belarus-often-overlooked-it-will-reward-historians-and-social-scientists>>. — Date of access: 28.06.2023.
7. Lewytskyj, B. Who's Who in the Soviet Union: a Biographical Encyclopedia of 5,000 Leading Personalities in the Soviet Union / B. Lewytskyj. — Munich: K. G. Saur, 1984. — 428 p.
8. Lubachko, I. S. Belorussia under Soviet rule, 1917–1957 / I. S. Lubachko. — Lexington: The University Press of Kentucky, 1972. — 219 p.
9. Marples, D. R. History and Politics in Post-Soviet Belarus: the Foundations / D. R. Marples // Contemporary Belarus. Between Democracy and Dictatorship. — L.: Taylor & Francis, 2003. — P. 21–36.
10. Pareto, V. The Mind and Society. The General Form of Society / V. Pareto. — N. Y.: Harcourt, Brace and Company, 1935. — 604 p.
11. Snyder, T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin / T. Snyder. — N. Y.: Basic Books, 2010. — XIX, 524 p.
12. Urban, M. An Algebra of Soviet Power: Elite Circulation in the Belorussian Republic 1966–1986 / M. Urban. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — 200 p.
13. Urban, M. Belarus: a long Road to Nationhood / M. Urban, J. Zaprudnik // Nations and Politics in the Soviet Successor States / ed. I. Bremer, R. Taras. — Cambridge University Press, 1993. — P. 99–120.
14. Vakar, N. P. Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study / N. P. Vakar. — Harvard University Press, 1956. — 305 p.
15. Zaprudnik, J. Belarus: at a Crossroads in History / J. Zaprudnik. — Westview Press. Boulder, 1993. — 278 p.

Статья поступила в редакцию 28 августа 2023 г.

ИОАННИТЫ В АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПРИ ТЮДОРАХ

Дмитрий Мазарчук

В статье проанализирована практика привлечения рыцарей Ордена Святого Иоанна Иерусалимского (иоаннитов) к дипломатическим поручениям в период правления английских монархов династии Тюдоров. Сделан вывод, что подобная практика отражает тенденцию к профессионализации английской дипломатической службы в начале XVI в. Определены преимущества использования иоаннитов в дипломатии на королевской службе: административный и военный опыт, владение иностранными языками, включение в международные сети отношений. Отмечено, что в правление Генриха VIII наметилась тенденция использования ресурсов Ордена Святого Иоанна в целях подготовки королевских служащих, в том числе на дипломатическом поприще.

Ключевые слова: дипломатическая служба; иоанниты; Орден Святого Иоанна; приоры; Тюдоры.

«Hospitallers in English Diplomacy under the Tudors» (Dmitry Mazarchuk)

The article analyses the practice of involving the Knights of the Order of Saint John of Jerusalem (Hospitallers) in diplomatic assignments during the reign of English monarchs of the Tudor dynasty. It is concluded that such practice reflects the trend towards professionalisation of the English diplomatic service in the early 16th century. The advantages of using Hospitallers in diplomacy in the royal service are identified: administrative and military experience, knowledge of foreign languages, inclusion in international networks of relations. It is noted that in the reign of Henry VIII there was a tendency to use the resources of the Order of Saint John for the training of royal servants, including diplomatic service.

Keywords: diplomatic service; Hospitallers; Order of Saint John; Priors; Tudors.

Орден братьев иерусалимского госпиталя Святого Иоанна Крестителя (кратко — иоанниты, госпитальеры, родосские рыцари, позднее — мальтийские рыцари) являлся одной из старейших духовно-рыцарских организаций в католическом мире. Будучи создан в крестоносной Палестине в 1099 г., с начала XIV в. орден обосновался на Родосе, служа своего рода аванпостом христианского мира (*pax Christiana*) на границе с мусульманскими государствами. Ядро орденской организации составляли братья-рыцари знатного происхождения, посвящавшие свою жизнь служению христианской вере с оружием в руках. Рыцари ордена охраняли морские пути торговцев и паломников, боролись со средиземноморскими пиратами, содержали госпитали и странноприимные дома.

Усиление турецкой империи Османов привело к существенному изменению геополитической ситуации в Восточном Средиземноморье. Осада Родосской крепости огромной османской армией в 1522 г. закончилась капитуляцией рыцарей-иоаннитов. В первый день 1523 г. последние защитники крепости были

вынуждены покинуть остров. Спустя несколько лет они обосновались на Мальтийском архипелаге, где к прежней роли защитников морских торговых путей добавили значение важного звена в средиземноморской экономике [1, p. 3—17].

Руководство ордена (генеральный капитул во главе с магистром) находилось на Родосе (с 1530 г. — на Мальте); при этом орден имел множество подразделений на территории христианских государств Европы. Территория Англии организационно входила в английский «язык» (лат. *linguae*) Ордена Святого Иоанна, во главе которого стоял приор (великий приор) Англии. С XIV в. приоры по должности входили в Палату лордов. Местом пребывания приоров было поместье Кларкенуэлл, расположенное к северу от Лондона. Нередко приоры английского «языка» избирались из числа туркополиеров — командующих кавалерией, ответственной за безопасность побережья (которые по традиции назначались из англичан).

Орден Святого Иоанна обладал в Англии значительными земельными владениями и разветвленной инфраструктурой. Эту инфра-

Автор:

Мазарчук Дмитрий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: bande_nere@mail.ru Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Mazarchuk Dmitry — Candidate of History, Associate Professor, Doctorant of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: bande_nere@mail.ru Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

структуру составляли «дома» (лат. *domus*, ед. ч.), иначе называемые командорствами или прецепториями. Изначально организованные по образцу бенедиктинских приорств, со временем командорства превратились не столько в центры религиозной жизни, сколько в землевладения, обеспечивавшие их держателям определенный доход. Глава командорства (командор, иначе — прецептор), как правило, назначался приором. Обязанностью командора была ежегодная передача финансовых средств руководителю провинции ордена либо приору для последующей пересылки их на Восток.

Несмотря на множество исследований различных аспектов деятельности иоаннитов как на Востоке, так и в Западной Европе, тема их участия в английской дипломатии в конце XV — начале XVI в. остается в историографии неразработанной. В работах Г. О'Мэлли [23; 24], С. Филлипса [26] привлечение представителей английского «языка» ордена рассмотрено в контексте взаимоотношений орденского руководства с английской Коронаой. В просопографических исследованиях Г. Белла [3] выявлено персональное участие рыцарей ордена в английских дипломатических миссиях. Вместе с тем комплексно вопрос о месте английских иоаннитов в осуществлении внешней политики Англии при Тюдорах в историографии не рассматривался. Между тем процессы профессионализации английской дипломатии в указанный период проходили, в том числе с использованием предыдущего опыта привлечения иоаннитов. Исходя из этого целью данной статьи является определение роли английского «языка» Ордена иоаннитов в процессе трансформации английской дипломатической службы конца XV — первой половины XVI в.

По крайней мере с конца XIII в., после падения последнего оплота крестоносцев в Леванте, история существования иоаннитов на территории государств Европы была обусловлена двойственной позицией между интересами самого ордена и требованиями местных властей. Крупные земельные владения иоаннитов предназначались не только для содержания рыцарей, но и для обеспечения сбора средств для нужд ордена в целом (например, для организации походов против мусульман). Как правило, власти европейских государств резко отрицательно относились к вывозу средств из пределов их стран; с течением времени подобное негативное отношение только усиливалось. То же самое касалось и выезда орденских рыцарей для участия в военных операциях ордена.

В некоторых случаях стоявший перед братьями ордена выбор между службой идеалам христианского мира и верностью сюзерену был очень сложным. Трудно было оправдать воинскую службу для защиты королевства от внешних врагов (других христиан), еще труднее — участие братьев-рыцарей в граж-

данских войнах, в том числе против законного монарха [22, р. 98—115; 23, р. 117—118; 25, р. 180—210].

Указанные обстоятельства определяли внешние условия существования отделений ордена в государствах Западной Европы в XV — начале XVI в., включая Англию. Королевская власть видела в английских иоаннитах в первую очередь своих подданных, на которых возлагались те же обязанности, что и на других граждан. В периоды военной активности это была воинская служба, в периоды мира — иные формы служения. Понижение градуса внутреннего противостояния после воцарения династии Йорков в лице Эдуарда IV обусловило активное привлечение английских иоаннитов к дипломатической службе. Эта тенденция сохранилась после прихода к власти первого Тюдора — Генриха VII (1485 г.).

Приоры и другие руководители ордена были хорошо знакомы с внешним миром, обладали значительным административным и военным (в морской области) опытом, владели иностранными языками. Все это делало их подходящими кандидатами не просто для службы королю (с XIV в. приоры по должности входили в Палату лордов), но и конкретно для выполнения дипломатических поручений. Следует также отметить, что время правления первых двух королей из династии Тюдоров (до роспуска английской ветви ордена в 1540 г.) было периодом интенсификации дипломатической активности между европейскими странами. Именно в конце XV — первой половине XVI в. формировались традиции дипломатической практики Нового времени, складывалась модель резидентной дипломатии, формулировались нормы дипломатического права.

Основными источниками изучения дипломатической активности английских иоаннитов на службе Генриха VII и Генриха VIII являются полномочия послов, инструкции, финансовые счета, межгосударственные соглашения, дипломатическая переписка. Значительная часть этих документов опубликована в XIX—XX вв., частично в форме резюме (так называемых календарей).

На основании источников мы определили, что среди английских дипломатов (критерии отнесения к числу дипломатов см.: [3, р. 2—4]) рассматриваемого периода (1485—1540 гг.) к Ордену Святого Иоанна относились шесть человек, включая четырех руководителей английского «языка» — великих приоров Англии. Это Джон Уэстон (приор в 1476—1489 гг.), Джон Кендалл (приор в 1489—1501 гг.), Томас Доквра (великий приор в 1501—1527 гг.), Ричард Шелли (великий приор в изгнании в 1561—1587 гг.). Кроме них к дипломатическим поручениям привлекались рыцари-иоанниты Томас Ньюпорт и Томас Шеффилд.

Всего указанные лица выполнили 10 дипломатических миссий, в среднем менее чем по 1,5 на человека. Следует отметить, что в среднем английский дипломат периода 1485—1558 гг. выполнял по 2,54 миссии. Таким образом, если учитывать прямое выполнение обязанностей послов, роль иоаннитов в тюдоровской дипломатии кажется незначительной.

Действительно, в большинстве случаев участие представителей Ордена Святого Иоанна в деятельности посольского корпуса английских королей было спорадическим. Так, Дж. Кендалл, Т. Ньюпорт, Т. Шеффилд, Дж. Уэстон выполнили по одной дипломатической миссии. Вместе с тем следует отметить, что Генрих VII и Генрих VIII привлекали английских иоаннитов к множеству других поручений, имевших отношение к внешнеполитическим вопросам.

В рассматриваемую эпоху степень рационализации общественной жизни была невысокой, понятие о профессии дипломата еще не сложилось. Одно и то же лицо могли переместить с финансовой администрации на военное командование или управление отдаленной территорией, а затем назначить послом; в перерывах оно могло занимать должности в местном управлении либо самоуправлении в графстве. Между различными сферами публичной деятельности не существовало строгого разграничения, квалификационные требования к дипломатам не были формально определены, а их обязанности и должностные функции варьировались в достаточно широком диапазоне.

В этих условиях королевская власть достаточно активно привлекала иоаннитов высокого ранга к выполнению поручений, не всегда наделяя их формальными полномочиями послов. Уже в самом начале своего правления Генрих VII Тюдор назначил приора Дж. Уэстона в группу из шести лиц для переговоров с шотландскими послами, прибывшими в Англию весной 1486 г. [10, р. 169—172]. Цепочка переговоров, начатая этой миссией, увенчалась в 1497 г. Эйтонским мирным договором, имевшим существенное значение для взаимоотношений двух стран в последующее десятилетие.

Следующим поручением стала поездка в Рим с целью не только принести Папе Римскому Иннокентию VIII клятву верности от своего имени, но и засвидетельствовать в римской курии степень родства короля с его невестой (будущей королевой Елизаветой) [6, р. 19—20]. При этом приор не получил полномочий посла. Лишь на обратном пути из Рима Дж. Уэстон был назначен в состав официального английского посольства в Испанию [10, р. 189]. Отложенным итогом этого посольства стал договор 1501 г. в Медина-дель-Кампо, связавший Тюдоров с испанским правящим домом брачными узами. Таким образом, приор ан-

глийских иоаннитов Дж. Уэстон сыграл важную роль в обеспечении устойчивости на троне Генриха VII и всей новой династии.

Избранный летом 1489 г. на Родосе новый приор Англии Дж. Кендалл обладал большим предшествующим дипломатическим опытом: в 1480-х гг. от имени своего ордена он осуществлял переговоры с правителями Англии, габсбургских Нидерландов, Венеции, Неаполя, Савойи, Франции. При этом он выполнял поручения властей некоторых государств, включая английского монарха. Прибыв в январе 1488 г. во французскую столицу в качестве представителя ордена, он остался там выполнять поручение Генриха VII [7, р. 169].

Практика систематического привлечения высших иерархов ордена в Англии к дипломатическим поручениям сложилась в XIV в. и продолжалась в последующее время; особенно частой она была в период 1440—1527 гг. [26, р. 60—96, 167—170]. Согласно Г. О'Мэлли, «корона ожидала службы приоров госпитальеров и в меньшей степени прецепторов из Англии и Уэльса» [23, р. 122]. Исследователь объясняет это тем, что прежде чем стать командирами или приорами, орденские братья много путешествовали, имели значительный военноморской и административный опыт, владели французским и итальянским языками. Дополнительным фактором привлечения иоаннитов к дипломатии, по мнению С. Филлипса, был их опыт в сборе информации (прежде всего, в мусульманских государствах Средиземноморья). В первую очередь это касалось представителей орденового руководства, в частности приоров [26, р. 89]. Как следствие, большинство английских приоров являлись хорошими кандидатами для выполнения поручений своего монарха за пределами Англии.

Дж. Кендалл отлично подходил на эту роль. Несмотря на то, что он был избран приором без участия королевского представителя [29, р. 95], довольно скоро Дж. Кендалла стали привлекать к выполнению миссий в области осуществления внешней политики. В июне 1492 г. он вошел в состав английского посольства, предназначенного обсудить условия мира с французским королем Карлом VIII [11, р. 45]. Его последующие поручения не сопровождались официальным наделением дипломатическими полномочиями.

В феврале 1496 г. Дж. Кендалл участвовал в переговорах о заключении торгового договора с правителем габсбургских Нидерландов (*Intercursus magnus*), а в 1500 г. сопровождал Генриха VII на встрече с эрцгерцогом Филиппом Габсбургом в Кале [9, р. 3; 11, р. 82; 14, р. 87]. Даже выдвинутое в марте 1496 г. обвинение Дж. Кендалла в заговоре в целях убийства короля не смогло поколебать высокого положения приора при английском дворе. Возможно, что он выполнял функции агента английской короны [23, р. 149]; участие в подобных специальных

операциях отмечено в биографиях некоторых других английских дипломатов того времени (например, Фрэнсиса Брайана и Джона Рассела).

Следующим приором Английского «языка» стал туркополиер Т. Доквра, избранный на Родосе в июне 1501 г. К моменту своего избрания Т. Доквра имел впечатляющий «послужной список» на Востоке в качестве как командира, так и управленца. Приняв участие в операциях ордена в 1502—1503 гг., он вернулся на родину. По замечанию Г. О'Мэлли, «оказавшись в Англии, Т. Доквра стал в большей степени служить короне, нежели ордену, и вскоре после своего прибытия оказался привлечен к большому числу государственных поручений» [23, р. 157]. Важнейшее место среди них играли дипломатические миссии и другие поручения в области внешних сношений.

Среди важных достижений Т. Доквра на этом поприще следует отметить переговоры с оказавшимся в Англии Филиппом Габсбургом, увенчавшиеся заключением торгового договора 1506 г. (*Intercursus malus*). В последующем Т. Доквра несколько раз привлекался к решению вопросов внешнеполитического характера. В октябре 1507 г. он вел переговоры о браке дочери английского короля Марии с будущим императором Карлом V. В начале следующего года был среди тех, кто отвечал за встречу и времяпрепровождение габсбургского посла [5, р. 384, 447; 9, р. 6; 21, р. 100, 109; 27, р. 302]. По мнению Г. О'Мэлли, Т. Доквра являлся одним из близких соратников Генриха VII. При них взаимоотношения ордена и английской короны были как нельзя более теплыми [23, р. 158].

Способности, компетентность и связи Т. Доквра активно использовал следующий король — Генрих VIII. На протяжении 1510—1524 гг. английский приор четырежды был назначен послом, многократно встречался с иностранными послами на территории Англии, несколько раз принимал участие во встречах своего государя с монархами других стран.

В частности, Т. Доквра был одним из двух английских свидетелей (в ранге послов), присутствовавших при ратификации Людовиком XII в 1510 г. англо-французского договора с обязательством ежегодных выплат в пользу английского собрата [12, р. 12; 15, р. 308, 314]. Четыре года спустя в составе уже более пышного посольства Т. Доквра сопровождал сестру английского монарха во Францию, чтобы затем принять участие в торжествах по поводу ее свадьбы с королем Людовиком [15, р. 1354, 1356, 1367, 1400, 1440—1442]. Следующая дипломатическая миссия Т. Доквра началась в конце 1518 г.; целью этого посольства было подписание соглашения с новым французским королем Франциском I [16, р. 1396—1398, 1420—1423, 1430]. Позднее, во исполнение условий договора, Т. Доквра принял участие в передаче г. Турнэ французам [9, р. 17—18; 16, р. 1401, 1410—1411; 17, р. 16—17, 20].

Помимо Франции, важным направлением активности Т. Доквра были имперские земли. Не один раз Т. Доквра встречался с императорскими послами при английском королевском дворе, хотя сам посетил имперские земли в ранге посла лишь единожды — в 1521 г. [17, р. 713—716, 718—719, 729, 730—733, 739—740, 748, 751—752]. Неудача этой миссии по отчаянной попытке сохранить достигнутый в 1518 г. «вечный мир» впоследствии отразилась в явном нежелании Генриха VIII и его советника Т. Уолси оказать действенную помощь Ордену Святого Иоанна во время осады его штаб-квартиры на Родосе турецкой армией [23, р. 168].

Знатное происхождение, высокий ранг в церкви, а также опыт и высокое положение в Англии обусловили участие Т. Доквра во множестве официальных церемоний. Например, он принимал участие в похоронах Генриха VII, коронации Генриха VIII, празднестве в честь посвящения Т. Уолси в кардиналы. Многократно Т. Доквра выполнял представительские функции в области внешней политики. В 1514 г. от имени Генриха VIII он поздравил Папу Льва X с избранием [16, р. 1466—1467]. В июне 1520 г. Т. Доквра сопровождал короля на важной дипломатической встрече с французским монархом на «Поле золотой парчи» [17, р. 240, 243, 304, 308, 313; 28, р. 30—32, 45]. Месяц спустя он присутствовал на встрече Генриха VIII и кардинала Т. Уолси с императором Карлом V [17, р. 325—326; 28, р. 73].

Помимо официального представления своего монарха и участия в переговорах с главами других государств, Т. Доквра выполнял менее значительные поручения. Например, ему выпало вести переговоры с иностранными послами, сопровождать послов и даже выступать в роли переводчика на переговорах других лиц (герцога Саффолка с венецианским послом С. Джустиниани) [13, р. 223; 16, р. 535, 536; 18, р. 148]. Всего Т. Доквра выполнил в интересах Тюдоров не менее 15 важных поручений, связанных с внешнеполитической деятельностью [26, р. 82—87].

Вознаграждение приора иоаннитов за выполнение этих поручений происходило почти в том же порядке, и вознаграждение священнослужителей на королевской службе. Подобно им Т. Доквра получил от короны ряд пожалований и лицензий «мертвой руки» (на бессрочное, неотчуждаемое владение), а также несколько выгодных назначений.

В целом сотрудничество руководителя английского «языка» с государством было взаимовыгодным; частое пребывание влиятельного приора в ранге пэра при дворе помогало ему защищать привилегии своего ордена [23, р. 173]. Иоанниты получили немалую выгоду от сотрудничества с короной; в частности, Генрих VIII помог подчинить власти приора Англии командорства Ирландии и Шотландии

[23, р. 162]. В 1521 г. отношения Т. Доквра с английским монархом могли перейти на новый уровень: приор был близок к избранию великим магистром всего ордена.

Отъезд иоаннитов с Родоса в 1523 г. привел к значительной дипломатической активности ордена. Иоанниты не раз обращались к Генриху VIII, так же как и к другим европейским государям, с просьбами помочь в восстановлении ордена [18, р. 856 (№ 1934, 1935)]. В 1527 г. отношения с английской короной по неизвестной причине испортились, по всей видимости, из-за того, что великий магистр Филипп де Лиль-Адам не посетил Англию во время своего тура по Западной Европе. Вскоре после этого умер английский приор Т. Доквра и возник вопрос о новом руководителе «языка». Какое-то время в качестве кандидатуры рассматривался незаконнорожденный сын короля, герцог Ричмонд [19, р. 1361]. Однако приором был избран У. Уэстон.

В период его руководства английским «языком» отношения Ордена Святого Иоанна с короной продолжали осложняться. Основные споры возникали по поводу выезда рыцарей на Восток и вывода из страны денежных средств, а также по вопросу судьбы орденской собственности в Англии. Генрих VIII расценивал пребывание ордена в стране как бесполезное, а значит и ненужное. Примером новой роли ордена в Англии, по мнению короля, могло быть использование ресурсов иоаннитов при организации обороны Кале в 1527–1528 гг. Хотя в итоге король все же пошел на уступки и подтвердил привилегии ордена [23, р. 184–186; 24, р. 82–83], после Т. Доквра иерархи иоаннитов больше не достигали прежней степени близости с короной.

Период реформирования английской церковной организации и официального вероучения стал завершающим этапом существования орденской организации в стране. Принятые в 1533–1534 гг. акты о диспенсациях и верховенстве поставили под вопрос привилегии ордена, ранее традиционно подтверждавшиеся английскими монархами. В последующие годы сотрудничество между орденом и короной окончательно сошло на нет. Одним из признаков недоверия к приору У. Уэстону стало нежелание привлекать его к решению внешнеполитических вопросов как за рубежом, так и в Англии [23, р. 215]. Единственными известными случаями участия У. Уэстона во внешнеполитических делах были сопровождение в составе группы лиц венецианского и французского послов в 1528 и 1535 гг. [8, р. 179–180, 185–186; 20, р. 402].

Несмотря на то, что У. Уэстон продемонстрировал свою лояльность проектам расторжения брака Генриха VIII, судьба ордена была предопределена. В мае 1540 г. был издан акт о роспуске Ордена Святого Иоанна на территории Англии и включении его владений в состав королевского домена [30, р. 454–455, 460–461, 498].

Р. Шелли выполнил всего два дипломатических поручения в правление Эдуарда VI и Марии I. Впрочем содержание ранних этапов карьеры Р. Шелли позволяет утверждать, что юношу целенаправленно готовили к дипломатической службе. В возрасте 21 года он оказался в Италии, где проходил обучение в ведущих образовательных центрах того времени (Падуга, Болонья, Венеция). Начало включению Р. Шелли во внутренние процессы дипломатической работы положила поездка в свите венецианского посла в Стамбул (он считается первым англичанином, принятым при османском дворе).

Несмотря на то, что первое назначение послом случилось только в 1546 г., уже к началу 1540-х гг. Р. Шелли считался признанным членом службы дипломатов, которого ценили за лингвистические способности и знание иностранных обычаев. Это позволило ему избежать опалы за протест против гонений на английских иоаннитов (вероятно, в юности Р. Шелли являлся рыцарем ордена [4, р. 309]). В последующем ему многократно доверяли поручения в сфере внешней политики: участие в английских посольствах, сопровождение иноземных послов или других важных особ. После восшествия на престол Марии I сложились благоприятные предпосылки для успешной карьеры Р. Шелли. В июне 1554 г. он был назначен одним из трех помощников (*aid*) в Личной палате короля-супруга Филиппа.

Затем последовали миссии разного уровня важности в Португалии, Нидерландах, на Мальте (куда он не успел выехать). Успешная карьера Р. Шелли прервалась после смерти королевы Марии. Р. Шелли был вынужден покинуть Англию, поступив на службу к испанскому королю. Являясь с 1561 г. великим приором восстановленного английского «языка» Ордена Святого Иоанна, он много лет пребывал в изгнании и умер в Венеции спустя четверть века после того, как покинул родину.

Ранняя карьера Р. Шелли является подтверждением не только стремления короны обеспечить себя подготовленными дипломатическими кадрами, но и намерения продолжать практику привлечения иоаннитов на королевскую службу. Генрих VIII принимал персональное участие в карьере нескольких молодых иоаннитов, явно усматривая в них резерв для королевской службы [15, р. 340; 16, р. 301]. При этом Орден Святого Иоанна расценивался им как своего рода «школа» для морских командиров и послов [23, р. 166]. Прощедших подготовку на военной или дипломатической службе ордена рыцарей английского происхождения ждали бенефиции в Англии, а также королевские поручения. Так, в письме Папе Льву X король отметил, что рыцарь ордена Р. Невилл «завершил свое военное образование на Родосе» и должен получить первое вакантное командорство в Англии [16, р. 195].

По мнению Генриха VIII, перемещение аккумулярованных орденов ресурсов должно было происходить только в одном направлении — с Востока в Англию; такая установка четко прослеживается в период осады Родос турками в 1522 г. В этой трудной для иоаннитов ситуации король отказал великому магистру Ф. В. Лиль-Адаму в разрешении выслать на Родос ранее собранные на оборону средства [23, р. 168]. Вместе с тем в том же году приор Т. Доквра обеспечил короне заем в 1000 ф. ст., предназначенный на кампанию против Франции [17, р. 1049]. Ранее Т. Доквра, Т. Ньюпорт и Т. Шеффилд, а также еще два рыцаря были определены заниматься набором войск для службы в авангарде английской армии в кампании 1513 г. [9, р. 10—11; 15, р. 838, 924, 925, 1062].

Примеров привлечения иоаннитов к королевской службе много и не всегда речь идет о выполнении дипломатических миссий. Разрыв с римско-католической церковью и роспуск английского отделения ордена прервали эту практику. При Елизавете I и ее преемниках сотрудничество английской короны с Орденом Святого Иоанна оказалось невозможным. При этом орден сохранил значение «школы послов», а также военных и военно-морских командиров в католических государствах [2, р. 363—365].

В истории английской дипломатии практика привлечения иоаннитов имела важное значение на этапе формирования профессиональной дипломатической службы. Уже в XV в. ожидалось, что рыцари английского подразде-

ления ордена, прежде всего его руководители, будут выполнять службу в пользу английской короны [23, р. 117—118, 122—124]. Приоры и руководители ордена были включены в международные сети отношений с церковными и светскими властями различных стран, обладали значительным административным и военным опытом, владели иностранными языками, что позволяло королю направлять их для выполнения дипломатических поручений.

В правление королей из династии Тюдоров иоанниты продолжали играть важную роль в формирующейся дипломатической службе. Практика привлечения английских иоаннитов к дипломатическим поручениям в конце XV — первой трети XVI в. продолжала традиции Плантагенетов, Ланкастеров и Йорков. Наиболее активно к дипломатии привлекались приоры английского «языка», прежде всего Т. Доквра (приор в 1501—1527 гг.). Кроме того, в правление Генриха VIII обозначилась тенденция к сознательному использованию ресурсов Ордена Святого Иоанна в целях подготовки командиров и дипломатов для последующей службы английской короне.

В целом практика привлечения иоаннитов соответствует сложившемуся к началу XVI в. стремлению к укреплению профессионализма дипломатической службы в Англии. Английские иоанниты представляли собой один из возможных ресурсов для решения этой задачи. Однако после разрыва с римско-католической церковью и роспуска английского отделения Ордена Святого Иоанна ее следовало решать другими средствами.

Список использованных источников

1. Abela, J. Hospitaller Malta and the Mediterranean Economy in the Sixteenth Century / J. Abela. — Woodbridge: The Boydell Press, 2018. — 263 p.
2. Allen, D. F. The Order of St John as a "School for Ambassadors" in Counter-Reformation Europe / D. F. Allen // Military Orders. Vol. 2. Welfare and Warfare / ed. by H. Nicholson. — L.; N. Y.: Routledge, Taylor and Francis Group, 1998. — P. 363—379.
3. Bell, G. M. A Handlist of British Diplomatic Representatives, 1509—1688 / G. M. Bell. — L.: Offices of the Royal Historical Society, 1990. — 306 p.
4. Bindoff, S. T. House of Commons, 1509—1558. Vol. 3 / S. T. Bindoff. — L.: Secker and Warburg, 1982. — 687 p.
5. Calendar of Letters, Despatches and State Papers, Relating to the Negotiations between England and Spain, Presented in the Archives at Simancas and Elsewhere. — Vol. 1. Henry VII, 1485—1509 / ed. by G. A. Bergenroth. — L.: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1862. — 472 p.
6. Calendar of Papal Registers Relating to Great Britain and Ireland. Vol. 14. 1484—1492 / ed. by J. A. Twemlow. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1960. — 418 p.
7. Calendar of State Papers and Manuscripts, Relating to English Affairs, Existing in the Archives and Collections of Venice, and Other Libraries of Northern Italy. Vol. 1. 1202—1509 / ed. by R. Brown. — L.: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1864. — 395 p.
8. Calendar of State Papers and Manuscripts, Relating to English Affairs, Existing in the Archives and Collections of Venice, and Other Libraries of Northern Italy. Vol. 4. 1527—1533 / ed. by R. Brown. — L.: Her Majesty's Stationery Office, 1871. — 593 p.
9. Chronicle of Calais in the Reigns of Henry VII and Henry VIII, to the Year 1540 / ed. by J. G. Nichols. — L.: Camden Society, 1846. — 227 p.
10. Foedera, conventiones, literæ, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliæ et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates... T. 5.3 / ed. T. Rymer. 3^a ed. — Hagae: Apud Joannem Neaulme, 1741. — 203 p.
11. Foedera, conventiones, literæ, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliæ et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates... T. 5.4 / ed. T. Rymer. 3^a ed. — Hagae: Apud Joannem Neaulme, 1741. — 269 p.
12. Foedera, conventiones, literæ, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliæ et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates... T. 6.1 / ed. T. Rymer. 3^a ed. — Hagae: Apud Joannem Neaulme, 1741. — 218 p.
13. Giustiniani, S. Four Years at the Court of Henry VIII. Selection of Despatches. Vol. 1 / S. Giustiniani. — L.: Smith, Elder, and Co, 1854. — 327 p.
14. Letters and Papers Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII. Vol. 2 / ed. by J. Gairdner. — L.: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1863. — 425 p.

15. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547. Vol. 1. 1509–1514 / ed. by J. S. Brewer. 2nd ed. — L.: His Majesty's Stationery Office, 1920. — 1556 p.
16. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547. Vol. 2. 1515–1518 / ed. by J. S. Brewer. — L.: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1864. — 1793 p.
17. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547. Vol. 3. 1519–1523 / ed. by J. S. Brewer. — L.: Longman, Green, Reader, and Dyer, 1867. — 1776 p.
18. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547. Vol. 4.1. 1524–1526 / ed. by J. S. Brewer. — L.: Longman and Co, 1870. — 1056 p.
19. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547. Vol. 4.2. 1526–1528 / ed. by J. S. Brewer. — L.: Longman and Co, 1872. — 1198 p. (P. 1057–2254)
20. Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547. Vol. 8. January–July 1535 / ed. by J. Gairdner. — L.: Longman and Co, 1885. — 571 p.
21. Memorials of King Henry the Seventh / ed. by J. Gairdner. — L.: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1858. — 476 p.
22. Nicholson, H. J. Knights Hospitaller / H. J. Nicholson. — Woodbridge: The Boydell Press, 2001. — 180 p.
23. O'Malley, G. Knights Hospitaller of the English Langue, 1460–1565 / G. O'Malley. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 427 p.
24. O'Malley, G. The English Knights Hospitaller and the Reformation / G. O'Malley // Military Orders and the Reformation. Choices, State Building, and the Weight of Tradition. Papers of the Utrecht Conference, 30 Sept. — 2 Oct. 2004 / ed. by J. A. Mol, K. Militzer, H. J. Nicholson. — Hilversum: Verloren, 2006. — P. 79–99.
25. Palmer, J. J. N. England, France and Christendom, 1377–1399 / J. J. N. Palmer. — L.: The University of North Carolina Press, 1972. — 282 p.
26. Phillips, S. Prior of the Knights Hospitaller in Late Medieval England / S. Phillips. — Woodbridge: Boydell Press, 2009. — 210 p.
27. Reign of Henry VII from Contemporary Sources. Vol. 1. Narrative Extracts / ed. by A. F. Pollard. — L.: Longmans, Green and Co, 1913. — 332 p.
28. Rutland Papers: Original Documents Illustrative of the Courts and Times of Henry VII and Henry VIII / ed. by W. Jerdan. — L.: Camden Society, 1842. — 133 p.
29. Sarnowsky, J. Kings and Priors: The Hospitaller Priory of England in the Later Fifteenth Century / J. Sarnowsky // Mendicants, Military Orders, and Regionalism in Medieval Europe / ed. by J. Sarnowsky. — L.; N. Y.: Ashgate Publishing, 1999. — P. 83–102.
30. Statutes of the Realm. Vol. 3. — L., 1817. — 1032 p.

Статья поступила в редакцию 23 мая 2023 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РЫНКА КРЕАТИВНЫХ УСЛУГ

Юлия Петрашевская

В статье рассмотрены определения креативной экономики отечественных и зарубежных авторов. Предложено авторское определение креативной экономики и креативной услуги. Проанализированы мировые тенденции и особенности развития креативной индустрии. В результате определено, что креативные товары трансформируются в креативные услуги и после кризиса COVID-19 рынок креативных услуг продолжает развиваться. Ключевыми факторами для развития и функционирования креативной индустрии остаются государственная поддержка, законодательное регулирование и наличие дорожной карты развития креативного сектора.

Ключевые слова: креативная услуга; креативная экономика; креативный товар; COVID-19.

«Modern Trends in the World Market of Creative Services» (Yuliya Petrasheuskaya)

The article considers the definitions of creative economy of domestic and foreign authors. The author's definition of creative economy and creative service is proposed. World trends and features of the creative industry development are analysed. As a result it is determined that creative goods are transformed into creative services and after COVID-19 crisis the market of creative services continues to develop. The key factors for the development and functioning of the creative industry remain state support, legislative regulation and the availability of a roadmap for the development of the creative sector.

Keywords: COVID-19; creative economy; creative goods; creative service.

В последние годы креативные индустрии стали важным источником экономического роста и международной торговли. По оценкам Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в 2020 г. креативные товары и услуги составляли 3 и 21 % от общего объема экспорта товаров и услуг соответственно. Кроме того, креативная индустрия обеспечивает 6,2 % всех рабочих мест [13]. В 2023 г. креативная экономика достигнет глобальной оценки в 985 млрд дол. США и может составить 10 % мирового ВВП к 2030 г. [16].

Цель данной статьи — выявить тенденции мирового рынка креативных услуг, а также представить авторское определение креативной экономики и креативной услуги.

Понятие «креативная экономика» рассматривается в работах А. В. Данильченко, Е. В. Бертош, О Док Хи [1; 4], В. А. Журавлёва [2], Р. И. Присяжной [6], Дж. Хокинса [8].

А. В. Данильченко, Е. В. Бертош и О Док Хи пишут, что креативная экономика трактуется как макроэкономическая концепция, ориентированная на улучшение общенациональных показателей экономического развития (занятость, рост, благосостояние). В качестве глав-

ного источника экономического роста креативная экономика рассматривает не только технологии и знания, но и креативные идеи, содержащие оригинальные технологии и знания, реализуемые в сферах культуры [1, с. 18]. Схожее мнение имеет В. А. Журавлёв, который отмечает, что креативная экономика — это экономическая система, основными признаками которой являются: непрерывное инновационное развитие, большая роль человеческого капитала и инноваций в развитии страны; инвестиции в новые товары, услуги, технологии, в развитие человеческого капитала; большая доля наукоемкой продукции в ВВП; конкуренция на основе инноваций; специализация и кооперация в области инновационной деятельности хозяйствующих субъектов; создание комплексов производств, имеющих межотраслевой и глобальный характер; высокие наукоемкость производства и уровень профессиональной подготовки работников, защита объектов интеллектуальной собственности [2, с. 25].

По мнению О Док Хи, под креативной экономикой понимаются креативные (основанные на создании и использовании интеллектуальной

Авторы:

Петрашевская Юлия Викторовна — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: yuliya.petrashkevskaya@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Authors:

Petrashkevskaya Yuliya — post-graduate student of the Department International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: yuliya.petrashkevskaya@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

собственности) отрасли и сферы деятельности, такие как реклама, архитектура, искусство, дизайн, создание модной одежды, кинематограф, интерактивные развлекательные программы, музыка, программное обеспечение, компьютерные устройства и игры, мобильные контент, телевидение, радио и др. [4, с. 91].

Как отмечает Р. И. Присяжная, под креативной экономикой понимают деятельность, основанную на креативном потенциале человека, а именно интеллектуальном капитале, творческих навыках и талантах, которые подпадают под закон об интеллектуальной собственности [6, с. 69].

Правительство Российской Федерации утвердило свое понятие креативной экономики: «Креативная экономика – тип экономики, основанный на капитализации интеллектуальной собственности во всех областях человеческой деятельности – научной, научно-технической, культурной и в целом творческой деятельности» [3].

Концепция креативной экономики была представлена Дж. Хокинсом как синергия креативных индустрий: рекламы, архитектуры, дизайна, кино, музыки, телевидения, издательского дела и т. д. Креативный сектор подразумевает сделки с креативными продуктами, каждая сделка требует двух взаимодополняющих частей: нематериальной, касающейся интеллектуальной собственности, и материальной [8, с. 88].

Несмотря на большое количество научных работ как зарубежных, так и отечественных авторов, до сих пор нет однозначного понимания, что же такое «креативная экономика». Данное понятие часто обозначают другими терминами, такими как «креативный класс», «креативные индустрии» и «культурные индустрии». Каждый из них на самом деле имеет разное представление о взаимосвязи между творчеством и экономическим развитием, а также о важности инноваций и новых знаний.

«Креативный класс» Р. Флориды оказался самой популярной концепцией – люди зарабатывают деньги на идеях и «креативном капитале». Он выделил три фундаментальных аспекта креативной экономики: технологии, талант, толерантность (3Т). Суть этой идеи состоит в том, что регионы будут успешными в экономике за счет привлечения так называемого креативного класса, т. е. тех людей, которые используют знания и интеллектуальный капитал в своей работе, «чья функция заключается в создании значимых новых форм» [7, с. 69].

Согласно данным Департамента по делам культуры, СМИ и спорта Великобритании, креативные индустрии – это «те отрасли, которые берут свое начало в индивидуальном творчестве, навыках и талантах и которые имеют потенциал для создания богатства и рабочих мест за счет разработки и эксплуатации интеллектуальной собственности» [20, р. 16].

В развитых странах идея креативной экономики используется в основном как инструмент возрождения экономики и оживления заброшенных районов, особенно в деиндустриальных регионах, а также для инновационных стратегий. Развитые страны придерживаются трактовки понятия «креативная экономика», предложенной ЮНКТАД. Под креативной экономикой ЮНКТАД подразумевает «развивающуюся концепцию, основанную на взаимодействии человеческого творчества и идей с интеллектуальной собственностью, знаниями и технологиями» [14]. Между тем развивающиеся страны, как правило, отдают предпочтение использованию своих сравнительных преимуществ в затратах на производство продуктов культуры, а не созданию новых знаний и технологий. Таким образом, развивающимся странам ближе трактовка ЮНЕСКО, которая определяет индустрию культуры и творчества как «отрасли организованной деятельности, основной целью которых является производство или воспроизведение, продвижение, распространение и/или коммерциализация товаров, услуг и деятельности культурного, художественного или связанного с наследием характера» [21].

Сравнительный анализ многочисленных определений креативной экономики позволяет классифицировать видения этого понятия, основанные на использовании следующих признаков:

- 1) макроэкономическая концепция, направленная на повышение экономического благосостояния и жизненного уровня с помощью оригинальных идей и технологий;
- 2) экономическая система, основанная на внедрении новейших технологий, развитии человеческого капитала, конкурентоспособности за счет инноваций и др.;
- 3) совокупность видов экономической деятельности, основанной на креативном потенциале человека, создании и использовании интеллектуальной собственности в сфере услуг.

Суммируя вышеизложенное, можно предложить следующее определение креативной экономики и креативной услуги. Креативная экономика представляет собой совокупность видов деятельности, основанных на творческом потенциале человека и регулируемых правом интеллектуальной собственности. Под креативной услугой понимается вид экономической деятельности, сосредоточенной на творчестве, навыках, талантах и знаниях производителя и создающей ценность потребителей в конкретном месте и в конкретное время.

Креативная экономика стала главной движущей силой, способной к трансформации благодаря своему высокому потенциалу развития. Она представляет собой один из самых быстрорастущих секторов, и это развитие примечательно с точки зрения генерируемых доходов – доходов от экспорта/импорта, а также создания рабочих мест.

На современном этапе основной тенденцией, происходящей в креативной экономике, выступает переход от производства креативных товаров к предоставлению креативных услуг. Данная тенденция совпадает с глобальным сдвигом в международной экономике в сторону услуг по мере снижения объемов сельскохозяйственного и промышленного производства с использованием ручного труда. В постиндустриальную эпоху человеческий капитал используется для предоставления более широкого спектра услуг — от улучшенного здравоохранения до лучшего образования и разнообразного количества развлечений. Развитие услуг, в свою очередь, способствует дальнейшему повышению производительности в сельском хозяйстве и производстве — за счет услуг, как обеспечивающих производство (таких, как финансы, логистика и розничная торговля), так и встроенных в производство (таких, как исследования и разработки). Например, в настоящее время газеты, журналы, многие опубликованные продукты, которые изначально были креативными товарами, превратились в креативные услуги с расширением онлайн-медиа, вызванным цифровыми подписками и онлайн-рекламой, музеи проводят оцифровку исторических экспонатов, трансформируя их в креативно-туристическую услугу, музыкальная индустрия, которая на протяжении десятилетий сосредоточивалась на оборудовании, кассетах и компакт-дисках, перешла на цифровые загрузки и потоковую передачу в сети Интернет. В период с 2001 по 2010 г. продажи компакт-дисков упали более чем на 60 %, что привело к сокращению годового дохода на 14 млрд дол. США. За тот же период продажи цифровой музыки выросли с 0 до 4 млрд дол. США. Только с появлением и широким распространением сервисов потоковой передачи музыки положение музыкальной индустрии снова начало меняться. Согласно последнему отчету *Global Music Report*, мировые доходы от записанной музыки в 2022 г. составили 26,2 млрд дол. США, что на 9 % больше, чем в 2021 г., — 24 млрд дол. США. Восьмой год подряд наблюдается рост мировой музыкальной индустрии после почти двух десятилетий постепенного спада [24].

К сожалению, данные о мировом экспорте креативных товаров и услуг ЮНКТАД представлены до 2020 г.

Международная торговля креативными товарами и услугами приносит странам рост доходов, но экспорт креативных услуг значительно превышает экспорт креативных товаров. Мировой экспорт креативных товаров в 2020 г. составил 524 млн дол. США, а креативных услуг достиг 1,1 трлн дол. США [13, р. 48]. Следует отметить также и тот факт, что креативные услуги оказались более устойчивыми во время пандемии COVID-19, чем другие секторы услуг. На протяжении десятилетия доля

креативных услуг во всем экспорте услуг продемонстрировала впечатляющий рост с 12 % в 2010 г. до 21 % в 2020 г. [13, р. 32].

В настоящее время рынок креативных услуг очень разнообразен и многофункционален. Данный аспект дает возможность странам экспортировать креативные услуги в соответствии с одним из четырех режимов экспорта Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС): трансграничное предоставление (например, телекоммуникации, загрузка программных продуктов, оказание бухгалтерских услуг), потребление за границей (например, посещение музеев, концертов живой музыки), коммерческое присутствие за границей (например, штаб-квартиры международных рекламных компаний) и временное перемещение людей (например, архитекторы, музыканты, художники, переезжающие за границу). Креативные услуги также могут выходить на экспортный рынок в качестве дополнения к другим товарам или услугам (например, книги, продаваемые через веб-ресурсы) [25].

В отчете ЮНКТАД измерение торговли креативными услугами ведется в рамках Руководства по платежному балансу (РПБ6). Статистические данные по креативным услугам сложнее обрабатывать, поскольку в платежном балансе многих стран они дезагрегированы по категориям услуг [13, р. 47].

Международная торговля креативными товарами и услугами является регионально несбалансированной и сосредоточена в нескольких странах, таких как США, Китай, Великобритания, Ирландия, Южная Корея, Швейцария, Германия. Сегодня на эти страны приходится 68,2 % экспорта креативных товаров. В 2020 г. Китай был крупнейшим экспортером креативных товаров (169 млрд дол. США), за ним следовали США (32 млрд дол.), Италия (27 млрд дол.), Германия (26 млрд дол.) и Гонконг (Китай) (24 млрд дол.). Развитые страны экспортируют значительно больше творческих услуг, чем развивающиеся, на их долю приходилось 82,3 % всего экспорта творческих услуг в 2020 г. [13, р. 4].

Крупнейшими экспортерами креативных услуг в 2020 г. были США (206 млрд дол.), Ирландия (174 млрд дол.), Германия (75 млрд дол.), Китай (59 млрд дол.) и Великобритания (57 млрд дол.) (см. рисунок).

Главными импортерами креативной индустрии, на долю которых приходится 63 % импорта, на протяжении последнего десятилетия остаются США, Гонконг (Китай), Германия, Великобритания, Франция [13, р. 43].

В международной практике в настоящее время используют 10 основных категорий услуг (табл. 1), которые могут отражаться в платежном балансе и охватывать многие аспекты креативных индустрий [13, р. 47].

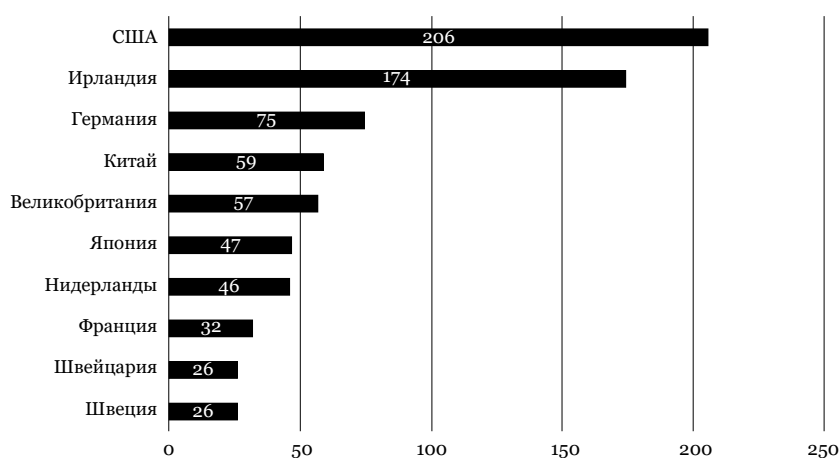
Страны, использующие систему расширенного платежного баланса (ЕВOPS), теперь могут представлять отчеты по категориям,

которые включают креативные услуги (но не исключительно) или те услуги, которые содержат значительный творческий компонент.

Важно отметить, что существуют серьезные проблемы с доступностью данных по торговле креативными товарами и услугами. Многие развивающиеся страны не представляют данные с необходимой степенью детализации. Кроме того, многие виды международной торговли креативными услугами, такими как исполнительское искусство, часто осуществляемое небольшими и неформальными субъектами, в большинстве развивающихся стран не регистрируются. Поэтому, когда страны не отчитываются по требуемым уровням подкатегорий, становится трудно их оценить.

Экспорт креативных товаров и услуг за последние несколько лет разграничили в связи с увеличением экспорта программного обеспечения и услуг в области исследований и разработок, а также оцифровки некоторых креативных товаров. Теперь программное обеспечение и услуги в области исследований и разработок, которые ранее считались креативными товарами, причисляют к креативным услугам. Мировой экспорт креативных услуг увеличился с 487 млрд дол. США в 2010 г. до 1,1 трлн дол. США в 2020 г [12].

Бесспорным лидером по производству и экспорту креативных услуг среди регионов мира являются сегодня страны Европейского союза: объем экспорта креативных услуг этих государств в 2020 г. составил 564 млрд

Десять крупнейших экспортеров креативных услуг в мире в 2020 г., млрд дол. США

Источник: [13, р. 51].

Список креативных услуг в расширенной классификации услуг в платежном балансе

Таблица 1

Наименование услуги в балансе	Перегруппировка ЮНКТАД
SH2 Лицензии на использование результатов исследований и разработки	Исследования и разработки
SH3 Лицензии на воспроизведение и/или распространение компьютерного программного обеспечения	Программное обеспечение
SH4 Лицензии на воспроизведение и/или распространение аудиовизуальной и связанной с ней продукции	Аудиовизуальная продукция
SI21 Компьютерные услуги, программное обеспечение	Программное обеспечение
SI3 Информационные услуги	Информация
SJ1 Исследования и разработки	Исследования и разработки
SJ22 Услуги по рекламе, исследованиям рынка и опросы общественного мнения	Реклама, маркетинговые исследования и архитектура
SJ311 Архитектурные услуги	Реклама, маркетинговые исследования и архитектура
SK1 Аудиовизуальные и сопутствующие услуги	Аудиовизуальные услуги
SK23 Прочие личные, культурные и рекреационные услуги, наследие	Культурные, рекреационные и культурно-исторические услуги

Источник: [13, р. 47].

дол. США, за ней следуют Азия (259 млрд дол. США) и Северная Америка (227 млрд дол. США) [13, р. 48].

В настоящее время развитые страны экспортируют значительно больше креативных услуг, чем развивающиеся. Однако следует заметить, что за последнее десятилетие разрыв между развитыми и развивающимися странами сокращается, хотя и медленно. В 2010 г. на развивающиеся страны приходилось 10,1 % мирового экспорта креативных услуг, в 2020 г. их доля достигла 17,7 % [12].

Согласно отчетности ЮНКТАД, объем мирового экспорта креативных товаров в 2019 г. (до пандемии COVID-19) составлял 548 млрд дол. США (чуть менее 3 % объема мирового товарного экспорта за год). В то же время экспорт креативных товаров увеличивался в период с 2010 по 2019 г. в среднем на 2,4 % в год, что соответствовало росту общего объема торговли товарами [12]. Данный показатель демонстрирует неоднородность развития отдельных секторов.

В 2019 г. на музыкальные инструменты, нотные издания и аудиовизуальные записи приходилось только 1 и 3 % мировой торговли соответственно. Вес аудиовизуальной продукции уменьшился как в относительном, так и в абсолютном выражении, зафиксировав среднегодовое снижение на 7 % за период 2010—2019 гг. Аналогичная тенденция, хотя и менее выраженная (–3 % в год), наблюдается для книжной продукции [17]. Такая тенденция к снижению во многом объясняется процессом цифровизации, в результате которого продажи издательских товаров учитывались как торговля издательскими услугами.

Экспорт услуг по разработке программного обеспечения и информационных систем рос очень быстро (более чем на 15 % в год), что составляет одну треть от общего объема креативного экспорта в 2019 г. Разработка программного обеспечения является доминирующим видом деятельности креативной индустрии. Креативные деловые услуги (архитектурные, рекламные и т. д.) сохранили свою относительную значимость (33 % от общего объема зарегистрированного экспорта). Относительный вес услуг в области культуры, наследия и отдыха за период с 2010 г. сократился и в 2019 г. составил всего 5 % от общего объема экспорта креативных услуг [17].

В 2020 г. после падения на 2,3 % общая глобальная выручка от индустрии развлечений и медиа выросла на 10,4 % в 2021 г., возобновив тенденцию опережения глобального роста [23].

На современном этапе развития мирового рынка креативных услуг увеличивается дисбаланс между развитыми и развивающимися странами: с одной стороны, цифровой век революционизирует рынок и демократизирует доступ как для коммерческих, так и для потре-

бительских целей, а с другой — сохраняются неравный географический баланс торговли, логистические преграды, недочеты государственной политики и недостаточный уровень развитости инфраструктуры, ограничивающие доступ к этим товарам и услугам.

В настоящее время креативный контент соединяется с цифровым миром, обеспечивая ему визуальную жизнь. Международная консалтинговая компания *PricewaterhouseCoopers (PwC)* в своем отчете в сфере развлечений и медиа за 2018—2022 гг. признает, что в экосистеме СМИ наблюдается новая волна конвергенции, связей и доверия, утверждая, что четкие границы, которые когда-то разделяли связь, технологии и телекоммуникации и секторы внутри них, растворяются. «Крупные провайдеры доступа и компании-разработчики платформ интегрируются вертикально, а известные гиганты — горизонтально. Компании, которые когда-то предлагали только технологии и распространение, переходят на контент. Различия между печатными и цифровыми, видеоиграми и спортом, беспроводным и фиксированным доступом в Интернет, платным ТВ, социальными и традиционными медиа стираются» [23].

По мере расширения возможностей цифрового подключения, особенно среди мобильных пользователей в развивающихся странах, уровень и спрос на качественный контент будут расти вместе со спросом на более креативные услуги.

В быстро меняющемся креативно-цифровом пространстве также есть возможности регулирования творческих преобразований, чтобы защитить потребителей и производителей, а также содействовать росту нового креативного спектра услуг: экранное время, оборудование, новые реальности и технологическая стратегия, интернет-реклама, будущее рынка труда, государственное регулирование.

Мультиэкранный режим или использование нескольких устройств позволяет людям одновременно смотреть контент на одном экране, комментировать в социальных сетях на другом и совершать покупки на третьем. Зрители мгновенно становятся потребителями. Это имеет значение для маркетинга и рекламы (креативная услуга), кино и телевидения, а также для индустрии по запросу и производство контента, которые стремятся создать более захватывающую развлекательную среду.

По данным международной исследовательской и консалтинговой компании *International Data Corporation*, искусственный интеллект, дополненная, виртуальная реальность и блокчейн будут играть решающую роль в формировании креативных услуг. Текущие прогнозы расходов на искусственный интеллект к 2025 г. превысят 300 млрд дол. США, что свидетельствует о прибыльном будущем [27]. Искусственный интеллект также может коренным образом изменить весь творческий процесс

создания креативных услуг, привести к новой волне компьютерно-человеческого «сотрудничества», когда компании, уже используя искусственный интеллект, создают эффективные сюжетные линии, сокращая сроки редактирования.

Однако тенденция развития искусственного интеллекта на рынке креативных услуг сталкивается с проблемами прозрачности, справедливости решений, принимаемых системами искусственного интеллекта на этапе кодирования. Использование искусственного интеллекта вызывает обеспокоенность относительно того, как он повлияет на кибербезопасность.

Следует заметить, что искусственный интеллект не самая сильная тенденция на мировом рынке креативных услуг. Развивающиеся страны, способные использовать искусственный интеллект, виртуальную реальность, могли бы инвестировать в обеспечение своих навыков для внедрения этих инноваций и создания идей и контента с применением этих технологий вместо того, чтобы рисковать стать чистыми получателями данных креативных услуг.

Интернет-реклама, а вместе с ней и вспомогательные креативные услуги из творческих отраслей будут расти в геометрической прогрессии. По мере того, как сектор рекламы и маркетинга адаптируется к цифровой эпохе, он будет поддерживать креативную экономику, одновременно позволяя творческим производителям продавать свои услуги за небольшую часть стоимости традиционной рекламы. Однако есть нюанс: рынок является глобальным, и борьба за цифровое внимание повышает конкуренцию. Таргетированная интернет-реклама будет управлять той аудиторией, которой она предназначена. Тем не менее противоречие между этой формой таргетинга и конфиденциальностью продолжит определять отрасль и в будущем. Ценность данных и понимание их также возрастут. Доходы от рекламных услуг, вероятно, будут консолидироваться с цифровыми гигантами, что означает меньший доход для традиционных СМИ и поставщиков платформ, если они не будут внедрять инновации и адаптироваться к новым тенденциям. Развивающиеся страны рискуют стать просто получателями технологических инноваций, не определять свое будущее направление и развитие самостоятельно. Однако, поскольку большинство молодых потребителей в мире живут в развивающихся странах, производителям креативных индустрий в этих странах следует сосредоточиться на удовлетворении конкретных региональных потребностей с использованием цифровых креативных технологий. В настоящее время данные производители могут использовать существующие платформы для наращивания масштабов своего уникального продукта, услуги в контексте

бизнеса с помощью онлайн-рекламы, прежде чем это пространство будет поглощено производителями креативного сектора из более развитых стран.

Рассматривая основные тенденции на рынке рекламы, следует отметить их положительную динамику. Мировой рынок медийной онлайн-рекламы в 2020 г. сократился почти на 7 %, а в 2021 г. индустрия продемонстрировала высокие темпы роста — 22,6 %, составив 32,2 % от общих доходов индустрии развлечений и медиа. Ожидается, что доход от данной индустрии будет увеличиваться, среднегодовой темп роста составит 6,6 % в 2026 г. и в результате станет рынком стоимостью 1 трлн дол. США. Рост обусловлен в основном за счет цифровых технологий. В течение прогнозируемого периода 2022—2026 гг. глобальные доходы от интернет-рекламы будут увеличиваться на впечатляющие 9,1 % в год и достигнут 723,6 млрд дол. США в 2026 г.; при этом 74 % доходов будут приходиться на мобильные устройства (только мобильная видеореклама должна достичь 138,9 млрд дол. США в 2026 г.) [23].

Экспоненциальные изменения в области искусственного интеллекта, технологических инноваций, автоматизации быстро меняют отрасли и общества по всему миру. Их внедрение способствует плану «экономии труда», тем самым повышает производительность и конкурентоспособность отраслей. В ближайшие годы цифровая трансформация продолжит изменять трудовой ландшафт, однако, вероятно, это будет происходить неравномерно в разных регионах. Перемены, по-видимому, будут настолько беспрецедентными и быстрыми, что трудно оценить их влияние, особенно на рабочую силу. В отчетах Международной организации труда и ЮНКТАД о мировых инвестициях рассматриваются возможные сценарии сокращения рабочих мест и строительства по мере того, как набирает силу цифровая трансформация. В Докладе об информационной экономике ЮНКТАД, например, описывается потенциал «облачной работы» [19]. «Платформы цифрового труда также могут предложить решение таких проблем, как несоответствие навыков, неформальная занятость, безработица среди молодежи и недостаточное использование навыков рабочей силы. Эти платформы расширяют возможности для веб-дизайнеров, программистов, оптимизаторов поисковых систем, дизайнеров, переводчиков, маркетологов, бухгалтеров и тысяч других специалистов по продаже своих услуг клиентам в зарубежных странах» [11]. Развивающиеся страны должны подготовиться к этому будущему на рынке труда, сосредоточив внимание на мягких навыках, а также на развитии сильных когнитивных, адаптивных и творческих навыков (большая часть которых передается через искусство и творческое образование). В поддержку данного аргумента усиливают-

ся призывы к переходу от науки, технологий, инженерии и математики (*STEM*) к обучению *STEAM*, которое включает обучение искусству.

Государственная политика многих развитых и развивающихся стран выделяет креативную экономику как основной драйвер роста национальной экономики. Сектор креативных индустрий внес в экономику Великобритании в 2021 г. 109 млрд ф. ст., что цифры эквивалентны 5,6 % экономики Великобритании в 2020 г. На долю креативных услуг в области информационных технологий, программного обеспечения и компьютерных услуг в 2021 г. приходилось 2,3 % экономики Великобритании. Объем производства в креативном секторе упал во время пандемии *COVID-19*, однако он пострадал меньше, чем экономика Великобритании в целом. Ежемесячная валовая добавленная стоимость в креативной отрасли снизилась на 6,6 % в период с января 2020 г. по январь 2021 г. в сравнении со снижением на 11 % экономики Великобритании в целом [22]. Швейцарию в современном мире можно назвать «силиконовой долиной робототехники». Компания *Google* официально открыла в этой стране свой инновационный центр, в котором работают около 5000 человек и который является крупнейшим центром разработки *IT*-гиганта за пределами США [18]. Отрасли дизайна, такие как высокотехнологичное производство и архитектурные услуги, хорошо развиты в Швейцарии, но появляются и другие сектора. В отношении государственной поддержки следует отметить тот факт, что с 2021 г. на территории данной страны создан Совет по искусству *Pro Helvetia*. Данный орган имеет собственный отдел, который оказывает постоянную поддержку швейцарским креативщикам в двух специализированных областях: дизайне и интерактивном медиа [10]. На немецком креативном рынке услуг, в частности в секторе аудиовизуальных СМИ, в 2021 г. общий оборот составил 14,8 млрд евро и вырос на 10,6 % [9]. В 2020 г. экспорт креативных товаров из ЮАР достиг 316,5 млн дол. США, что составляет 0,37 % стоимости сырьевого экспорта страны. К 2018 г. экспорт креативных товаров значительно увеличился, составив 448,9 млн дол. США (0,47 % от общего экспорта товаров ЮАР). Замедление экономического роста и воздействие *COVID-19* оказали негативное влияние на вклад сектора в ВВП и экспорт товаров креативного назначения. В 2018—2020 гг. торговля предметами креативного назначения заметно сократилась по сравнению с общим объемом торговли товарами как по экспорту, так и по импорту [13, р. 64]. В Мексике креативный сектор обеспечил 2,9 % ВВП, и в 2020 г. в нем было занято более 2,2 млн человек. В Азербайджане креативная отрасль обеспечила 1 % ВВП и 3,8 % общей занятости в 2018 г. В Колумбии в 2021 г. в креативной экономике работало почти 500 000 человек [12].

Приведенный анализ показывает, как цифровые, мобильные и интернет-технологии трансформируют структуры мировой экономики и создают новые бизнес-модели и рынки, которые делают сектор креативных услуг критически важным ресурсом для экономического развития во многих сферах. С точки зрения креативных индустрий дигитализация — одно из ключевых средств, с помощью которых творческий контент может стать более заметным и доступным для региональной и глобальной аудитории. Фактически цифровизация предлагает большой потенциал для выхода на традиционные и нетрадиционные рынки товаров, услуг и интеллектуальной собственности.

Следует отметить, что вклад креативной экономики в социальное и культурное развитие может быть значительным, если не будет измеряться только с точки зрения коммерческой ценности ее продуктов и услуг. Этот неэкономический аспект отмечен, например, в Конвенции ЮНЕСКО 2005 г. об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения [26].

Креативные индустрии в Республике Беларусь совсем недавно были признаны государством. Однако в стратегических документах национального уровня сектор креативных услуг и товаров не имеет отдельной позиции, так как большинство отраслевых инициатив, связанных с развитием креативного фактора, остаются в настоящее время случайными и фрагментарными. Актуальным для Республики Беларусь является разработка теоретической концепции формирования креативной экономики, которая в дальнейшем будет способствовать повышению конкурентоспособности страны на мировой арене, стимулировать развитие инноваций, которые могут содействовать инклюзивному устойчивому росту. С построением грамотной концепции креативная экономика может стать источником структурных экономических преобразований, социально-экономического прогресса, создания рабочих мест и инноваций, способствуя при этом социальной интеграции и устойчивому человеческому развитию.

Для обеспечения непрерывной и систематической работы в целях развития сектора креативных услуг в малом и среднем бизнесе правительство Республики Беларусь предпринимает активные действия для выработки целенаправленных и консолидированных действий. Творческая среда в стране в настоящее время формируется с развитием профессиональных цифровых платформ, новых творческих центров. В Минске и областных центрах благодаря росту коворкинг-пространств, хабов, антикафе и других инициатив весьма активно стали развиваться творческие экосистемы [5, с. 270].

К сожалению, данные об экспорте и импорте креативных товаров и услуг Республики Беларусь ЮНКТАД представлены до 2020 г. Для

Таблица 2

**Объемы экспорта и импорта креативных товаров и услуг в Республике Беларусь,
млн дол. США**

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт услуг	355	466	703	982	1146
Импорт услуг	158	192	230	286	296
Внешнеторговое сальдо услуг	197	274	473	696	850
Экспорт товаров	444	544	605	623	630
Импорт товаров	386	487	553	601	504
Внешнеторговое сальдо товаров	58	57	52	22	126

Источники: разработка автора на основе [15].

расчета статистики эксперты ООН используют список креативных услуг в расширенной классификации услуг в платежном балансе.

Как видно из табл. 2, несмотря на пандемию COVID-19, в Беларуси в 2020 г. значительно увеличился экспорт креативных услуг. Внешнеторговое сальдо креативных товаров и услуг имеет положительное значение, однако объемы импорта в 2016–2019 гг. практически достигают значений объема экспорта креативных товаров.

Таким образом, проанализировав современные тенденции развития рынка креативных услуг на примере развитых и развивающихся государств, следует заметить, что основными лидерами остаются такие страны, как США, Ирландия, Германия, Китай, Великобритания, Швеция. В настоящий момент можно выделить несколько направлений развития креативной индустрии в этих странах:

- 1) создание благоприятной среды для развития стартапов;
- 2) интенсивное развитие малого и среднего предпринимательства в креативной экономике;
- 3) использование новейших цифровых технологий, являющихся основой креативной экономики.

На основании этого можно выделить основные тенденции (особенности) рынка креативных услуг:

- 1) цифровизация креативного контента (блоги, видеоролики);
- 2) использование новых технологий (блокчейн, искусственный интеллект, виртуальная реальность и т. д.) при создании креативных услуг;
- 3) рост в геометрической прогрессии интернет-рекламы, а также вспомогательных креативных услуг из творческих отраслей;
- 4) изменение рынка труда — формирование новых форм занятости и новых профессий в креативной индустрии;
- 5) появление новых бизнес-моделей и рынков креативных услуг.

Следует также отметить, что важным фактором развития и функционирования креативного рынка услуг остается поддержка со стороны государства на всех уровнях, законодательное регулирование креативной индустрии в целом, наличие дорожной карты расширения данного сектора с учетом потенциальных моделей развития общества и технологий.

Список использованных источников

1. Данильченко, А. В. Креативная экономика как высшая форма развития постиндустриального общества / А. В. Данильченко, Е. В. Бертош, О Док Хи // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. Вып. 6. — Минск: БНТУ, 2017. — С. 16–25.
2. Журавлёв, В. А. Креативное общество и креативная экономика / В. А. Журавлёв // Новая экономика. — 2010. — № 2 (56). — С. 24–30.
3. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года от 20 сент. 2021 г. № 2613-р [Электронный ресурс] // Правительство России. — Режим доступа: <<http://government.ru/news/43350/>>. — Дата доступа: 13.04.2023.
4. О Док Хи. Новая концепция креативной экономики Республики Корея / Док Хи О // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 13. В 2 т. Т. 1. — Минск: Четыре четверти, 2014. — С. 91–93.
5. Петрашевская, Ю. В. Специфика рынка креативных продуктов и услуг / Ю. В. Петрашевская // Беларусь в современном мире: материалы XXI Междунар. науч. конф., посвящ. 101-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2022 г. — Минск: БГУ, 2022. — С. 265–271.
6. Присяжная, Р. И. Актуальные вопросы развития креативных индустрий в РФ и их роль в повышении конкурентоспособности регионов / Р. И. Присяжная // Изв. С-Петербург. гос. экон. ун-та. — 2020. — № 1 (121). — С. 67–72.
7. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. / Р. Флорида. — М.: Классика-XXI, 2007. — 421 с.
8. Хокинс, Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги / Дж. Хокинс. — М.: Классика-XXI, 2011. — 256 с.
9. Advertising revenue of the audio and audiovisual media on the road to recovery in Germany [Electronic resource] // VAUNET. — 19.05.2022. — Mode of access: <<https://vau.net/presse-meldungen/advertising-revenue-of-the-audio-and-audiovisual-media-on-the-road-to-recovery-in-germany>>. — Date of access: 24.03.2023.
10. Annual Report 2021 Print [Electronic resource] // Pro Helvetia. — Mode of access: <<https://prohelvetia.ch/app/uploads/2022/04/prohelvetia-annual-report-2021-en-web.pdf>>. — Date of access: 10.04.2023.

11. Changing demand for skills in digital economies and societies [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: <https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---ifp_skills/documents/publication/wcms_831372.pdf>. — Date of access: 17.04.2023.
12. Creative economy offers countries path to development [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — 07.10.2022. — Mode of access: <<https://unctad.org/news/creative-economy-offers-countries-path-development-says-new-unctad-report>>. — Date of access: 21.03.2023.
13. Creative Economy Outlook 2022. — Geneva: United Nations, 2022. — x, 146 p. [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2022d1_en.pdf>. — Date of access: 20.03.2023.
14. Creative Economy Programme [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <<https://unctad.org/topic/trade-analysis/creative-economy-programme>>. — Date of access: 26.03.2023.
15. Creative economy statistics [Electronic resource] // The United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <<https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>>. — Date of access: 02.03.2023.
16. Creative economy 2030: Inclusive and resilient creative economy for sustainable development and recovery [Electronic resource] // Global Solutions Initiative. — 18.10.2021. — Mode of access: <https://www.global-solutions-initiative.org/policy_brief/creative-economy-2030-inclusive-and-resilient-creative-economy-for-sustainable-development-and-recovery/>. — Date of access: 18.04.2023.
17. Creative Industry 4.0 towards a new globalized creative economy [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <https://unctad.org/system/files/information-document/tsce-myem2022-Creative-Economy_en.pdf>. — Date of access: 25.03.2022.
18. Google opens innovation center in Zurich [Electronic resource] // ImmoInvest Platform. — June 2022. — Mode of access: <<https://www.immo-invest.ch/en/google-opens-innovation-center-in-zurich/>>. — Date of access: 20.03.2023.
19. Information Economy Report 2017 Digitalization, Trade and Development [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <https://unctad.org/system/files/official-document/ier2017_en.pdf>. — Date of access: 18.04.2023.
20. Mapping the Creative Industries: a Toolkit: Creative and Cultural Economy series. N 2. — 61 p. [Electronic resource] // Creative Economy. — Mode of access: <https://creativeeconomy.britishcouncil.org/media/uploads/files/English_mapping_the_creative_industries_a_toolkit_2-2.pdf>. — Date of access: 12.04.2023.
21. National cultural and creative industries strategy 2020–2030 [Electronic resource] // The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. — Mode of access: <https://en.unesco.org/sites/default/files/the_national_cultural_and_creative_industries_strategy_-_moysar_2020.pdf>. — Date of access: 10.04.2023.
22. National Statistics on the Creative Industries [Electronic resource] // Policy and Evidence Centre. — 20.06.2022. — Mode of access: <<https://pec.ac.uk/news/national-statistics-on-the-creative-industries>>. — Date of access: 04.04.2023.
23. Perspectives from the Global Entertainment & Media Outlook 2018–2022: Trending now: convergence, connections and trust [Electronic resource] // PricewaterhouseCoopers. — 21.06.2023. — Mode of access: <<https://www.pwc.com/gx/en/entertainment-media/outlook/perspectives-from-the-global-entertainment-and-media-outlook-2018-2022.pdf>>. — Date of access: 10.07.2023.
24. Ritcher, F. Streaming Drives Global Music Industry Resurgence / F. Ritcher [Electronic resource] // Statista. — 24.03.2023. — Mode of access: <<https://www.statista.com/chart/4713/global-recorded-music-industry-revenues>>. — Date of access: 14.04.2023.
25. The General Agreement on Trade in Services (GATS): objectives, coverage and disciplines [Electronic resource] // World Trade Organization. — Mode of access: <https://www.wto.org/english/tratop_e/serv_e/gatsqa_e.htm>. — Date of access: 25.03.2022.
26. The 2005 Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions [Electronic resource] // The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. — Mode of access: <<https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000246264?posInSet=1&queryId=85dde93e-9ef6-402b-bc9f-452e6a399382>>. — Date of access: 15.04.2023.
27. Worldwide Spending on AI-Centric Systems Will Pass \$300 Billion by 2026 [Electronic resource] // International Data Corporation. — 12.09.2022. — Mode of access: <<https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS49670322>>. — Date of access: 10.04.2023.

Статья поступила в редакцию 13 мая 2023 г., доработана в сентябре 2023 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ТЕКСТИЛЬНОЙ И ШВЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ ЭКОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Светлана Грицевич

В статье рассмотрено современное состояние мировой текстильной и швейной промышленности, выделены основные тенденции развития мирового рынка легкой промышленности. На основании изученного зарубежного опыта некоторых развитых, развивающихся и наименее развитых стран выделены наиболее приоритетные векторы устойчивого роста текстильной и швейной индустрии, подтверждаемые реализацией ряда технологических и инновационных решений. В качестве предпосылки развития традиционных отраслей промышленности в условиях становления Индустрии 4.0 предложено исследовать переход к новым формам межорганизационных взаимодействий, в частности к формированию бизнес-экосистем. Проанализировано применение принципов экосистемного подхода для достижения устойчивого роста традиционных отраслей в странах с разным уровнем развития путем сравнительного анализа позиций в рейтингах по таким международным индексам, как индекс национального предпринимательского контекста, глобальный инновационный индекс, мировой индекс цифровой конкурентоспособности, индекс сетевой готовности. В ходе проведенного анализа подтверждено существование взаимосвязи между динамикой показателей экспорта продукции текстильной и швейной промышленности стран и выбранными международными индексами, более детальный учет параметров которых, соответствующий общим принципам концепции бизнес-экосистем, может служить основанием для дальнейшего выбора стратегии трансформации и направлений достижения устойчивого развития отрасли.

Ключевые слова: бизнес-экосистема; международные индексы; межорганизационное взаимодействие; текстильная промышленность; устойчивое развитие; швейная промышленность; экосистемный подход.

«Prospects for Sustainable Development of the Global Textile and Clothing Industry based on the Principles of the Ecosystem Approach» (Sviatlana Hrytsevich)

The article highlights the current state of the world textile and clothing industry, highlights the main trends in the development of the world market of light industry. Based on the studied foreign experience of a number of developed, developing and least developed countries, the most priority vectors of sustainable growth of the textile and clothing industry are identified, confirmed by the implementation of a number of technological and innovative solutions. It is proposed to investigate the transition to new forms of interorganisational interactions, in particular, to the formation of business ecosystems, as a prerequisite for the development of traditional industries in the context of the formation of Industry 4.0. The application of the principles of the ecosystem approach to achieve sustainable growth of traditional industries in countries with different levels of development is analysed by comparative analysis of positions in ratings on such international indices as: the national entrepreneurial context index, the global innovation index, the world digital competitiveness index, the network readiness index. The analysis confirmed the existence of a relationship between the dynamics of export indicators of the textile and clothing industries of the countries and the selected international indices, a more detailed account of the parameters of which corresponds to the general principles of the business ecosystem concept, can serve as a basis for further selection of a transformation strategy and directions for achieving sustainable development of the industry.

Keywords: business ecosystem; clothing industry; ecosystem approach; international indexes; interorganisational interaction; sustainable development; textile industry.

Автор:

Грицевич Светлана Александровна — аспирант кафедры «Бизнес-администрирование» факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства Белорусского национального технического университета, e-mail: svetlanagritsevich@gmail.com

Белорусский национальный технический университет. Адрес: 65, пр. Независимости, Минск, 220013, БЕЛАРУСЬ

Author:

Hrytsevich Sviatlana — post-graduate student of the Department «Business Administration» of the Faculty of Marketing, Management, Entrepreneurship, Belarusian National Technical University, e-mail: svetlanagritsevich@gmail.com
Belarusian National Technical University. Address: 65, Nezavisimosti ave., Minsk, 220013, BELARUS

В настоящее время текстильная и швейная промышленность являются одними из важнейших подотраслей легкой промышленности, включая в себя производство волокон, нитей, тканей, готовой одежды и других текстильных изделий. Мировая индустрия производства текстиля и швейных изделий прошла длительный путь развития, обладает большим экономическим и социальным значением в жизни обществ и государств, так как обеспечивает занятость миллионов людей, способствует развитию моды и культуры, а также удовлетворяет потребности населения в товарах повседневного спроса.

Однако в современных условиях глобализации и цифровизации легкая промышленность сталкивается с рядом вызовов и сложностей, таких как зависимость от импорта сырья, износа оборудования, снижение конкурентоспособности национальной продукции на мировом рынке, которые требуют постоянного поиска новых решений и адаптации к меняющимся потребностям мирового сообщества. Особенности нестабильной внешней среды формируют комплекс приоритетных мер в секторе производства текстильных и швейных изделий, направленных на преодоление низкой технологичности отрасли в международных масштабах, ущерба от пандемии COVID-19, обвала потребительского спроса, сбоя в импорте сырья и др.

Целью статьи является характеристика современного состояния и выявление перспектив устойчивого развития мировой текстильной и швейной промышленности, а также их практическое обоснование на основе принципов экосистемного подхода.

Существенный вклад в рассмотрение вопросов развития мировой текстильной и швейной отрасли с представлением аналитических данных внесли исследовательские и консалтинговые организации *Mordor Intelligence* [23], *Observatory of Economic Complexity* [24], *Boston Consulting Group* [26]. В русскоязычном контексте стран исследование отрасли нашло отражение в трудах многих ученых. Так, например, В. В. Радаев описал текущее состояние отрасли легкой промышленности в России, а также «глобальные тренды в развитии легкой промышленности и место России в этих трендах» [8]. Р. С. Ибрагимова и Д. С. Головкин сделали акцент на приоритетах развития отрасли с учетом вызовов и угроз мирового рынка [4]. Среди отечественных ученых проблемы и перспективы отрасли легкой промышленности затрагивали Т. В. Сергеевич и С. Ю. Солодовников, обозначившие основные задачи развития текстильной и швейной промышленности [7]. С. М. Воронин и А. В. Ручанов обратили внимание на особенности развития отрасли в условиях импортозамещения [3].

Поиск новых форм организации взаимодействия в текстильном и швейном секторе в условиях развития Индустрии 4.0 в научных

работах осуществляли различные исследователи. Так, Т.-Х. Чанг с коллегами представили текстильный кейс с реализацией модели информационной системы для совместной работы предприятий отрасли [10]. М. Горейши и А. Хаппонен описали эффективность использования технологий Индустрии 4.0 и цифровых инноваций на примере легкой промышленности [14]. Дж. Хилеман с коллегами исследовали сотрудничество множества организаций швейной индустрии для решения проблем социально-экономической устойчивости [18]. Ю. В. Милшина, Д. А. Павлова, К. О. Вишневский выделили методику прогнозирования будущего развития текстильной и швейной отрасли, обладающей большим потенциалом технических инноваций в условиях неопределенности [19].

В настоящее время все больше внимания уделяется применению таких новых форм ведения бизнеса, как экосистемы. Ряд ученых, таких как Г. Б. Клейнер [5], Р. Аднер [11], Дж. Ф. Мур [20] и др., в своих работах выделили концепцию бизнес-экосистем, позволяющую анализировать и управлять сетевыми взаимодействиями участников экономических систем. Важно отметить, что данная концепция не только активно применяется для анализа высокотехнологичных отраслей, но и оценивает возможности внедрения новых моделей взаимодействия в традиционных отраслях. Например, в статье [1] обосновывается применение концепции бизнес-экосистем как «...решение проблемы эффективных форм сотрудничества» в текстильной промышленности. Отечественные ученые фокус внимания в развитии межфирменных взаимодействий в большей степени сосредоточили на создании кластерных структур в легкой промышленности. Так, Ю. Г. Вайлунова и Г. А. Яшева описали методику оценки уровня и перспектив развития интеграционных связей организации на примере текстильных и швейных предприятий Республики Беларусь [2].

Согласно аналитическим данным исследовательской и консалтинговой организации *Mordor Intelligence* [23], сотрудничающей более чем с 4000 предприятиями в 20 отраслях промышленности, объем мирового рынка текстильной промышленности, включая производство и реализацию пряжи, тканей и готовой одежды, на начало 2023 г. составил 722,57 млрд дол. США, превысив показатели 2021 г. на 3,52 %. Самым быстрорастущим рынком текстильной промышленности по итогам 2022 г. признан регион Северной Америки, а самым крупным по объемам — Азиатско-Тихоокеанский регион.

По мнению экспертов-исследователей [23], текстильная промышленность — это постоянно растущий рынок, ключевыми конкурентами на котором являются Китай, страны Европейского союза (ЕС), США и Индия.

Так, Китай является ведущим мировым производителем и экспортером текстиля и готовой одежды. США занимают ведущую позицию в производстве и экспорте текстильного сырья (хлопка-сырца), а также остаются крупнейшим импортером текстильного сырья и одежды. Текстильная промышленность ЕС представлена в основном такими странами, как Германия, Испания, Франция, Италия, которые занимают более $\frac{1}{5}$ объема производства мировой текстильной промышленности. Индия — третья страна в мире по величине отрасли легкой промышленности, на долю которой приходится более 6 % общего объема текстильного производства [23].

В соответствии со статистическими данными Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), опубликованными в Международном ежегоднике промышленной статистики за 2022 г. [25], в табл. 1 представлена динамика структуры мирового производства в текстильной и швейной промышленности за 2000 и 2020 гг. с указанием доли сектора в общей добавленной стоимости.

Согласно представленным в табл. 1 данным, за период 2000—2020 гг. произошло изменение экономических позиций некоторых стран по доле в добавленной стоимости сектора производства текстильных и швейных изделий. За рассматриваемый период мировая эконо-

мика подвергалась ряду кризисных явлений, которые приводили к изменению спроса на продукцию легкой промышленности, сокращению ее экспорта и показателей мировой торговли, что, как следствие, отразилось на динамике рынка текстиля и готовой одежды. Однако следует отметить прочную позицию и нарастание положительной динамики в производстве продукции легкой промышленности Китая, который стал ведущим на рынке текстильной промышленности.

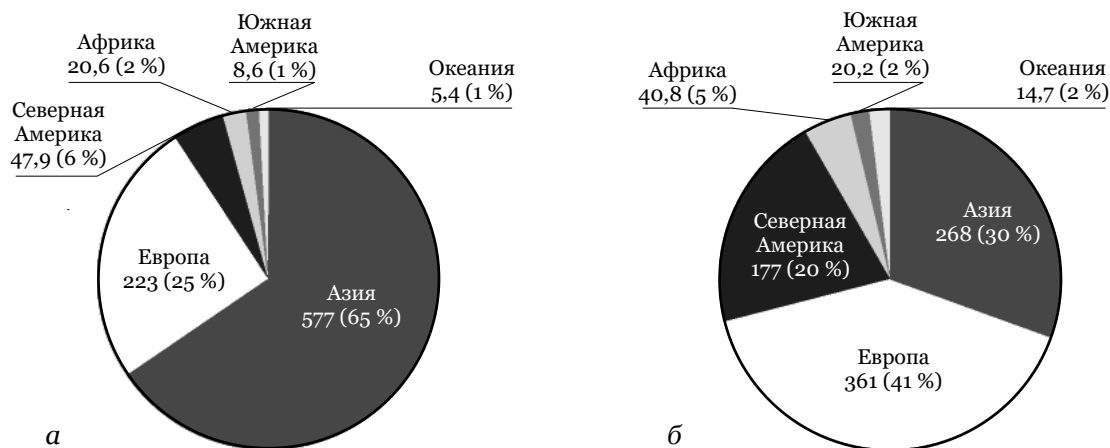
По данным *Observatory of Economic Complexity* — онлайн-платформы визуализации и распространения данных, ориентированной на географию и динамику экономической деятельности, торговля текстилем в 2021 г. составила 4,19 % (7-е место) от общего объема мировой торговли. В период с 2021 по 2022 г. экспорт текстильных изделий (в том числе готовой одежды) вырос на 13,2 % (по общему обороту от 779 до 882 млрд дол. США) [24].

Продукция текстильной и швейной промышленности является важным элементом мировой экономики, ее экспорт и импорт оказывают значительное влияние на экономическое развитие многих стран и уровень жизни их населения. Объемы мирового экспорта и импорта продукции текстильной промышленности (в том числе готовой одежды) по макро-

Таблица 1
Ведущие мировые производители сектора текстильной и швейной индустрии

Страна	Доля от общей добавленной стоимости текстильной индустрии, %		Страна	Доля от общей добавленной стоимости швейной индустрии, %	
	2000	2020		2000	2020
Китай	17,1	50,7	Китай	13,5	51,2
США	18,5	5,1	Бангладеш	1,3	7,0
Турция	4,2	5,1	Турция	2,4	4,4
Индия	4,6	4,1	Индия	2,3	3,2
Индонезия	2,1	3,1	Индонезия	1,6	2,9

Источники: разработка автора на основе [25, р. 47–49].

Доля и объем мирового экспорта (а) и импорта (б) в 2021 г. по макрорегионам, млрд дол. США

Источники: разработка автора по [24].

регионам по итогам 2021 г. приведены на рисунке. В 2021 г. крупнейшими экспортерами текстиля стали Китай (286 млрд дол. США), Бангладеш (46,2 млрд дол. США), Вьетнам (43,7 млрд дол. США), Индия (41,4 млрд дол. США) и Германия (40,4 млрд дол. США). К числу крупнейших импортеров текстиля были отнесены США (121 млрд дол. США), Германия (66,7 млрд дол. США), Япония (33,7 млрд дол. США), Франция (33 млрд дол. США) и Великобритания (31,3 млрд дол. США) [24].

Важно указать, что мировая динамика экспорта и импорта текстиля отражает изменения спроса и предложения на мировом рынке, а также прогресс в области технологий и инноваций. По нашему мнению, оценка мировой торговли текстильной и швейной продукции с позиции выделенных стран по уровню развития (согласно классификации стран на основе методологии ООН [27]) позволяет обратить внимание на поиск приоритетных направлений функционирования предприятий в ряде стран — лидеров в отрасли легкой промышленности, адаптирующихся к изменяющимся условиям и глобальной экономической неопределенности, а также стремящихся к улучшению своих экономических позиций.

Динамика экономических показателей за 2017—2021 гг. (табл. 2) отражает активность производителей, среди которых целесообразно выделить некоторые группы стран:

1) у представителей группы развитых стран (США, Германия, Великобритания) отмечается рост показателей экспорта и импорта, несмотря на незначительное падение результатов в 2020 г. Превышение показателей импорта по данной группе стран связано с реэкспортом. Представленные государства не только продают импортную продукцию в своей стране, но и распространяют ее по всему континенту.

США и Германия продолжают сохранять лидирующие позиции в мировой отрасли текстиля и готовой одежды путем внедрения новых технологий, в том числе цифровых, повышения производительности и разработки инновационных решений на стадии как проектирования тканей, так и создания швейных изделий. Производя широкий спектр текстильной продукции, такой как высокотехнологичная синтетическая пряжа, промышленные фильтры и специальная одежда, представители группы развитых стран занимают доминирующие позиции на мировом рынке, демонстрируя высокий уровень конкурентоспособности и заинтересованность в поддержании развития отрасли [24];

2) представители группы развивающихся стран (ОАЭ, Китай, Индия) демонстрируют рост экспорта на фоне увеличивающегося потребления внутри стран. Стремительная индустриализация и развитие технологий в Китае помогают создавать в текстильной промышленности высокотехнологичное оборудование, способное производить ткани с высокой эффективностью. Повышение внедрения технологических компонентов, а также формирование рынка электронной коммерции стимулируют рост показателей производства в данной стране. Поддержка и развитие текстильного и швейного производства в Индии направлены на рост доходов и занятости в секторе легкой промышленности, увеличение налоговых поступлений в бюджет, в том числе для укрепления экономической безопасности страны. ОАЭ занимают прочные позиции в развитии текстильной промышленности благодаря поддержке государственных инициатив в области развития инфраструктуры отрасли и существующих налоговых льгот, которые стимулируют активный интерес ин-

Таблица 2

**Мировой экспорт и импорт текстильной продукции
(в том числе готовых изделий), млрд дол. США**

Страна	Экспорт					Импорт				
	2017	2018	2019	2020	2021	2017	2018	2019	2020	2021
Развитые страны										
США	25,2	25,9	25,4	22,2	24,6	115,0	120,0	135,0	120,0	121,0
Германия	34,4	37,1	36,4	35,9	40,4	56,8	61,1	59,6	63,2	66,7
Великобритания	11,6	12,1	11,8	10,1	8,19	35,1	34,8	34,1	35,4	31,3
Развивающиеся страны										
ОАЭ	3,69	3,68	3,85	3,14	4,46	11,7	9,38	9,54	7,95	10,9
Китай	252	262	255	280	286	27,1	28,9	28,2	25,6	29,9
Индия	38	38	36,4	29,6	41,4	8,02	8,42	9,35	6,5	9,71
Страны с переходной экономикой										
Россия	0,99	0,98	1,11	1,19	1,44	13,6	14,4	14	13,2	15,1
Беларусь	1,22	1,33	1,32	1,18	1,5	1,15	1,3	1,45	1,45	1,71
Казахстан	0,26	0,22	0,21	0,17	0,22	2,89	2,84	3,3	3,72	4,76
Наименее развитые страны										
Бангладеш	36,6	40,9	42,5	37,3	46,2	11,6	13,7	12,8	10,8	17,5

Источники: разработка автора на основе [24].

весторов к развитию технического текстиля и производству инновационной текстильной продукции;

3) у представителей группы стран с переходной экономикой (Россия, Беларусь, Казахстан) отмечаются низкие показатели в мировом экспорте в связи с недостаточным развитием внутреннего рынка текстильной и швейной продукции, а также невысоким спросом на нее со стороны населения и предприятий. Превышение импортируемой продукции легкой промышленности, с одной стороны, связано с высокой зависимостью от импортных поставок сырья, оборудования и технологий для текстильной и швейной отрасли, а с другой — с недобросовестной конкуренцией стран с более дешевой продукцией [8, с. 173];

4) представители группы наименее развитых стран (Бангладеш) являются регионами, исторически ориентированными на экспорт текстиля и швейной продукции, так как экспортные поступления обеспечивают прямую занятость миллионам работников. Большую часть экспорта составляют изделия из хлопка, относящиеся к низкому и среднерыночному ценовым сегментам, конкурентоспособность которых в значительной степени основана на низкой стоимости рабочей силы. Однако в настоящее время Бангладеш добивается постепенного прогресса в диверсификации и совершенствовании ассортимента своей продукции за счет увеличения мощностей по производству одежды из синтетических волокон и более сложных изделий [23].

По прогнозам экспертов *Mordor Intelligence*, объем мирового рынка текстильной промышленности, включая производство и реализацию пряжи, тканей и готовой одежды, в 2028 г. может превысить 850 млрд дол. США [23].

Для достижения высоких прогнозных показателей в мировой отрасли, которая по-прежнему относится к группе низкотехнологичных производств, по нашему мнению, необходимо сосредоточить усилия государств и бизнеса на современных тенденциях развития текстильной и швейной отрасли, таких как:

- растущий спрос на натуральные волокна, активно используемые в производстве одежды, конструкционных, медицинских перевязочных материалов и интерьеров автомобилей;

- смещение акцента в сторону нетканых материалов (технического текстиля), спрос на которые постепенно растет в мировой автомобильной, транспортной и строительной индустрии;

- разработка и внедрение в производство «умного» текстиля и «умного интерактивного» текстиля, представляющих собой текстиль, который может воспринимать условия окружающей среды или раздражители от механических, тепловых, магнитных, химических,

электрических или других источников и реагировать на них (в данном продукте заинтересованы такие индустрии, как телемедицина, спорт, военно-космическая сфера, энергетика, сфера безопасности, индустрия моды и др.);

- применение технологий дополненной виртуальной реальности, аддитивных технологий и цифровой печати для индустрии моды, позволяющих создавать высококачественные изображения на различных материалах, тем самым способствуя разработке уникального дизайна для швейных изделий и повышению экологичности производственных процессов;

- расширение рынков сбыта и увеличение доходов продавцов текстиля и готовой одежды благодаря развитию платформ электронной коммерции, позволяющих существенно снизить издержки на логистику, обслуживание клиентов, повысить скорость и качество их обслуживания;

- переход к экономике замкнутого цикла в легкой промышленности в рамках реализации Целей устойчивого развития ООН, предполагающей полное или частичное использование отходов производства в качестве сырья для новых изделий. Такой подход призван содействовать снижению экологического воздействия, уменьшению зависимости от импорта, повышению конкурентоспособности и созданию новых рабочих мест.

Для успешного развития текстильной и швейной промышленности, в большей мере в развивающихся и наименее развитых странах, в настоящее время необходим поиск новых подходов к трансформации существующих моделей бизнеса с учетом вышеуказанных приоритетных направлений.

По мнению экспертов *Boston Consulting Group* [26], мировая концепция устойчивого развития играет важную роль в продвижении конкурентных преимуществ предприятий и создании ценностей. Поддержание устойчивого роста и развития сектора текстиля и готовой одежды в современных условиях ведения хозяйственной деятельности, по нашему мнению, предполагает переход к жизнеспособным бизнес-моделям, позволяющим в краткосрочной и долгосрочной перспективе создавать ценности совместно, а не отдельными усилиями, т. е. обращаться к формам сетевого межфирменного взаимодействия, развитие которых стимулирует все более широкое распространение использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

В современном мире устойчивое развитие текстильной и швейной промышленности, по нашему мнению, целесообразно основывать на принципах экосистемного подхода, выделенных из ключевых аспектов концепции бизнес-экосистем (БЭС), ставшей актуальной в конце 1990-х гг. По мнению Дж. Ф. Мура, БЭС — это «...экономическое сообщество, в котором совместно развиваются различные взаимо-

связанные заинтересованные стороны» [20, р. 32], которые со становлением теорий сетей и платформ приобретают форму сетевых сообществ заинтересованных сторон, стремящихся к совместному созданию стоимости на основе открытого использования инновационных решений.

Исходя из изученных литературных источников, описывающих формирование отношений между экономическими системами в условиях неопределенности, по нашему мнению, БЭС представляет собой одну из актуальных сетевых форм организации межфирменного взаимодействия заинтересованных сторон, нацеленного на создание совокупного ценностного предложения с использованием значимых для каждого из участников экосистемы ресурсов (сырьевых, технологических, информационных), путем разработки инновационных продуктов и услуг в целях получения сетевых эффектов.

Качественную оценку потенциала предприятий и отраслей промышленности для формирования новой формы организации межфирменных отношений, по нашему мнению, следует производить на основе экосистемного подхода. По мнению И. П. Челака, «...экосистемный подход позволяет в единстве рассматривать внешнюю и внутреннюю среду предприятия, представлять поле межфирменных, межорганизационных взаимодействий шире, чем в стратегическом управлении...» [9, л. 198]. Экосистемный подход не допускает изучение предприятия или отрасли как изолированной единицы, а является комплексной стратегией, оценивающей возможности участия экономических субъектов в сложной сети взаимодействия с другими организациями, отраслями, общественными и государственными институтами, выступающими в роли поставщиков, посредников или клиентов.

Экосистемный подход в бизнесе, по нашему мнению, — это комплексный подход, позволяющий формировать экосистемную стратегию, направленную на расширение использования открытых инноваций и достижений Индустрии 4.0, интеграцию ценностных предложений в интенсивно взаимодействующей среде участников в целях увеличения их индивидуальных выгод и достижения общих целей.

Обобщив мнения и выводы ряда исследователей о целях, причинах и условиях формирования таких структур, как экосистемы в бизнесе, среди наиболее общих принципов экосистемного подхода, позволяющих систематизировать широкий спектр ключевых характеристик БЭС, выделим принципы: самоорганизации; взаимодополняемости; активной адаптации; единства общих и индивидуальных целей; многомерности; модульности; координации; инновационной сложности; совместного развития (коэволюции); конкурентного

сотрудничества (коопетиции); совместного создания ценностного предложения; справедливого распределения совместно созданных ценностей.

Перечисленные принципы экосистемного подхода, по нашему мнению, направлены на обеспечение устойчивого роста участников межорганизационных взаимодействий в динамике по четырем векторам:

1) *инновативности* (действия в направлении сохранения способности к инновациям, приверженности теории открытых инноваций для доступа к знаниям и ресурсам партнеров);

2) *сетизации* (создание сетевой структуры взаимодействия, появление сетевых эффектов, оказывающих влияние на масштаб увеличения ценности общего предложения участников экосистемы);

3) *цифровизации* (действия в направлении развития информационно-коммуникационной инфраструктуры, оперативного и защищенного доступа к данным, автоматизации и цифровизации бизнес-процессов);

4) *сервисизации* (действия в направлении проектирования новых интегрированных ценностных предложений, направленные не только на продукт, но и на услугу).

Наличие зарубежного опыта реализации технологических и инновационных решений в секторах текстильной и швейной промышленности (табл. 3), отвечающих направлениям Индустрии 4.0, демонстрирует существующие предпосылки выбора экосистемного подхода к трансформации действующих бизнес-моделей и стратегий.

Таким образом, в представленном международном опыте организаций текстильной и швейной промышленности можно наблюдать наличие признаков, соответствующих названным векторам устойчивого роста в новых формах и моделях межорганизационных взаимодействий.

Для исследования в национальном контексте степени готовности к формированию БЭС, являющихся, на наш взгляд, источником укрепления сетевого межорганизационного сотрудничества в целях поддержания устойчивого роста традиционных отраслей промышленности, к числу которых принадлежит текстильная и швейная, целесообразно прибегнуть к сравнительной характеристике позиций стран по ряду международных индексов, рассчитываемых ежегодно, набор параметров которых дает представление о степени открытости и адаптивности к меняющимся условиям внешней среды, цифровой зрелости, инновационной сложности и сервисной активности в производстве, составляющих основу общих принципов экосистемного подхода.

Для оценки возможностей участия заинтересованных сторон в БЭС необходимо рассмотреть представленные комплексные показатели (табл. 4). Благодаря выбранным

международным индексам имеется возможность не только произвести оценку места каждой из выделенных категорий стран в мировых процессах инновационной активности, цифровой трансформации и построения сетевой экономики, но и выявить основные драйверы внутри государств, что, в свою очередь, может послужить основой построения методики определения экосистемного потенциала организаций, отраслей и окружающей их внешней среды.

В табл. 5 представлены позиции выбранных для сравнения групп стран в рейтинге международных показателей. По рейтингу *NECI* на первый план выходит группа развивающихся стран, где ОАЭ занимают позицию лидера в легкости создания и развития бизнеса в 2022 г. В рассматриваемых развивающихся странах существует меньшее количество сдерживающих факторов для развития предпринимательских экосистем. Так, ОАЭ отличаются большей финансовой поддержкой бизнеса в секторе бизнес-услуг, привлечением технологических компаний при помощи налоговых и инвестиционных льгот, стимулирующей политикой в области предпринимательских инициатив. Китай укрепляет институциональную среду предпринимательства в стране, а также продвигает стратегию массового предпринимательства и инноваций, особенно по улучшению бизнес-среды, а в Индии, в свою очередь, уделяется внимание улучшению условий открытия бизнеса в новых или растущих секторах, связанных с ИКТ, путем снижения барьеров для входа на рынок.

Группа развитых стран (на примере США, Германии, Великобритании) отличается ростом бизнеса в сфере финансового и человеческого капитала, укрепления технологического сектора, поддержкой новых деловых сфер с использованием цифровых технологий. Однако рост рейтинговых позиций сдерживается, на-

пример, в США растущими тарифами и сложностями в торговой политике, в Германии — высоким бременем налогового регулирования и отсутствием предпринимательской культуры, в Великобритании — выходом из ЕС, что оказало главное сдерживающее воздействие на развитие предпринимательских инициатив.

В группе стран с переходной экономикой на позиции по рейтингу *NECI* оказывает влияние невысокий темп роста уже существующей предпринимательской активности на фоне изменений в налоговом и финансовом законодательстве. Однако в ходе исследования отмечены рост стимулирования самозанятости, льготный доступ к производственным мощностям для создания и разработки новых производственных и инновационных продуктов, существующие высокие позиции по показателю эффективности раннего предпринимательства, что отражается на улучшении технологического уровня бизнеса, его росте и экспортной ориентированности.

В мировом рейтинге инновационного развития *GII* лидирующие позиции отведены группе развитых стран, демонстрирующих устойчивость отраслей, которые используют прорывные инновационные технологии. Экономики развивающихся стран, таких как Китай и Индия, которые в течение последних лет последовательно продвигаются вверх по рейтингу *GII*, имеют динамичные инновационные экосистемы и подтверждают эффективность вклада в инновации сбалансированными и устойчивыми показателями по всем ключевым компонентам. Траектории роста в рейтинге ОАЭ обусловлены преимущественно инновационной деятельностью и созданием новых продуктов. Некоторые развивающиеся страны и страны с переходной экономикой в рамках оценки рейтинга *GII*, несмотря на наличие инновационных результатов, испытывают трудности в достижении баланса между

Таблица 3

Примеры зарубежного опыта реализации технологических и инновационных решений в секторах текстильной и швейной промышленности

Проект, страна	Описание
<i>Circular Apparel Innovation Factory (CAIF)</i> , Индия	Платформенная модель совместной деятельности <i>CAIF</i> , которая создает экосистему инновационного сотрудничества, необходимую для перехода к экономике замкнутого цикла в индустрии текстиля и готовой одежды
<i>H2o2o-Resyntex</i> , ЕС	Стратегическое проектирование всей цепочки создания стоимости от сбора текстильных отходов до нового товарного сырья для химической и текстильной промышленности, с помощью которого оцениваются возможности партнерства заинтересованных сторон с точки зрения их социальных, технических, экономических, экологических и законодательных аспектов
<i>VECHAIN</i> , Китай	Цифровая блокчейн-платформа в индустрии моды, предлагающая блокчейн как услугу текстильным предприятиям, направленную на уменьшение негативных последствий, связанных с рынком поддельных швейных изделий
<i>Resortec</i> , Бельгия	Модель, описывающая взаимодействие заинтересованных сторон в создании прорывных инновационных решений в области сокращения отходов текстиля при объединении промышленного дизайна, и химических технологий, позволяющих создавать терморастворимые нити для сшивания одежды

Источники: разработка автора на основе [24].

Таблица 4
Международные индексы для проведения сравнительной оценки готовности стран к формированию БЭС

Наименование индекса (диапазон значений)	Краткая характеристика	Ключевые компоненты оценки	Соответствие принципам экосистемного подхода в рамках концепции БЭС
Индекс национального предпринимательского контекста (<i>National Entrepreneurship Context Index, NECI</i>) (от 0 до 10)	Единый показатель, который отражает качество предпринимательской среды отдельных экономик в рамках Глобального мониторинга предпринимательства (<i>Global Entrepreneurship Monitor, GEM</i>) и позволяет оценить условия развития предпринимательской деятельности в стране по легкости создания, ведения и развития бизнеса	Финансирование предпринимательства и его доступность; государственная политика: поддержка и релевантность, налоговая политика; предпринимательское образование в школе, после школы; трансфер и внедрение результатов НИОКР; коммерческая, профессиональная и физическая инфраструктура; простота входа на рынок: динамика рынка, ограничения и регулирование; социальные и культурные нормы	Принципы самоорганизации, активной адаптации, единства общих и индивидуальных целей, совместного создания ценностного предложения, справедливого распределения совместно созданных ценностей
Глобальный инновационный индекс (<i>Global Innovation Index, GIИ</i>) (от 0 до 100)	Показатель, который ранжирует мировые экономики в соответствии с их инновационными возможностями, состоит из показателей, сгруппированных по ресурсам и результатам в области инноваций, призван охватить многосторонние аспекты развития инновационной деятельности внутри стран с разными моделями технологического развития	Ресурсы инноваций (институты, человеческий капитал и наука, инфраструктура, уровень развития рынка и бизнеса); результаты инноваций (развитие технологий и экономики знаний, результаты креативной деятельности)	Принципы инновационной сложности, совместного развития (коэволюции), совместного создания ценностного предложения
Мировой индекс цифровой конкурентоспособности (<i>IMD World Digital Competitiveness Index, WDCI</i>) (от 0 до 100)	Показатель, который оценивает потенциал и готовность стран внедрять и исследовать цифровые технологии как ключевой фактор экономических преобразований в бизнесе, правительстве и обществе в целом, позволяет сделать выводы о том, как адаптируется и насколько эффективно использует процессы цифровой трансформации бизнес в странах	Знания (качество человеческого капитала, имеющегося в стране, а также уровень инвестиций в образование и научные исследования); технологий (регулирование стимулирования инноваций в частном секторе, доступность капитала для инвестиций, качество технологической инфраструктуры); готовность к будущему развитию (степень передачи знаний, использования аналитики больших данных, уровень развития электронной коммерции, цифровая интеграция бизнеса, кибербезопасность)	Принципы многомерности, модульности, инновационной сложности, конкурентного сотрудничества (коопетиции), совместного создания ценностного предложения
Индекс сетевой готовности (<i>Networked Readiness Index, NRI</i>) (от 0 до 100)	Комплексный показатель, который характеризует уровень развития ИКТ и сетевой экономики в странах мира, указывает на способность отдельных экономик максимизировать социальные и экономические эффекты цифровой трансформации, оценивать уровень участия страны в глобальном непрерывном услугом участия страны в глобальной экономике, выявлять, насколько продуктивные организации в стране используют технологические ресурсы для участия в сетевой экономике	Среда для развития ИКТ (законы, регулирующие ИКТ, доступность венчурного капитала); готовность общества к использованию ИКТ (количество пользователей сети Интернет, проникновение мобильных сетей); системы управления (использование ИКТ бизнесом и государственными институтами, продвижение ИКТ); влияние (воздействие ИКТ на создание новых сервисов и продуктов)	Принципы взаимодополняемости, координации, модульности, совместного создания ценностного предложения

Источники: разработка автора на основе [13, р. 22–24; 15, р. 21–22; 17, р. 31; 21, р. 28–29].

Международные экономические отношения

Рейтинги стран — лидеров в развитии текстильной и швейной индустрии по wybranым международным индексам

Страна	NECI (позиции из 54 стран)				GII (позиции из 128 стран)				WDCI (позиции из 63 стран)				NRI (позиции из 131 страны)			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Развитые страны																
США	10	12↓	11↑	15↓	3	3	3	2↑	1	1	1	2↓	8	8	4↑	1↑
Германия	16	16	14↑	17↓	9	9	9	8↑	17	18↓	18↓	19↓	9	9	8↑	8
Великобритания	21	15↑	19↓	25↓	5	4↑	4	4	15	13↑	14↓	16↓	10	10	10	12↓
Развивающиеся страны																
ОАЭ	5	4↑	1↑	1↑	36	34↑	33↑	31↑	12	14↓	10↑	13↓	29	30↓	34↓	28↑
Китай	4	—	—	11↓	14	14	12↑	11↑	22	16↑	15↑	17↓	41	40↑	29↑	23↑
Индия	—	5	16↓	4↑	51	47↑	46↑	40↑	44	48↓	46↑	44↑	79	88↓	67↑	61↑
Страны с переходной экономикой																
Россия	41	38	39↓	—	46	48↓	45↑	47↓	38	43↓	42↑	—	48	48	43↑	40↑
Беларусь	34	—	48↓	—	72	64↑	62↑	77↓	—	—	—	—	61	65↓	—	—
Казахстан	—	26	21↑	—	79	77↑	79↓	83↓	35	36↓	32↑	36↓	60	56↑	61↓	58↑
Наименее развитые страны																
Бангладеш	—	—	—	—	116	115↑	116↓	102↑	—	—	—	—	—	105↓	95↑	88↑

Источники: разработка автора на основе [13, р. 92–191; 15, р. 50–51; 17, р. 36; 21, р. 32–34].
Примечания: ↑ — улучшение позиции в рейтинге; ↓ — ухудшение позиции в рейтинге; — отсутствие официальных данных за анализируемый период.

уровнем инвестиций и уровнем результатов инновационной деятельности, что наносит ущерб их общим инновационным показателям и рейтингу *GII*. Для таких экономик характерны более низкие показатели по результатам инноваций в сравнении с их вкладом в разработки. Лишь небольшому количеству переходных экономик удалось преодолеть отставание в области инноваций, дополнив успешные внутренние инновации передачей технологий из других стран. Для стабилизации ситуации странам с переходной экономикой необходимо двигаться в направлении формирования сбалансированных и эффективных инновационных экосистем.

Ситуация в наименее развитых странах подтверждает сохранение регионального разрыва в области инноваций, такие страны удерживаются в первой сотне рейтинга и постепенно работают над улучшением своих показателей с течением времени.

Мировой рейтинг в цифровой конкуренции, выраженный *WDCI*, показывает, насколько эффективно экономики стран осваивают цифровые технологии. Согласно данным табл. 5, наиболее высокий уровень цифровой трансформации, отражающий качество человеческого капитала, доступность инвестиционного капитала в образовании и развитая технологическая инфраструктура отмечаются в США. Стоит отметить, что Китай и ОАЭ не уступают свои позиции в цифровой конкурентной борьбе таким развитым странам, как Германия и Великобритания. Невысокие позиции в рейтинге стран с переходной экономикой указывают на недостаточную активность, с которой правительства, бизнес и общество в целом внедряют цифровые технологии. Направлениями развития данных экономик в рейтинге *WDCI* являются активная работа по распространению розничной торговли через сеть Интернет (электронная коммерция), использованию промышленных роботов и цифровых инструментов анализа данных, внедрению электронных государственных услуг. Следует отметить, что создание цифровых экосистем в странах, независимо от уровня их экономического развития, позволяет стимулировать переход к новым условиям роста путем взаимодействия бизнеса и цифровых центров (хабов), сочетать цифровые таланты, цифровое регулирование, управление большими данными и доступность капитала.

В настоящее время США занимают ведущую позицию в рейтинге *NRI* в области технологий будущего и построения сетевой экономики. Стремление национальных экономик развитых стран к прорывам благодаря использованию технологий Индустрии 4.0 меняет направление использования экономического и общественного потенциала в сторону совместного применения открытых инноваций и извлечения равной выгоды.

Рейтинговые позиции развивающихся стран и стран с переходной экономикой свидетельствуют о расширении проникновения сети Интернет и развитии экономики платформ. Инвестирование в технологии и их использование ускоряют переход к «экономике совместного использования» с акцентом на сложные сетевые модели управления.

Страны с наименее развитой экономикой в динамике представленного рейтинга *NRI* также заинтересованы в деятельности по смене технологического ландшафта, позволяющего с течением времени в полной мере использовать ИКТ для устойчивого роста.

Совокупность представленных международных индексов предопределяет потенциал развития предпринимательских, инновационных, технологических (цифровых) экосистем, которые в своем функционировании опираются на концепцию БЭС. Это позволяет, по нашему мнению, сделать акцент на целесообразности использования принципов экосистемного подхода для оценки готовности предприятий и отраслей текстильной и швейной промышленности, особенно в развивающихся странах, странах с переходной экономикой и наименее развитых странах, к глобальным изменениям в силу новых императивов совместного использования технологий, знаний и информации.

Для выявления влияния принципов экосистемного подхода на перспективы устойчивого развития текстильной и швейной промышленности, на наш взгляд, необходимо проверить гипотезу о наличии взаимосвязи между значениями позиций стран в рейтингах международных индексов и величиной мирового экспорта текстильной продукции (в том числе готовых изделий).

Моделирование взаимосвязи (табл. 6) выполнено на основе корреляционного анализа с использованием показателей за период 2017–2021 гг. Следует отметить, что в набор независимых переменных, влияющих на зависимую переменную экспорта, входят комплексные индексы, включающие целые совокупности факторов, поэтому в выявлении наличия связей, на наш взгляд, в большей степени важна только сила взаимодействия (теснота), которую подчеркивают абсолютные значения коэффициентов корреляции Пирсона. Для характеристики полученных величин взаимосвязи была применена шкала Чеддока [6, с. 13] в целях качественной оценки показателей тесноты связи.

Важно подчеркнуть, что проводимый корреляционный анализ непосредственно не направлен на выявление конкретных причинных связей, а необходим для установления их численных значений и «...достоверности суждений о их наличии» [6, с. 107]. При проверке гипотезы одной из причин наличия минимальных значений взаимосвязи могло стать отсутствие данных по определенным странам, входящим в группу анализа.

Проведенное исследование (табл. 7) свидетельствует о наличии связи между показателями мирового экспорта текстильной продукции (в том числе готовых изделий) и выбранных в разрезе групп стран международных индексов, которые выступают в качестве факторов, обуславливающих актуальные векторы развития традиционных отраслей промышленности, в частности текстильной и швейной, характеризующих условия для применения принципов экосистемного подхода.

Наибольший интерес для раскрытия концепции БЭС и влияния на достижение успешного развития отрасли легкой промышленности в развивающихся странах и странах с переход-

ной экономикой, по нашему мнению, представляют факторы, которые включены в состав анализируемых международных индексов и отличаются заметной силой взаимодействия: развитие предпринимательской среды для трансфера и внедрения результатов НИОКР (с позиции национального предпринимательского контекста), инновационной деятельности внутри страны (с позиции глобальных инноваций), цифровых сервисов и продуктов (с позиции сетевого взаимодействия).

Таким образом, выстраивание стратегии взаимовыгодного сотрудничества между участниками экономических отношений открывает возможности для применения концепции БЭС

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа по выявлению взаимосвязи между величиной экспорта текстильной и швейной промышленности и позициями стран в мировых рейтингах

Страна	Абсолютная величина коэффициентов			
	<i>NECI</i>	<i>GPI</i>	<i>WDCI</i>	<i>NRI</i>
Развитые страны				
США	0,310	0,048	0,208	0,548
Германия	0,588	0,309	0,575	0,456
Великобритания	0,337	0,918	0,813	0,715
Развивающиеся страны				
ОАЭ	0,689	0,645	0,132	0,148
Китай	0,941	0,635	0,586	0,649
Индия	0,196	0,268	0,155	0,165
Страны с переходной экономикой				
Россия	0,371	0,674	0,369	0,787
Беларусь	0,678	0,495	—	0,435
Казахстан	0,129	0,650	0,761	0,680
Наименее развитые страны				
Бангладеш	—	0,333	—	0,511

Источники: разработка автора на основе [6, с. 105; 13, р. 92—191; 15, р. 50—51; 17, р. 36; 20, р. 32—34].

Таблица 7

Выявленная взаимосвязь между величиной экспорта текстильной и швейной промышленности и позициями стран в мировых рейтингах

Страна	Взаимосвязь по рейтингам			
	<i>NECI</i>	<i>GPI</i>	<i>WDCI</i>	<i>NRI</i>
Развитые страны				
США	Умеренная	Слабая	Умеренная	Заметная
Германия	Заметная	Умеренная	Заметная	Умеренная
Великобритания	Умеренная	Высокая	Высокая	Высокая
Развивающиеся страны				
ОАЭ	Заметная	Заметная	Слабая	Слабая
Китай	В-ысокая	Заметная	Заметная	Заметная
Индия	Слабая	Слабая	Слабая	Слабая
Страны с переходной экономикой				
Россия	Умеренная	Заметная	Умеренная	Заметная
Беларусь	Заметная	Умеренная	—	Умеренная
Казахстан	Слабая	Заметная	Заметная	Заметная
Наименее развитые страны				
Бангладеш	—	Умеренная	—	Заметная

Источники: разработка автора на основе [6, с. 105; 13, р. 92—191; 15, р. 50—51; 17, р. 36; 20, р. 32—34].

к управлению преобразованиями в традиционных отраслях промышленности, что позволяет выявить важные свойства для будущей организации взаимодействия заинтересованных сторон и среды их функционирования.

Анализ полученных результатов показал, что наборы параметров, входящих в предложенные международные индексы *NECI*, *GII*, *WDCI*, *NRI*, являются индикаторами, отражающими основные векторы устойчивого роста для формирования новых форм межорганизационных взаимодействий, которые способны влиять на развитие предприятий легкой промышленности. Складывающиеся тенденции в экономическом и социальном развитии стран в условиях, когда геополитические риски находятся на высоком уровне, определяют направления устойчивого развития текстильного и швейного сектора промышленности под воздействием инновативности, сетизации, цифровизации и сервисизации, значение следования которым возрастает особенно для развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Увеличение такого показателя, как экспорт продукции на мировом рынке текстиля и

швейных изделий, практически подтверждает укрепление позиций отрасли в стране, а также сосредоточение усилий на ее техническом и технологическом преобразовании в рамках глобальных трендов Индустрии 4.0. Существование заметной и высокой взаимосвязи между величиной экспорта текстильной и швейной промышленности и позициями государств в выбранных мировых рейтингах указывает на складывающийся в странах потенциал отрасли легкой промышленности, с одной стороны, для достижения устойчивого роста путем участия предприятий в сетевых формах межорганизационных взаимодействий, а с другой — для выбора стратегии трансформации существующих бизнес-моделей в рамках концепции экосистем в бизнесе.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о наличии ряда аспектов, по которым в будущем возможно оценивать комплексный экосистемный потенциал готовности окружающей бизнес-среды и организаций традиционных отраслей промышленности, взаимодействующих в ней, к формированию таких сложных форм межорганизационного взаимодействия, как БЭС.

Список использованных источников

1. Бизнес-экосистема как форма ведения бизнеса: виды, принципы партнерства и направления развития в текстильной промышленности / Н. С. Иващенко [и др.] // Изв. высш. учеб. заведений. Сер. «Технология текстильной промышленности». — 2022. — № 1 (397). — С. 38–42. (https://doi.org/10.47367/0021-3497_2022_1_38)
2. Вайлунова, Ю. Г. Методические аспекты оценки уровня и перспектив развития интеграционных связей организации в контексте создания кластерных структур / Ю. Г. Вайлунова, Г. А. Яшева // Вестн. Витебск. гос. технолог. ун-та. — 2019. — № 1 (36). — С. 187–203. (<https://doi.org/10.24411/2079-7958-2019-13620>)
3. Воронин, С. М. Анализ текущей ситуации в легкой промышленности Республики Беларусь / С. М. Воронин, А. В. Ручанов // Проблемы управления. — 2022. — № 4 (86). — С. 53–59.
4. Ибрагимова, Р. С. Выявление приоритетных направлений развития текстильной промышленности на основе форсайт-исследований / Р. С. Ибрагимова, Д. С. Головкин // Изв. высш. учеб. заведений. Сер. «Экономика, финансы и управление производством». — 2021. — № 01 (47). — С. 87–97.
5. Клейнер, Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее / Г. Б. Клейнер // Экон. возрождение России. — 2019. — № 1(59). — С. 40–45.
6. Макаров, Р. И. Методы анализа данных: учеб. пособие / Р. И. Макаров, Е. Р. Хорошева; Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. — Владимир: Изд-во ВлГУ, 2021. — 216 с.
7. Сергиевич, Т. В. Анализ состояния швейной промышленности в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич, С. Ю. Солодовников // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых и инженерных подходов: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию Белорус. нац. техн. ун-та, Минск, 29 окт. 2015 г. / редкол.: С. Ю. Солодовников [и др.]. — Минск, 2016. — С. 486–489.
8. Текущее состояние и перспективы развития легкой промышленности в России: докл. к XV апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. / В. В. Радаев [и др.]. — М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. — 333 с.
9. Челак, И. П. Управление развитием инновационной экосистемы предприятия на основе учета интересов стейкхолдеров: дис. ... канд. экон. наук: 5.2.6 / И. П. Челак. — Екатеринбург, 2022. — 242 л.
10. A case study for implementing a B2B collaborative information system: a textile case / T.-H. Chang [et al.] // Journal of Manufacturing Technology Management. — 2009. — Vol. 20, N 3. — P. 330–347. (<http://dx.doi.org/10.1108/17410380910936783>)
11. Adner, R. Match your innovation strategy to your innovation ecosystem / R. Adner [Electronic resource] // Harvard business review. — April 2006. — Mode of access: <<https://hbr.org/2006/04/match-your-innovation-strategy-to-your-innovation-ecosystem>>. — Date of access: 16.08.2023.
12. Asustainableplatform [Electronic resource] // VECHAIN. — Mode of access: <<https://www.vechain.org/sustainability>>. — Date of access: 16.08.2023.
13. GEM 2021/2022 Global Report: Opportunity Amid Disruption [Electronic resource] // Global Entrepreneurship Monitor. — Mode of access: <<https://www.gemconsortium.org/report>>. — Date of access: 19.08.2023.
14. Ghoreishi, M. The Case of Fabric and Textile Industry: the Emerging Role of Digitalization, Internet-of-Things and Industry 4.0 for Circularity / M. Ghoreishi, A. Happonen // Proceedings of Sixth International Congress on Information and Communication Technology. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 216. — Singapore: Springer, 2022. — P. 189–200. (https://doi.org/10.1007/978-981-16-1781-2_18)
15. Global Innovation Index 2022 [Electronic resource] // World Intellectual Property Organization. — Mode of access: <https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2022/index.html>. — Date of access: 20.08.2023.
16. Hall, N. Circular textiles: building business case scenarios through stakeholder dialogue / N. Hall, V. J. Boiten // Sustainable Textile and Fashion Value Chains. — Cham: Springer, 2020. — P. 377–402. (https://doi.org/10.1007/978-3-030-22018-1_20)

17. IMD World Digital Competitiveness Ranking 2022 [Electronic resource] // IMD: World Competitive Center. — Mode of access: <<https://www.imd.org/wp-content/uploads/2023/03/digital-ranking-2022.pdf>>. — Date of access: 20.08.2023.
18. Keystone actors do not act alone: a business ecosystem perspective on sustainability in the global clothing industry / J. Hileman [et al.] [Electronic resource] // PLoS ONE. — 2020. — Vol. 15, N 10. — Mode of access: <<https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0241453>>. — Date of access: 15.08.2023. (<https://doi.org/10.1371/journal.pone.0241453>)
19. Milshina, Yu. V. Forecasting the industry future through timelines and wild cards: the case of textile and apparel industry: Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 105/STI/2019. Series: Science, Technology and Innovation / Yu. V. Milshina, D. A. Pavlova, K. O. Vishnevsky [Electronic resource] // SSRN. — Mode of access: <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3495527>. — Date of access: 15.08.2023.
20. Moore, J. F. Business ecosystems and the view of the firm / J. F. Moore // The Antitrust Bulletin. — 2006. — Vol. 51, N 1. — P. 31–75 (<https://doi.org/10.1177/0003603X0605100103>)
21. Network readiness index 2022 [Electronic resource] // Portulans Institute. — Mode of access: <<https://portulansinstitute.org/wp-content/uploads/2022/11/NRI-2022-Final.pdf>>. — Date of access: 21.08.2023.
22. Resortecs [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://resortecs.com>>. — Date of access: 16.08.2023.
23. Textile Industry Size & Share Analysis — Growth Trends & Forecasts (2024–2029) [Electronic resource] // Mordor Intelligence. — Mode of access: <<https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/global-textile-industry---growth-trends-and-forecast-2019---2024>>. — Date of access: 19.08.2023.
24. Textiles [Electronic resource] // Observatory of Economic Complexity. — Mode of access: <<https://oec.world/en/profile/hs/textiles?diversificationFrontierYearSelector=2020&growthSelector=value1&yearSelector1=2021>>. — Date of access: 20.08.2023.
25. The international yearbook of industrial statistics 2022 [Electronic resource] // United Nations Library. — Mode of access: <<https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789213585160>>. — Date of access: 15.08.2023.
26. The 2022 Value creators rankings: the end of tech dominance? / G. Hassel [et al.] [Electronic resource] // Boston Consulting Group. — 06.05.2022. — Mode of access: <<https://www.bcg.com/publications/2022/end-of-tech-dominance-value-creator-rankings-2022>>. — Date of access: 22.08.2023.
27. UN list of least developed countries [Electronic resource] // United Nations Trade and Development. — Mode of access: <<https://unctad.org/topic/least-developed-countries/list>>. — Date of access: 19.08.2023.

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2023 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Журнал ориентирован на профессорско-преподавательский состав университетов, научных сотрудников, специалистов-практиков, аспирантов, магистрантов и студентов учреждений высшего образования, работающих в области международных отношений и международного права.

Все научные статьи проходят обязательное двойное «слепое» рецензирование. С 2019 г. фамилии рецензентов не публикуются в журнале.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

- статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

- резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

- выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

- заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается плата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2023 № 3 (106) июль—сентябрь

Подписано в печать 27.11.2023 г. Выход в свет в декабре 2023 г.

Формат 60х84^{1/8}. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. .8,84. Тираж 35 экз. Заказ № 385Ц.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «Типография НьюГрафикс».

ЛП № 02330/483 от 19.04.2017 г.

220014, г. Минск, пер. С. Ковалевской, 52а, тел.: +375 29 684 63 33

Распространяется бесплатно